

МВД России
Санкт-Петербургский университет

К. В. Злоказов

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕСТУПНИКА**

Монография

Санкт-Петербург
2021

УДК 159.9

ББК 88.91

3 68

Злоказов К. В.

3 68 Социальное пространство в представлении преступника:
монография. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД Рос-
сии, 2021. — 264 с.

ISBN 978-5-91837-457-3

В монографии раскрывается специфика представлений преступников и правопослушных лиц на основе теоретических подходов к изучению представления преступника о взаимодействии с обществом обобщаются концепции, методология и методы исследования данного феномена

Предназначена для обучающихся по специальности 37.05.02 — Психология служебной деятельности, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции, а также может быть использована научно-педагогическими работниками образовательных организаций, осуществляющих профилактику вандального поведения молодежи.

УДК 159.9

ББК 88.91

Рецензенты:

Коваль Н. А., доктор психологических наук, профессор
(Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина);

Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор
(Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя);

Рябова М. А., кандидат психологических наук, доцент
(Уральский юридический институт МВД России)

ISBN 978-5-91837-457-3

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	10
1.1. Социологические теории социального пространства	10
1.2. Психологические исследования социального пространства	26
1.3. Социально-психологические подходы к исследованию социального пространства	46
Глава 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	66
2.1. Социальное пространство личности как предмет социально-психологического исследования	66
2.2. Представление как форма репрезентации личностью социального взаимодействия	85
2.3. Методологические подходы к исследованию представления личности о социальном пространстве	98
2.4. Общепсихологические и социально-психологические методы исследования представлений личности о социальном пространстве	107
Глава 3. МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ О СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	126
3.1. Разработка методики исследования представления личности о взаимодействии с социальным окружением	126
3.2. Разработка методики исследования представления личности о стратегиях социального влияния	159
Глава 4 ОРГАНИЗАЦИЯ И СВОЙСТВА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕСТУПНИКОВ	192
4.1. Параметрические характеристики социального пространства в представлении правонарушителей и преступников	193
4.2. Свойства социального пространства в представлении преступников	207
4.3. Недостатки взаимодействия в представлении преступников и правопослушных граждан	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	239
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	242
ПРИЛОЖЕНИЕ	263

ВВЕДЕНИЕ

Объектом данной работы выступает представление личности о взаимодействии с обществом. Система взаимодействий образуется онтологически, в силу социальной сущности человека и социального способа его существования. Для взрослых людей эта система представляет собой устойчивую совокупность связей личности с ее социальным окружением.

Являясь разноплановой по видам связей и разнородной по характеру отношений, совокупность взаимодействий личности практически всегда рассматривалась в качестве системы, т. е. сложной, многоуровневой и сосредоточенной на ее системообразующих факторах — личности или социальном окружении.

В силу собственных теоретических позиций, исследователи изучали взаимодействие, описывая отношения личности с социальным окружением и определяя стратегии взаимодействия или межличностные свойства, либо анализировали влияние социального окружения на личность. В этом направлении исследований подчеркивалось многоплановое влияние социального окружения на развитие личности. Неоднократно показывалось, что образ жизни, поступки и решения, самочувствие и самооценка человека определяется социальным окружением. Но при всей многосторонности и важности влияния социального окружения, в социальной психологии до сих пор недостаточно полно изучено восприятие личностью всей совокупности своего взаимодействия с окружающими.

Постановка проблемы. Отсутствие концепции, объясняющей репрезентацию человеком взаимоотношений с социальным окружением, оценивается нами как проблема, требующая научного решения. Следствием этой проблемы выступают не только недостатки знаний о взаимодействии, но и методов исследования количественных и качественных характеристик социального взаимодействия, вызванные этим трудности психологического сопровождения и профилактической работы с отдельными категориями населения, в том числе правонарушителями и преступниками.

В отечественной научной публицистике отсутствуют знания о параметрах системы взаимодействия личности, например, количестве и интенсивности связей с другими людьми, преобладающем характере отношений, степени их конфликтности, лидерства или подчиненности, стиле взаимодействия. Отсутствие верифицированных параметров не позволяет сопоставлять представления людей, существующих в разных

условиях жизни, обладающих разными социальными статусами, оценивать их вовлеченность в социальную жизнь групп и сообществ.

Важной стороной взаимодействия личности с окружающими выступает восприятие оценок и отношений других людей. Разработанные в социальной психологии концепции воспринимаемого отношения окружающих сфокусированы на отдельных ситуациях взаимодействия, и не применимы к изучению обобщенного представления о соучастии других людей в жизни и деятельности.

Соответственно, разработка модели субъективных представлений о взаимодействии, а также ее реализация в виде психодиагностической методики может быть полезной в практике работы с людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, нуждающихся в помощи и поддержке окружающих.

Таким образом, исследование социального взаимодействия личности с социальным окружением является актуальным и важным, а отсутствие концепции, описывающей структуру и содержание взаимодействия, его репрезентацию в сознании личности препятствует этому. Поиску решения проблемы посвящено научное исследование, представленное в данной монографии.

Целью исследования выступает разработка теоретической модели представления личности о взаимодействии с социальным окружением, ее эмпирическая проверка на выборке лиц, осужденных за совершение преступлений и правонарушений.

Основным методологическим принципом работы выступает принцип субъектности (С. Л. Рубинштейн, Л. И. Анциферова, А. Л. Журавлев), закрепляющий за человеком ведущую роль в установлении отношений с другими людьми, группами и обществом.

Теоретическую основу исследования составляют социально-психологические и социологические теории социального познания. Ведущую роль играет теория социального познания человеком социального мира (К. А. Абульханова, Н. М. Леонов). Предполагается, что личность репрезентирует свои взаимодействия с обществом не в форме их объективной данности, а преломленными через призму собственного мнения о них. Соответственно, отношение личности к различным аспектам взаимодействия изменяется в зависимости от особенностей своей жизни.

Содержание конструируемого представления ставится в зависимость от представлений социального окружения (С. Московичи, Л. Г. Почебут), а также интерсубъектного механизма их возникновения

(П. Бергман, Н. Лукман). Личность использует социальные знания для описания роли и значений других людей, рассматривает оценки социального окружения для определения собственной позиции в отношениях с другими людьми, социальными группами.

Социальное пространство как область социально-психологического исследования. Поскольку предметная область исследования описывает восприятие личностью своего взаимодействия с социальным окружением, в работе для его обозначения применяется понятие «*социальное пространство личности*», определяемое нами в виде устойчивой системы взаимодействия личности с социальным окружением, сформированной в процессе жизнедеятельности и отражающей позиции, занимаемые в структурах взаимодействий.

Подобный взгляд на взаимодействие традиционен для социальной психологии, стремящейся изучать личность в ее реальных отношениях с обществом. Даже применение понятия «социальное пространство» не является новым. К настоящему времени в науке представлено несколько «пространственных» концепций, объясняющих социальные и психологические отношения между человеком и обществом.

К исторически ранним и влиятельным следует отнести модель взаимоотношений малой группы Дж. Морено («социометрическое пространство»), представления К. Левина («концепция психологического пространства»), Дж. Келли («геометрия психологического пространства»). Отечественные исследования субъективных пространств разрабатываются А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко («социально-психологическое пространство личности»)¹, С. К. Нартовой-Бочавер («психологическое пространство личности»)², В. Ф. Петренко («семантическое пространство»)³, Л. Я. Дорфманом («пространство Я-концепции»)⁴.

---

¹ Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Некоторые виды социально-психологических пространств самоопределяющегося субъекта // Психология образования: Культурно-исторические и социально-правовые аспекты: материалы III Национальной научно-практической конференции. Т. 1. М., 2006. С. 180–181.

² Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. — 2002. № 1. С. 35–41.

³ Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009. 440 с.

⁴ Дорфман Л. Я. Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 1. Общие представления о психологическом пространстве и пространстве Я-концепции // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 124–134.

Посредством обращения к пространству изучаются разные аспекты взаимоотношений — принятие и отвержение, сотрудничество и конфликты, демаркация себя и своей группы от социальных обществ.

Концепции когнитивной направленности посвящены исследованию категоризации и классификации людей и групп, выяснению значений социального мира в сознании субъекта. В целом следует согласиться с мнением П. Бурдые о том, что модели социального пространства в науке *«...функционируют одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, ... как ментальная структура»*¹. Несмотря на многозначность научных трактовок, данные концепции обладают методологией, применяемой в исследованиях личности или среды.

Методологическое значение «пространственной» метафоры. Применение понятия «пространство» позволяет преодолеть методологическую оппозицию личности и мира, приводящую к отделению личности от ее социального окружения. Пространственный подход объединяет личность и ситуацию в которой она находится, личность и ее окружение, личность и значения окружающего ее мира. Конечно, описания пространства могут различаться в зависимости от теоретических, методологических и методических вариаций, однако, достоинство «пространственного» подхода, заключается в его возможности описать то, каким образом личность воспринимает, оценивает и воспроизводит в сознании объекты мира в непосредственном взаимодействии с ним.

Ценность и перспективы подхода объясняется высказыванием С. Л. Рубинштейна: *«Проблема человека зазвучит в науке полно и целостно только тогда, когда будут преодолены отчуждение человека от его жизни, разрыв между человеком и его миром, их разъединение и противопоставление»* («Человек и мир», 1973).

Разработка модели представления предполагает постановку гипотез, которые кратко анонсируются во введении, но развернуто и последовательно описываются в соответствующих главах монографии.

1. Представление как результат восприятия. В исследовании выдвигается гипотеза о том, что основной формой репрезентации личностью социального пространства выступает представление. Представление, в ряду форм психического отражения является более сложным чем образ, но менее обобщенным чем понятие, способом репрезентации социальной действительности. Представление включает в себе

---

¹ Бурдые П. Социология политики. Москва., 1993. С. 37.

ощущения, образы частные представления, понятия и суждения, порождаемые взаимодействием.

Считая представление целостным, мы выделяем в работе две морфологически различные составляющие, участвующие в его конструировании — образам и понятиям. Являясь результатами восприятия, образы и понятия участвуют в построении представления, его актуализации и трансформации. Посредством образов и понятий в сознании личности репрезентируется вся совокупность актуальных и устойчивых характеристик ее взаимодействия с социальным окружением.

2. Содержание представления. Полагая что представление отражает всю систему взаимодействия в целостном и обобщенном виде, мы допускаем, что в представлении отражаются социальные роли и позиции, а также отношение личности с социальным окружением. Типичное содержание представления рассматривается в нескольких аспектах — структурно-функциональном, рефлексивно-оценочном и интерактивном. Каждый из них является отчасти самостоятельным способом описания личностью своего социального пространства, репрезентирующим его в виде: а) позиций, занимаемых личностью в структурах групп, сообществ, б) субъективных суждений относительно свойств, оценок и качеств отношений с окружающими людьми; в) способности управлять и контролировать взаимодействие с другими людьми.

3. Генез представления. Поскольку онтологически, социальное пространство формируется повседневным взаимодействием личности с окружающими людьми, оно управляется и контролируется не только самим субъектом, но и социальным окружением — ожиданиями других людей, правилами и нормами групп и сообществ. Соответственно, генез представления личности о социальном пространстве следует рассматривать через призму социоцентрической и субъектной составляющих (К. А. Абульханова). Социоцентрический фактор характеризует функции, роли и статус личности в социальных отношениях, возможности и ограничения предписанные личности социальными структурами. Субъектный фактор характеризует потребности, цели и стремления личности, побуждающие ее к взаимодействию с окружающими. Таким образом, сочетающимся воздействием социоцентрического и субъектного факторов и порождается представление личности о социальном пространстве.

Сформулированные гипотезы о сущности и структуре представления проверены совокупностью теоретических и эмпирических методов.

Методы исследования представления. Цели исследования требуют разработки и апробации новой методики изучения представления личности о социальном пространстве. Необходимость разработки обусловлена отсутствием психодиагностических инструментов, позволяющих измерять и оценивать характеристики взаимодействия личности с социальным окружением.

Поэтому в третьей главе монографии описаны теоретические основания, методы и процесс разработки двух стандартизированных самоотчетов: а) восприятия личности взаимодействия с социальным окружением; б) предпочтении личностью стратегий социального влияния. Психометрические проверки этих инструментов показали их удовлетворительную надежность, а также валидность по отдельным характеристикам (структурную, конвергентную, содержательную).

Практическая значимость исследования обусловлена важностью изучения представлений преступников о социальном взаимодействии. Оно расширяет знания о механизмах совершения преступления и регуляции противоправного поведения. Понимание того, как в сознании преступников представлена структура их взаимодействия с обществом, совершенствует методы психолого-педагогической профилактики делинквентного и правонарушающего поведения, выступая необходимым условием ресоциализации несовершеннолетних¹. Данные сведения были получены в ходе исследовательской работы и отражены в четвертой главе монографии. Применявшиеся методики и материалы исследования представлены в приложении.

Автор благодарит коллег, адъюнктов и студентов за участие, критику и возможность обсуждать с ними ход и результаты исследования.

---

¹ Шаранов Ю. А., Гайворонская И. Б., Галкина Н. В. Несовершеннолетний правонарушитель как субъект восстановительной юстиции // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 320–337.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В главе описывается современное состояние научно-психологических знаний о социальном пространстве. Описываются и сопоставляются теоретические идеи социально-когнитивных, интеракционистских подходов в социологии и психологии.

Результатом главы выступает обобщение научных знаний о социальном пространстве личности — системе взаимодействия с социальным окружением, структурированной социально-культурными нормами. Содержание социального пространства личности образуют взаимодействия с другими людьми, социальными группами и сообществами.

1.1. Социологические теории социального пространства

Цель данного параграфа — анализируя исследовательские подходы к изучению феноменов, маркируемых общим термином «социальное пространство», описать социологические теории, изучающие социальное пространство, охарактеризовать теоретические и методологические представления о нем.

Понятие «*социальное пространство*» существует в социологии и психологии, архитектуре и педагогике, криминалистике и криминальной психологии. Во всех трактовках, принятых в этих науках, понятие отсылает к месту проживания и совместной деятельности людей. Данное понятие может описывать объекты физического мира и природы, а может характеризовать отношения, существующие только в воображении ученых.

История разработки этого понятия восходит к началу XX века. К первым научным упоминаниям о социальном пространстве можно отнести исследования Г. Зиммеля. Он вводит понятие «социальное пространство» в своей статье «Социология пространства» в 1903 году, поднимая в ней роли и значения, которое пространство может выполнять в социальных отношениях¹. Благодаря ему, социальные науки изменяют свое отношение к категории пространства, исследователи открывают ее возможности для описания различных областей социальной жизни людей. Отметим, что Г. Зиммель первым проводит и операционализацию пространства, показывая, что социальное пространство

---

¹ Филиппов А. Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. 2009. С. 3.

определяется широтой и интенсивностью отношений человека с окружающим миром, влиянием которое человек оказывает на окружающих его людей¹.

В 30-е и 40-е годы XX века исследования, использующие концепцию пространства, стали популярными не только в социологии, но и других социальных науках. Изучая отношения в городских сообществах, ученые адаптировали идею пространственного описания к другим предметным областям. Так были проведены исследования профессиональных и поликультурных сообществ, этнических и религиозных общин, образовательного пространства, территориальные модели преступного поведения. К настоящему времени, «пространственный» подход как самостоятельное направление сформировался в социологии, психологии, педагогике и криминалистике. Но вместе с ростом прикладных исследований, увеличивалось и многообразие определений понятия «социальное пространство». Широта распространения данного понятия и многообразие обозначаемых им явлений требует прояснения его основного значения.

К настоящему времени понятие «*социальное пространство*» обладает двумя основными значениями, транслируемыми в социальных науках.

1. С помощью понятия «социальное пространство» описывают взаимодействие людей, его структуру и порядок. Определяемое таким образом социальное пространство порождается общением и совместной деятельностью людей. Социальное пространство возникает во взаимодействии людей, им организуется и регулируется.

К примеру, между собеседниками образуется *пространство коммуникации*, которому присуще взаимопонимание и доверие, оно организуется обсуждаемой тематикой, регулируется коммуникативными позициями, правилами и нормами взаимодействия. Внутри производственного коллектива формируется *пространство взаимодействия*, характеризующееся сплоченностью и сотрудничеством, организуемое общей целью и регулируемое функциями и ролями, распределенными между участниками совместной деятельности.

2. Понятие социального пространства используется для характеристики социальных значений явлений, отношений и объектов окружающего мира.

---

¹ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4.

К примеру, присвоение трещине на камне «социального» значения предполагает рассмотрение ее в виде знака, признание возможности его прочтения и понимания, домысливание функции и ценности этой трещины для людей, нанесших ее на скалу. Описание двух людей понятием «друзья», подразумевает присвоение их действиям значений, ассоциируемых с социальными представлениями о дружбе. Таким образом, «социальность» является атрибутом воспринимаемых объектов и явлений, а «социальное пространство» — обобщающей эти объекты категорией. Вследствие отнесения к категории социальных они могут обобщаться, сопоставляться и сравниваться с другими явлениями и объектами, признаваемыми социальными. Конструирование «социального пространства» происходит в ходе познавательной деятельности людей, в результате которой объектам и явлениям присваивается социальное значение, конструируется и транслируется социальное знание о них.

Обе трактовки понятия «социальное пространство» используются в социальных науках, однако, если в первом случае, социальное пространство рассматривается как пространство взаимодействия и применяется в основном в социологических и психологических исследованиях, то вторая трактовка, представляющая пространство социальных значений, используется в антропологии, философии и культурологии. В рамках данной монографии социальное пространство рассматривается в соответствии с первым подходом. Нами предполагается, что жизнедеятельность человека неотделима от взаимодействия, существует и проявляется в нем. Соответственно, социальное пространство образуется посредством устойчивых связей и отношений, возникающих между человеком и его социальным окружением.

Всю совокупность научных взглядов на организацию социального пространства можно разделить на две группы, основываясь на топологическом и интерактивном признаках.

Топологический признак является наиболее исторически ранним и его использование присуще концепциям пространства в социологии и психологии первой половины XX века. В настоящее время он практически не используется, однако топологическая метафора активно применяется при объяснении взаимоотношений и взаимодействия людей. Например, ключевые понятия топологии — центр пространства и его периферия, метрики (расстояния, направления), элементы пространства, просты и продолжают использоваться в более поздних концепциях пространства, организованных по социальным критериям.

Топологические признаки выполняют несколько функций в описании социального пространства. Во-первых, связывают личность или группу с местом ее возникновения. К примеру, указание на место рождения (проживания) связывает качества человека с местом его рождения или проживания: «москвич», «сибиряк», «южанин». Во-вторых, дифференцируют людей и группы, выступая категориями «наивного» деления на «своих» и «чужих», «местных» и «приезжих», «городских» и «деревенских». В-третьих, топологические признаки лежат в основе самоидентификации. В таком случае, элементы пространства символизируются, дополняясь определенным социокультурным значением. Так, государственная символика — гимн, флаг и герб отсылают к природным особенностям страны¹, а символами национальной и этнической идентичности выступают объекты местности — горы, реки, степи. Отметим, что топологические признаки являются социально-сконструированными и их значение понятно только представителям использующего их сообщества.

Интерактивный признак в представлении социального пространства возникает в исторически более поздних научных концепциях, начиная с середины XX века. Данный признак неоднороден и по-разному используется для моделирования социального пространства в социологии и психологии.

К примеру, в социологии города признание определенного места «социальным пространством» предполагает, что находящиеся в нем люди заняты определенным видом деятельности, отдыха или развлечения. «Социальное пространство» обобщает людей, использующих данные места, показывая их социальный статус, экономическое положение, уровень образования и культуры.

Городские исследования показывают, что пространственные деления не являются умозрительными. К примеру, люди с высоким социальным статусом и экономическим положением концентрируются в определенных «престижных» районах города, а люди с низким — проживают на его окраинах. Кроме того, городские места (торговые и культурные центры, улицы и площади, время и даже маршруты движения) различаются у людей с высоким и низким статусами. Социологи показывают, что социальное пространство горожан с разным социально-экономическим положением не совпадает — несмотря на территориальную близость, они остаются разделенными.

---

¹ Григорьев А. А. Знаки и образы в географическом страноведении. СПб.: Тесса. 2010. 342 с.

В психологических исследованиях возникновение социального пространства объясняется коммуникацией и сотрудничеством. Так, В.П. Поздняков, анализируя специфику отношений личности к различным объектам и явлениям окружающего мира, к другим людям, с которыми личность связана теми или иными видами взаимодействия, приходит к выводу о том, что данные отношения, являясь стабильными во времени и инвариантными в разных ситуациях, могут быть описаны в качестве «*пространства отношений личности*»¹.

Понятие «*пространство внутригрупповых отношений*» применяется А. В. Кидиновым при описании многообразия взаимоотношений, возникающих между участниками группы², понятие «*образовательное пространство*» — характеризует особый вид взаимодействия, приводящий к развитию культуры людей и повышению их образованности³, а «*консультативное пространство*» описывает правила, предписывающие взаимодействие клиента и консультанта⁴.

Обобщая, отметим, что топологический и интерактивный признаки являются основаниями для понимания и изучения социального пространства. В настоящее время данные критерии используются в социально-психологических исследованиях в качестве своеобразной оптики, конструирующей социальное пространство личности. Рассмотрим социально-психологическую проблематику, разрабатываемую посредством топологических и интерактивных признаков.

Традиционное представление о социальном пространстве основывается на топологической метафоре. Социальное пространство подразумевает собой «*место*», в котором проживают и трудятся люди⁵. В такой модели социальное пространство тождественно физическому, а условием его образования является физическая близость людей друг к другу. Социально-психологические проблемы, разрабатываемые

---

¹ Поздняков В. П. Концепция психологических отношений человека: пространственный и временной аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 228–238.

² Кидинов А. В. Психология внутригрупповых отношений: социально-динамический подход: дисс.... д-ра психол. н.: 19.00.05 / ГОУВМО Московский государственный областной университет], 2016.

³ Пономарев Р.Е. Образовательное пространство: монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 100 с.

⁴ Болотникова О. П. Психотерапия и психологическое консультирование: учеб.-метод. пособие. Тольятти : ТГУ, 2011. С. 18.

⁵ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494–526.

с помощью топологической модели обращены к видам взаимодействия человека с социальным окружением, совместимости и сплоченности, взаимопониманию. В исследованиях используются понятия дистанции, барьеров и границ, с помощью которых объясняются непонимания и конфликты в межличностных отношениях, проблемы координации действий участников учебных, спортивных, служебных коллективов, отношение личности к другим группам, нациям и этносам.

Топологическая модель социального пространства предполагает изоморфную связь между местом проживания и психологическими особенностями людей. Ее иллюстрацией могут выступать этнографические теории первой половины XX века, связывающие социально-психологические особенности людей с географическим местом и природными условиями их проживания.

К настоящему времени эти предположения опровергнуты более состоятельными концепциями, в которых не место проживания или род занятий людей обуславливает сходство их поведения и мышления, а идентификация людьми друг друга в качестве представителей социальной общности¹.

С позиции топологических теорий архитектура социальных групп, сообществ имеет устойчивую и неизменную социальную структуру с конкретно-определенными социальными ролями и функциями. Структура взаимодействия участников такого сообщества воспроизводится в строгом соответствии с разделением ролей, функций и позициями статусов. Отношения между участниками строятся на основании занимаемых ими позиций и статусов.

Завершая обсуждение топологической модели социального пространства, отметим, что она позволяет объяснять взаимоотношения и взаимодействия людей в устойчивых и стабильных социальных сообществах². Применительно к социальным группам она способна описывать и прогнозировать отношения в формальных и организованных группах (учебная, производственная, спортивная группа), а также неформальных группах, но объединенных одним стабилизирующим их признаком (например, людей, проживающих в одном доме).

Однако, данная модель слабо применима к неструктурированным сообществам. Данные сообщества могут существовать краткий пери-

---

¹ Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries* // *Ethnicity*. Ed.: J. Hutchinson, A.D. Smith. Oxford, 1996. Pp. 75–82

² Телеуова Э. Социальная структура и социальная стратификация традиционного общества // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2018. № 90(3). С. 47–55.

од времени (например, событийные сообщества — участники распродаж, флэш-мобов); либо могут быть долговременными, но состоять из неперсонализированных участников (интернет-сообщества, пользователи игровых платформ). Топологическая модель не способна анализировать отношения между участниками событийных коммуникаций и виртуальных групп из-за отсутствия необходимых структурных компонент (отношений между участниками, ориентации участников на достижение общей цели, распределения ролей и функций для достижения общего результата).

Вторым видом социально-психологических отношений, по отношению к которым топологическая модель социального пространства является слабо применимой, выступают системы связей человека с социальным окружением.

Современные политические и экономические процессы, технологическое развитие ускоряют социальную жизнь — уменьшают расстояния и снимают барьеры взаимодействия. Социальное взаимодействие становится асинхронным и не требует физического присутствия его участников, языковые барьеры снимаются системами «дополненной реальности», обеспечивающими синхронный перевод. В последнее десятилетие, участником взаимодействия все чаще выступает не человек а компьютерный алгоритм, предоставляющий экспертные знания относительно выбора лекарств, принятия финансовых решений, ориентирующий и обучающий.

Человеческое общество переживает новые для себя последствия технологизации, выражающиеся в слиянии и смешении культурных, религиозных и этнических ценностей разных сообществ, виртуализации труда, образования, социальных отношений.

Повседневные отношения, образ жизни и стратегии жизненного пути людей также подвержены преобразованиям. В социально-философской литературе последних десяти лет поднимается проблема отношений личности и общества в условиях транзитивности¹, обусловленной виртуализацией² и глобализацией³.

---

¹ Шопенко А. Д. Социальные риски транзитивного общества : диссертация ... доктора социологических наук. СПб., 2011. 420 с.

² Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: автореф. дис. ... докт. филос. наук : 09.00.11. М., МГУ, 2008.

³ Снеговая О. А. Глобализация как социокультурный процесс: фвтореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Дону: ФГО УВПО Южный федеральный университет, 2011.

Существование личности в обществе, подверженном интеграции и глобализации, характеризуется с одной стороны, разнообразием возможностей для самовоплощения, а с другой стороны — ограниченностью личных ресурсов, неопределенностью жизненных перспектив, непониманием социальных структур и неумением использовать их возможности. Можно говорить о том, что существование личности в условиях транзитивности ставят вопрос о переосмыслении целей социализации¹.

Влияние транзитивности, вызовы глобализации, увеличение виртуализации требуют от личности определенности жизненных целей и стабильности индивидуальных ценностей, задают новые требования к социальным навыкам и интеллектуальному уровню молодежи².

Неудачи в социальном функционировании в настоящее время еще не стали предметом интенсивного социально-научного анализа, однако психологические последствия транзитивного стиля жизни связывают с чувствами тревоги, страха, внутреннего и внешнего конфликта, самообвинения. Следует согласиться с мнением Н. В. Гришиной о том, что внешний мир содержит все меньше опор для принятия решений и выбора поведения, а жизнь человека все больше становится результатом его собственного выбора³.

Социальные группы обладают возможностями компенсации этих процессов, сглаживая и стабилизируя запросы социального мира к личности. Но современные подростки, социализируясь в неполных семьях, вырастая в среде, культивирующей индивидуальность и конкуренцию, не приобретают способности к дружбе и не всегда способны образовывать отношения поддержки и взаимопомощи⁴.

Конкретизируем состояние современного общества, порождающего необходимость социально-психологических исследований взаимодействия личности с социальным окружением:

---

¹ Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности. Психологические исследования, 2014. № 7(36). С. 7.

² Ткаченко Д. П. Новый вектор в траектории социализации современных подростков в контексте социально-экономического кризиса российского общества // Психологические исследования. 2017. Т.10. № 55 С. 10.

³ Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. № 8 (2). С. 126–138.

⁴ Белинская Е. П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. Психологические исследования. 2013. № 6(30). С. 11.

— транзитивное общество предъявляет новые требования к когнитивным и коммуникативным способностям человека, вытесняя или исключая категории лиц, не обладающих достаточным уровнем их развития;

— глобализирующееся общество гетерогенно по социально-культурным и структурно-статусным свойствам входящих в него групп и сообществ, затрудняя социальную идентификацию и самоопределение подрастающего поколения;

— виртуализация процессов взаимодействия людей расширяет возможности общения и кооперации, но в условиях ограничений ресурсов, требует осознанности целей, последовательности действий, развития умений управлять и контролировать взаимодействие с окружающими людьми¹.

Итак, изменение общества побуждает ученых к разработке новых моделей социального пространства, способных описывать динамичность взаимодействий, и социальных структур, существующих в условиях многофакторности воздействия, многовекторности и неопределенности перспектив развития.

Новый взгляд на социальное пространство был предложен в 70-х годах XX века представителями нескольких влиятельных социологических школ. Под влиянием идей П. Бурдьё и Г. Лефевра социальные науки претерпели своеобразный «пространственный поворот»², дополнив топологическую концепцию пространства идеями социальной интеракции. Благодаря их работам произошла адаптация топологической модели социального пространства к современной социальной реальности. В результате социальное пространство практически «разорвало» связь с физическим пространством. Топология социального пространства сохранила некоторые физические метрики, но их значение было переосмыслено. Понятие о центре и периферии, границах и локациях было наполнено новыми значениями. Было показано, что социальное пространство порождается взаимодействием людей — соответственно, его объем определяется частотой коммуникации его участников и согласованностью их действий, параметры пространства, его границы и барьеры зависят от субъективных установок и межличностных отношений.

---

¹ Марцинковская Т. Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1

² Soja E. W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso. 1989.

Наиболее влиятельными подходами, разрабатывающими категорию социального пространства и применявшими ее в эмпирических исследованиях стали *структуралистская* и *феноменологическая* школы.

Идея структуралистского подхода заключается в признании социального пространства свойством социальной системы, а исследования сосредоточены на объяснении того, как социальные системы побуждают и упорядочивают отношения людей друг с другом. Теоретики структурализма, прежде всего П. Бурдьё, Э. Гидденс, Т. Парсонс, стремятся обнаружить в обществе объективные структуры, не зависящие от сознания и воли субъектов, но определяющие их социальные действия. Ими предполагается, что любые социальные системы обладают особыми механизмами (например, социальной властью, социальной структурой или социальным порядком), способными воспроизводить социальное пространство вне зависимости от желаний его участников.

Иллюстрируя структуралистские идеи на примере социальной группы, можно увидеть, что структурные характеристики группы — позиции и роли, нормы и ценности порождаются самим фактом возникновения группы, а не усилиями ее участников.

Социальное пространство по мнению П. Бурдьё, отчасти зависит от индивидов, вовлеченных во взаимодействие, но в той же степени от символически представленных в нем структур¹.

Называя присущие людям способы восприятия, мышления и поведения понятием «габитус»², Бурдьё утверждает, что габитус создает социальное пространство, поскольку психологические характеристики индивидов стабилизируют их социальные действия, придают устойчивости их взаимоотношениям.

В предложенной Э. Гидденсом теории структуризации заявляется о том, что социальные действия людей и социальные структуры взаимно определяют друг друга. Социальные действия являются элементарным видом социальной активности людей и лежат в основе социальных систем. При этом, действия интенциональны, а осуществляющий их субъект отслеживает их ход и результаты.

Социальные системы рассматриваются Гидденсом как организованные и постоянно повторяющиеся социальные практики, в том числе, предполагающие взаимодействие людей друг с другом. Любые

---

¹ Bourdieu P. Social space and symbolic power // P. Bourdieu in other words: Essays towards a Reflexive sociology. Stanford (Cal.): Stanford univpress, 1990. P. 123.

² Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–59.

социальные системы воспроизводят структуры, которые в свою очередь, обеспечивают их функционирование. Рассуждая о структурах, Гидденс определяет их как *«правила и ресурсы, участвующие в воспроизводстве социальных систем»*. Используемое им понятие правил и ресурсов существенно важно для понимания конструкции социального пространства, поскольку и те и другие определяют его свойства.

Структуры не являются непосредственно представленными индивиду, они существуют для него *«...в виде отпечатков в памяти — органического базиса человеческого знания и в мгновении ее опредмечивания в действии»*¹. Структуры предписывают социальное взаимодействие людей, регулируют его и упорядочивают.

Представляя социальное пространство субъекта с позиции структурализма, можно сказать, что его содержанием являются практики повседневных социальных действий, правил которые их упорядочивают и ресурсы, которыми обладают сам субъект и участники взаимодействия. Субъект социального пространства обладает способностью вмешиваться в него, применяя принадлежащие ему ресурсы и изменяя правила.

Социальное пространство осознается субъектом, но лишь в той мере, насколько ему позволяют его знания и опыт. Э. Гидденс полагает, что люди рефлексивны по отношению к своим действиям, они способны и стремятся понять причины и объяснить цели, которых добиваются. Социальная компетентность субъекта выражается в преобладании «дискурсивного сознания» — логического и рационального, над «практическим», нерефлексивным и неосознанным, а также в «запасах знаний», позволяющих рационализировать намерения, причины и последствия.

Феноменологический подход к описанию социального пространства фокусируется на восприятии индивидом себя как социального актора — активного члена общества, погруженного в социальные отношения и взаимодействия.

Социальное пространство для феноменологической социологии является независимым от индивида, но содержащим в себя возможности для жизни. Поэтому, А.Шюц рассматривает субъекта познающим социальное пространство и полагает что пространство *«имеет собственное значение и структуру релевантности для человеческих существ, в нем*

---

¹ Whittington R. Giddens, structuration theory and strategy as practice. Cambridge Handbook of Strategy as Practice. 2015. Pp. 109–126.

*живущих, думающих и действующих»*¹. Познание является необходимым для субъекта поскольку и социальный мир и социальные взаимодействия существуют по неизвестным ему законам, подчиняются непонятным ему правилам, изучение которых позволяет субъекту повышать свою состоятельность как субъекта социальной жизни.

Результатом познания мира выступают знания об объектах и событиях². При этом социальный мир представляется людям не в его реальном, а реконструированном под влиянием категоризации виде. Шюц полагает, что люди используют практическое мышление для выявления закономерностей социального мира, поэтому применяемые ими *«...объекты мышления воздействуют на их поведение, определяют цели их действий и доступные средства их достижения...»*³. Подробнее процесс формирования представления был представлен его коллегой — А. Гурвичем.

С позиции конститутивной феноменологии, предложенной А. Гурвичем, представление о мире ставится в прямой зависимости от познавательной активности субъекта: *«Объект раскрывает и обнаруживает себя таким, какой он есть, в актах сознания сознающего его субъекта»*⁴. В ходе осознания объект социального мира конституируется субъектом — он наделяется сущностью, структурой и бытийным смыслом.

Таким образом, в структуралистских и феноменологических теориях социальное пространство концептуализируется по разному.

С позиции структурализма, социальное пространство является аналитическим образованием, используемым субъектом для объяснения собственных социальных действий. С позиции феноменологической социологии, понятие «социальное пространство» имеет больше перспектив для признания в качестве онтологического, поскольку опирается на результаты осознания субъектом себя в окружающем мире.

Рассматривая вопрос о том, к какому роду понятий следует отнести понятие «социальное пространство» — гносеологических или онтоло-

---

¹ Шюц А. О множественных реальностях / пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: Мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.

² Шюц А. Возвращающийся домой // Социс; 1995. № 2. С. 139–142.

³ Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–50.

⁴ Gurwitsch A. The collected works of Aron Gurwitsch (1901–1973). Vol. I: Constitutive phenomenology in historical perspective. Berlin: Springer, 2009.

гических, следует обратиться к дискуссиям представителей структурализма и феноменологии о возможности изучения представлений о социальном пространстве.

П. Бурдьё приходит к выводу о том, что исследование социального пространства должно включать изучение представлений о нем, складывающееся у людей, относимых к разным его регионам и классам. При этом, по его мнению, нельзя ожидать от людей полного понимания структуры социального пространства. Объяснение этому аргументу в том, что восприятие людьми общества преломляется через схемы восприятия, оценки и категоризации, усвоенных в процессе социализации. Являясь актом конструирования а не восприятия, представление о социальном пространстве дополняется ценностями субъекта, опосредуется его ожиданиями и оценками¹.

В трактовке Т. Парсонса пространство социального взаимодействия конструируется тремя факторами, потенциально доступными для понимания человека — базовыми институциональными структурами, утверждающими порядок взаимодействия, психологией индивидуальной личности и процессами интеракции и коммуникации общества². Рассматривая структуру социального действия, Парсонс включает в нее (1) актора; (2) цель (желаемый результат); (3) образ ситуации, содержащий представление о контролируемой (средства) и неконтролируемой (условия) составляющих; (4) нормативная ориентация, определяющая выбор средств достижения цели. Следуя этой структуре, планирование действия проводится субъектом посредством анализа доступных средств и условий, в которых оно будет осуществляться.

По мнению А. Шюца, субъект, планируя взаимодействие, «опирается на концепцию мира, познанного им ранее и определенного в конструктах обыденного мышления повседневной жизни»³. Моделируя ситуацию, субъект конструирует образ другого, воспринимая его в качестве исполнителя типичных ролей и функций.

А. Шюц отличает процесс понимания другого человека от процесса моделирования взаимодействия с ним, считая их самостоятельными направлениями социального познания. В повседневном (рутинном)

---

¹ Bourdieu P. The social space and the genesis of groups // Theory and society. — Amsterdam, 1985. № 6. Pp. 723–743

² Parsons T. Order as a social problem // The concept of order / Ed. P. G. Kuntz. Seattle: University of Washington Press, 1968. Pp. 373–384.

³ Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия.

взаимодействии люди стремятся выстраивать наиболее адекватные модели взаимодействия, нежели изучать окружающих их людей.

Более того, субъекты социального действия ограничены в своей способности познания «конструктами ожидаемого поведения партнера». Иначе говоря, люди понимают причины поведения партнера когда расшифровывают последствия его действий. Вместе с тем, даже в такой трактовке, структура социального действия представлена его субъекту последовательной и повторяющейся (т. е. стабильной). Причинами этого является 1) взаимозаменяемость точек зрения и 2) совпадение систем релевантностей субъектов взаимодействия.

В этнометодологической теории социального порядка, предложенной Г. Гарфинкелем, принято считать что субъект активно познает социальную ситуацию, расшифровывая ее значение путем наблюдения за действиями других людей, манипуляций с объектами. Ситуация взаимодействия представлена субъекту как предметное поле, заключающее в себе возможные варианты будущего действия и ожиданий относительно действий других людей. Гарфинкель утверждает, что модель взаимодействия разрабатывается участником в контексте ситуации в виде последовательности действий, приводящих к определенному исходу. Повторяемость ситуации приводит к повторению модели произведенных в ней действий вплоть до создания определенного порядка — ритуала. В повторяющейся социальной ситуации люди определяют себя и других участников исходя из выполняемых ими функций.

Более того, воспроизводство действий на глазах других участников, формирует их мнение о субъекте как носителе определенной функции. К примеру, человек, первый склонившийся над упавшим человеком на улице будет воспринят как врач, а социальная ситуация оценена как ситуация оказания помощи. Г. Гарфинкель пишет, что действия участника социальной ситуации рассматриваются окружающими его людьми в терминах социального порядка. Соответственно представление участников о происходящем конструируется на основе социальных значений наблюдаемых ими действий.

Э. Гидденс считает, что любой человек обладает значительными знаниями об обществе, в котором он живет, однако качество этих знаний не всегда соответствует реальной конструкции социального взаимодействия. В условиях повседневности человек может обладать детальными и подробными знаниями о себе и социальном взаимодействии, но рассматривая неизвестные ему ситуации, он будет испытывать дефицит как практических, так и дискурсивных знаний.

Завершая описание структуралистских и феноменологических взглядов на возможность изучения социального пространства, сформулируем выводы.

Возможность репрезентации людьми их социального пространства для социологической науки является незавершенным в настоящее время вопросом.

Представители структуралистского подхода ограничивают познавательные горизонты индивида рамками повседневности. Они полагают, что межличностные отношения, социальные функции и роли могут быть осознаны субъектом. Социальные условия действия, располагающиеся за ними социальные структуры и системы — нет.

Представители феноменологического направления полагают, что социальное знание интерсубъектно. В его создании участвует не только сам субъект, но и его социальное окружение. Соответственно, понимание социальных условий действия, структур и систем человеком потенциально возможно, при условии, что эти вопросы являются предметом познавательного интереса самого человека и его окружения.

Следует согласиться с интерпретацией И. А. Климовым идеи Э. Гидденса о том, что человек является *«социальным теоретиком на уровне дискурсивного сознания и «методологическим специалистом» на уровне как дискурсивного, так и практического сознания»*¹. Соответственно, опираясь на знания и оценки взаимодействия человека с окружающими его людьми можно описать отдельные характеристики социального взаимодействия и представить на их основе социальное пространство, ограниченное объемом социальных знаний. Но недоступными для изучения остаются социально-структурные механизмы организации этого пространства, лежащие за пределами познания человека.

Подводя итоги параграфа, сформулируем основные выводы.

1. Понятие *«социальное пространство»* сформировалось и получило развитие в связи с социально-политическими и социально-экономическими преобразованиями общества, совершенствованием технических средств взаимодействия. Их результатом стало появление новых возможностей трудовой и социальной мобильности, сочетающееся с ослаблением роли традиционных социальных институтов в регуляции поведения людей, возникновение трудностей в социализации, идентификации и жизненного самоопределения молодежи.

---

¹ Климов И. А. Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 121–149.

Понятие социальное пространство описывает взаимоотношения и взаимодействия людей, групп и сообществ, регулируемых различными социальными структурами. Его применение к различным сторонам социальной жизни позволяет точнее описывать взаимодействие социальных акторов и прогнозировать его исходы, учитывая многофакторность причин, порождающих их взаимодействие, сложность и неопределенность функциональных связей между ними. Теоретическое значение понятия «социальное пространство» заключается в дополнении категории социальных действий индивида, модернизации ее к состояниям транзитивности, глобализации и виртуализации, в которых находится современное общество.

2. Для социологической науки понятие «*социальное пространство*» носит характер аналитической категории, объясняющей целенаправленное взаимодействие людей, опосредованное социальными позициями его участников и регулируемое социальными правилами.

Целенаправленность взаимодействия участников подразумевает рациональность их действий, выраженную в ориентации на удовлетворение осознаваемой потребности. Социальные позиции характеризуют место участников в системе социального взаимодействия, а социальные правила описывают возможности и ограничения их действий относительно друг друга. Социальные позиции и социальные правила соотносимы друг с другом, поскольку позиция подразумевает определенный функционал и, соответственно, подчиняется правилам, регламентирующим естественные взаимодействия и отношения между людьми.

Понятие о пространстве применяется на разных уровнях анализа социального взаимодействия — от повседневных и рутинных действий людей, до взаимодействий социальных групп, сообществ, макросоциальных и социально-политических процессов.

3. Модели социального пространства различаются на «топологические» и «интерактивные». Топологическая модель социального пространства репрезентирует пространство в терминах топологии реального пространства («центр», «периферия», «дистанция», «граница»). Интерактивная модель социального пространства представляет его в виде взаимной активности акторов, познающих, действующих и регулирующих свое взаимодействие.

4. Возможность познания человеком социального пространства по-разному оценивается представителями разных социологических концепций. Представители структурализма отрицают возможность

полного и правильного понимания субъектом социального пространства, поскольку данное понятие является в большей степени гносеологическим, чем онтологическим.

Представители феноменологической социологии полагают, что человек способен воспринимать социальную реальность и интерпретировать ее, используя социальные знания. Так, А. Шюц обосновывает принцип «*взаимности перспектив*» и «*соответствие систем релевантностей*» для того, чтобы обосновать способность людей конституировать общее представление о социальном мире. Г. Гарфинкель полагает, что люди восприимчивы к повседневным и обыденным действиям совершаемым ими самими а также другими людьми, при условии что данные действия являются стабильными и повторяемыми. Люди представляют себе свое взаимодействие с окружающими людьми, планируют его, учитывая свои цели, условия в которых оно осуществляется и правил, которые их регулируют. Можно полагать, что социальное пространство конструируется в интересубъектном взаимодействии людей, ограничиваясь ситуациями, выступающими предметом обсуждения а также знаниями и опытом людей, участвующими в его обсуждении.

Понятие разрабатывается для объяснения факторов и условий социальных взаимодействий в текущих условиях развития общества. Вводя его в своих работах в качестве научной метафоры, П. Бурдье, Г. Зиммель, Э. Гиденс и А. Шюц объясняли латентные социальные силы — власть, капитал, социальную структуру и динамику социальных отношений. Признавая репрезентацию социального пространства субъектом необходимым условием осуществления социального действия, они не рассматривали ее «глазами» субъекта. Как следствие, многие вопросы репрезентации социального пространства человеком не получили пока ответа в социологии.

1.2. Психологические исследования социального пространства

Изучение способности человека к представлению мира является центральной темой психологических исследований с момента появления психологической науки. В данном параграфе будут описаны три научные направления, разрабатывающие основы исследования восприятия человеком социального пространства: феноменологическое, социально-когнитивное и субъектно-деятельностное.

Феноменологическое направление является исторически наиболее ранним, восходящим к первым этапам становления психологической науки.

Центральной идеей направления выступает предположение о том, что человек представляет себе окружающий мир и себя в нем в пространственном виде. Представителями данного направления предполагается, что восприятие реальности в пространственной форме является врожденным (априорным) свойством субъекта познания. Субъект конструирует пространственные характеристики каждый раз, когда мысленно соотносит, сопоставляет между собой воспринимаемые объекты. Познавая реальный мир, человек применяет априорное представление о пространстве, когда устанавливает последовательность явлений, описывает причинно-следственные связи и пр.¹

Э. Гуссерль привносит в анализ представлений человеком окружающего мира идею «горизонта» — заднего плана восприятия объекта². Горизонт выполняет две функции — помогает определять суть объекта, а также показывает, чем ограничено поле восприятия субъекта. «Структура горизонта» обозначает опыт субъекта (априорный опыт), участвующий в восприятии объекта, причем опыт, не всегда связанный с этим объектом, но всегда вмещающийся в познание. Горизонт конституирует явление вещи человеку, показывая, какие способы ее реализации доступны (иначе говоря, потенциальны), а какие еще недоступны, но подразумеваются человеком (интенциональны).

М. Мерло-Понти изучая восприятие пространства человеком, формулирует несколько важных положений о его значении для конструирования образа пространства³.

Во-первых, тело определяет возможности и задает условия восприятия явлений окружающего мира посредством порогов чувствительности рецепторов. Во-вторых, тело структурирует познания, поскольку с него начинается восприятие реального мира. Опыт восприятия тела для младенца является первым опытом изучения реальности. В таком случае, тело становится началом системы координат в восприятии пространства, расширяющегося по мере развития ребенка. В-третьих, в познании окружающего пространства участвуют соматические и физиологические процессы, добавляя к осознаваемой информации, часть собственных ощущений, переживаний или мыслей.

Основываясь на идее о первичности телесного познания над другими видами познания, ряд исследователей помещает в центр

---

¹ Кант И. Сочинения. — Москва, изд-во «Мысль», 1968. Т. 2. С. 407–408

² Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск: Водолей, 1999. 96 с.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента Колизей, 1999. 211 с.

представляемого социального пространства воспринимающего его субъекта. Иллюстрацией таких концепций выступает «самость» (Х. Кохут), «самоосознание» Я (У. Джеймс), «эгоидентичность» (Э. Эриксон). Такая модель представляет личность центром воображаемого мира, периферийное положение в нем занимают другие люди и группы. Схожим образом организацию социального пространства личности описывает В. Франкл. Он отмечает, что «...человек предстает как субъект, который лишь «проектирует» свой мир, который во всех «проектах мира» выражает каждый раз самого себя, так что через этот спроектированный «мир» виден всякий раз лишь сам проектирующий субъект»¹.

Немецким экзистенциальным психологом Л. Бисвангером обосновывается предположение о том, что каждому человеку свойственная присущая собственная форма существования — свой собственный миропроjekt жизни. В такой конструкции, каждый человек существует в ситуации бытия-в-мире, которой присущи модусы действия и отношения.

Л. Бисвангер выделяет во взаимодействии личности и мира три разновидности отношений: *внешний мир* (Umwelt) — окружающую среду, наполненную предметами физического мира; *совместный мир* (Mitwelt) — пространство отношений с другими людьми; *внутренний мир* (Eigenwelt), образованный отношением личности с собственным «Я»². Вне зависимости от отношений, мир и человек связаны — мир выступает проекцией человеческого присутствия, он прирастает за счет человеческой активности.

При этом, мир обладает обратной связью, необходимой для становления человеческой индивидуальности. В исследовательской концепции Л. Бисвангера, утверждается, что необходимо понимать человека из его отношения с другими людьми (бытие-с-другими) и отношения к самому себе (самобытие), то есть из структуры бытия-в-мире. Он различает два вида имплицитных убеждений человека:

а) миропроjekt — как способ осознания человеком себя, собственной жизни и далее к миру;

б) самопроjekt — рефлексивное направление от мира к сознанию,

---

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. С. 73.

² Бисвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя. М.: Апрель-пресс; Эксмо-пресс, 2001. С. 308–332.

интерпретация себя в форме жизненного опыта, который складывается в самопонятную жизненную историю.

В исследованиях Р. Янофф-Бульман изучаются убеждения людей относительно окружающего мира и событий происходящих в нем. В ее понимании данные представления являются исключительно личными, интимными. Роль данных представлений — упорядочивать текущие события, объяснять причины их возникновения и помогать человеку выстраивать отношение с миром. Представления раскрывают убеждения человека о счастье и удаче, болезни и смерти, везении и невезении. По способу возникновения они являются имплицитными — врожденными и слабоосознаваемыми¹. В рамках ее концепции базовые убеждения человека о мире разделяются на:

— убеждения о доброжелательности / враждебности мира — отношение к миру в терминах хороший / плохой;

— убеждения о справедливости (предположения о том, что хорошие и плохие события в мире распределяются неслучайно).

— убеждения о собственном «Я» (предположения о самооценности, значимости, достоинства любви и уважения, способности контролировать ситуацию собственной жизни);

— убеждения о собственной удачливости.

По мнению Р. Янофф-Бульман, базисные убеждения формируются у ребенка на начальном периоде жизни и относятся к довербальному уровню развития. В зрелом возрасте базовые убеждения располагаясь на неосознаваемом (слабоосознаваемом) уровне, оказывают влияние на восприятие информации человеком, описание им происходящих событий и принятие различных решений.

Итак, в феноменологических концепциях существование представления о пространстве у субъекта обосновывается существованием априорной формой чувственности, параметры пространства задаются субъективными характеристиками: опытом познания, перцептивными и познавательными возможностями тела.

Конечно, феноменологическая теория восприятия личностью мира не получила эмпирического завершения в психологии. Однако, ее идеи относительно априорности пространственной формы восприятия, а также предложенные модели отношений между личностью и миром

---

¹ Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: coping processes and outcomes // Coping: The psychology of what works / Ed. C. R. Snyder. NY: Oxford University Press, 1998.

используются для изучения представлений субъекта о себе, других людях и мире в целом.

Социально-когнитивное направление исследований. В 60-х годах XX века в рамках когнитивного направления формируется социально-когнитивный подход, представляющий собой самостоятельное направление в изучении процессов восприятия окружающего мира человеком.

На его повестке стоял вопрос об когнитивных основах восприятия человеком социальных событий, других людей и самого себя в процессе взаимодействия¹. Вклад социально-когнитивного подхода заключается в изучении способности человека воспринимать окружающий мир и формировать его образ в сознании.

Решение этой задачи представлено двумя областями исследований: первая посвящена восприятию человеком людей, события и явлений, обладающих социальным значением (исследование восприятия социальной информации); вторая область исследований изучает когнитивные механизмы репрезентации в сознании образа социального мира.

Информация является основным материалом для конструирования представления личности о социальном мире (по К. Джерджену). Взгляды на использование социальной информации можно обобщенно представить в виде двух моделей: *прямой* и *опосредованной*.

В *прямой* модели воспринимаемая человеком информация ложится в основу его видения мира (Л. С. Выготский, Ж. Пиаже). Исследования сенсорно-перцептивных процессов показывают, что представление о социальном присутствии возникает на основе врожденных механизмов, сформированных на уровне нервной системы.

Нейрофизиологическая концепция «зеркальных нейронов» объясняет образование представлений активацией соматосенсорных участков коры головного мозга человека, наблюдающего за поведением других людей². Эмпирические исследования подтверждают данные предположения. К примеру, В. Галезе установлено, что восприятие субъектом прикосновений к чужому телу и манипуляций с ним, способствует возникновению схожих эмоциональных реакций. Выводы М. Томаселло свидетельствуют о том, что на нейрофизиологическом уровне активности головного мозга социальная активность

---

¹ Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 230 с.

² Cacioppo J. T., Visser P. S. Pickett C. L. Social Neuroscience: People thinking about thinking people. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.

другого человека интерпретируется в виде моделей поведения субъекта¹. Но помимо этого уровня, исследователи выделяют также когнитивные, то есть осознаваемые субъектом уровни восприятия социального мира. Они различаются по степени сложности познавательных абстракций и делятся на уровень представлений о целенаправленности действий других людей и уровень представлений об осознанности поведения других².

Данные о развитии психики детей показывают, что представление о социальном пространстве формируется последовательно, вместе с развитием способности ребенка воспринимать окружающих людей.

Следуя В. Редди, этот процесс имеет три стадии³. В начале, представление основывается на наблюдении за поведением окружающих, своеобразном «протоприсутствии». За ним следует стадия «сопряженного социального присутствия», на которой ребенок научается понимать цели поведения других людей и сопоставлять их со своими.

Наконец, на завершающей стадии «распределенного социального присутствия», ребенок приобретает способность понимать мотивы поведения других. Он ищет тех людей, чьи мотивы согласуются с его собственными и стремится взаимодействовать с ними в интересах достижения собственных целей.

Можно заключить, что способность личности к восприятию формируется с раннего детства, развиваясь от частных форм когнитивного и эмоционального отражения в целостную модель представлений о социальном мире⁴.

Опосредованная модель обработки информации о социальном пространстве связывает восприятие с участием личности (Ф. Ч. Бартлет, Дж. Брунер, У. Нассер). Личность вмещивается в когнитивные механизмы своими установками, убеждениями и ценностями. В результате, конструируемая в сознании картина мира субъективизируется — её элементы искажаются влиянием ценностно-смысловой сферы.

---

¹ Gallese V., Embodied simulation: From neurons to phenomenal experience // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2005. № (4). Pp. 23–48.

² Tomasello M., Kruger A., Ratner H. H. Cultural learning // Behavioral and Brain Sciences. 1993. № 16. Pp. 495–552.

³ Reddy V. On being the object of attention: implications for self-other consciousness // Trends in Cognitive Sciences. 2003. № 7. Pp. 397–402.

⁴ Сергиенко Е. А. Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе // Ментальная репрезентация: динамика и структура / под ред. А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 1998. С. 133–162.

Примером опосредованной модели социальной информации могут выступить исследования Р.Артиджиани¹. Он показал, что оценка социальной информации зависит от отношения человеком к ее источникам, а также опосредуется отношениями между субъектом и социальными структурами. По мнению исследователя, получение субъектом информации от окружающих побуждает его к выработке Я-релевантной информации. Данная информация описывает социальные характеристики личности, т. е. то, каким образом социальное окружение воспринимает личность.

Дж. Ф. Килстром и Н. Кантор пишут о том, что представление личности образовано двумя видами знания — семантическим и эпизодическим². Семантическое знание является целостным, основывается на осмыслении личностью уникальных, ключевых характеристик социального пространства и себя в нем. Эпизодическое знание дискретно, оно состоит из воспоминаний о событиях, поступках, ярких эмоциональных переживаниях и других разобщенных, но связанных с субъектом элементах жизненного опыта.

Семантическая и эпизодическая информация накапливается посредством работы памяти в течение всей жизни. Представление субъекта о себе изменяется и модифицируется при получении новой информации или размышлении над прошлым опытом.

Нейропсихологические исследования, проведенные С. Б. Клейн, определили виды знания, необходимые для формирования комплексного представления о себе³. Ими являются: воспоминания об отдельных эпизодах собственной жизни; представления о своих личностных особенностях и чертах; знание субъектом конкретных фактов своей жизни; представление о временной протяженности собственной жизни — автобиографические факты в разные периоды жизни. Нарушения и дефекты памяти, как показывают клинические исследования, сказываются на полноте и согласованности самопредставлений⁴.

---

1 Artigiani R. Social information: the person is the message // *Biosystems*. 1998. № 46. Pp. 137–144.

2 Kihlstrom J. F., Cantor N. Mental Representations of the Self // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1984. № 17. Pp.1–47.

3 Klein S. B., Chan R. L., Loftus J. Independence of Episodic and Semantic Self-Knowledge: The Case from Autism // *Social Cognition*. 1999. № 4. Pp. 413–436.

4 Klein S. B. “What is the Self?”: Approaches to a Very Elusive Question // *Social Cognition*. 2012. № 30. Pp. 363–366.

Как уже отмечалось, область социально-когнитивных исследований составляют не только механизмы восприятия информации, но и механизмы репрезентации в сознании человека социального мира. Эта область исследований осваивалась несколькими исследовательскими группами. Когнитивные теории, разработанные Дж. Брунером, А. Бандурой и Дж. Келли показали, что люди воспринимают окружающих с помощью сложных систем понятий и категорий.

Дж. Брунер ввел понятие «*имплицитная теория личности*» (*Implicit personality theory*), обозначающее способность людей выстраивать в сознании образ собеседника, содержащий информацию о его состоянии и наиболее важных чертах личности¹.

Вкладом А. Бандуры в социально-когнитивную теорию стала концепция реципроктного (взаимного) детерминизма². В соответствии с ней, поведение человека обусловлено восприятием социальных последствий собственных действий, в частности оценкой его поведения окружающими.

В работах Дж. Келли было показано, что человек формирует представление об окружающем мире с помощью конструктов³. Являясь оценочными образованиями в сознании, конструкты используются для описания и оценки событий и людей. Человек применяет конструкты, например, характеризуя увиденное им как «интересное-неинтересное», «значимое — незначимое» и пр. В итоге, рассматриваемые им объекты упорядочиваются на интересные и значимые, неинтересные, но значимые и пр.

Схожим образом осуществляется категоризация других людей. Система конструктов позволяет дифференцировать, упорядочивать, систематизировать отношения, объединяя в группы по признаку «свой — чужой», «друг — враг», «добрый — злой». Альтернативный подход к категоризации предложен А. Тверски и Д. Крантцем. Когнитивным критерием для оценки, по их мнению, выступает близость свойств элементов друг другу⁴. К примеру, увидев человека, похожего на своего друга, люди склонны ассоциировать свойства и качества друга с этим,

---

¹ Bruner J., Tagiuri R. The perception of people // The Handbook of social psychology. Cambridge, MA, 1954. Pp. 634–654.

² Bandura A. Behavioral modification through modeling practices // Research in behavior modification. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1965. Pp. 310–340.

³ Shaw, M.L.G. Gaines, B.R. 'Kelly's 'geometry of psychological space' and its significance for cognitive modeling' // The New Psychologist. 1992. Pp. 23–31.

⁴ Tversky A., Krantz D. H. The dimensional representation and the metric structure of similarity data // Journal of Mathematical Psychology, 1970. № 7. Pp. 572–596.

едва знакомым человеком. Представление о людях выстраивается на основе схожести объектов и существенно зависит от полноты знаний о них. Представители когнитивной психологии показали, что человек не только познает мир с помощью понятий и категорий, он мыслит социальные отношения посредством особых моделей — схем.

Концепция схемы как способа репрезентации социальных событий вводится Ф. Бартлеттом в 30-х годах XX века¹. Ее идея заключается в объединении экспериментальных фактов, полученных в когнитивной и поведенческой психологии при изучении процессов восприятия и обработки личностью социальной информации². Предполагается, что преобладающим способом сохранения информации о мире для человека выступает когнитивная структура, запечатлевающая последовательность его действий³. Исследование характеристик восприятия схемы показывает, что схемы: имеют внутреннюю структуру и могут группироваться друг с другом; организуют знания личности, активно уточняются, трансформируются в процессе получения новой информации. Наконец, схемы выполняют роль инструментов познания, когда человек сравнивает наблюдаемое явление с собственным представлением о нем⁴.

Можно сделать вывод, что схема представляет не только форму организации знания, но и ментальную репрезентацию мыслительных процедур, выполняемых для преобразования знания. Следует согласиться с тем, что когнитивная схема выполняет две задачи — упорядочивает процесс получения знания и преобразовывает знание в целях конструирования смысла.

В современной социальной психологии схематизация применяется при исследовании восприятия взаимодействия в социальных структурах⁵ и межличностных отношениях⁶. Являясь субъективной репрезентацией

---

¹ Carbon C.-C., Albrecht S. Bartlett's schema theory: The unreplicated "portrait d'homme" series from 1932. // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology A: Human Experimental Psychology*, 2012. № 65. Pp. 2258–2270.

² Axelrod R. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition // *The American Political Science Review*. 1973. № 4 (67). Pp.1248–1266.

³ Markus H. Self-schemata and processing information about the self // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1977. № 35 (2). Pp. 63-78.–

⁴ Rumelhart D. E. Schemata and the cognitive system // *Handbook of social cognition* / R. S. Wyer T. K. Srull. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1984, pp. 161–188.

⁵ DeSoto C. B. Learning a social structure // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1960. № 60. Pp. 417–421.

⁶ Hummel J. E., Holyoak K. J. A symbolic-connectionist theory of relational inference and generalization // *Psychological Review*. 2003. № 10. Pp. 220–264.

взаимоотношений, схема отражает индивидуальное мнение участников взаимоотношений друг о друге.

Схема описывает причины, послужившие началом события, следствия, к которым они привели, характеризует стратегии участников. Она связывает новое событие с уже существующим у личности представлением, определяя такое событие частью семейных, дружеских, профессиональных или иных взаимоотношений. Каждая новая жизненная ситуация соотносится с уже существующей в сознании человека схемой. При соответствии схемы и ситуации, человек использует модель поведения, заложенную в схеме. Содержание схемы включает несколько базовых элементов. Ими являются:

1) сообщение, под которым подразумевается несколько видов информации. Она различается по источнику получения (личная, межличностная, социальная и пр.). Сообщение содержит информацию о взаимоотношениях людей («Слышал новости о А и Б?»).

2) тип события, которому было посвящено сообщение. Типичные события происходят в контексте социальных взаимоотношений — дружеских, семейных, профессиональных или иных. Сообщения о событиях уточняют представление о взаимоотношениях — например, о поддержке («А и Б заботятся друг друге»), конфликтах («А ссорится с Б»), разрыве отношений («А и Б развелись») и пр.

3) модель схемы (собственно *образ взаимоотношений*) определяют возможные варианты развития взаимоотношений между людьми. Основные параметры схемы представляют взаимоотношения в терминах: а) *баланса* — гармоничности отношений между участниками, когда «хороший» участник взаимоотношений соотносится с «плохим»; б) *симметрии* — когда отношение одного человека (А) к другому (Б) обязательно должно предполагать схожее отношение человека (Б) к (А)¹.

При этом, взаимоотношения, рассматриваемые как балансированные, считаются симметричными, но симметричные отношения не всегда предполагают баланс; в) *ситуации* — состояния взаимоотношений в определенный момент времени.

Значение конкретной ситуации всегда соотносится с уже существующей в представлении личности схемой. При этом соотношении, обстоятельства события, не соответствующие схеме, как правило игнорируются.

---

¹ Zajonc R. B., Sherman S. J. Structural balance and the induction of relations // Journal of Personality. 1967. № 35. Pp. 635–650.

Таким образом, схема предопределяет интерпретацию ситуации, показывая события под определенным углом зрения. Вместе с тем, как полагают когнитивисты, существуют два варианта описания события в контексте схемы — сокращенное и полное. Сокращенное включает определение схемы, ее участников и перечень ключевых признаков события, посредством которых оно распознается и дифференцируется от других событий. Полное описание включает описание множества деталей, обстоятельств, вариантов действий и следствий, которые знает человек. Полное описание шире сокращенного, и может не соответствовать схеме, поскольку отдельные обстоятельства и детали лишь частично воспроизводят схему, а частично соотносятся с другой схемой.

Например, при оценке взаимоотношений двух сотрудников, часто общающихся друг с другом, их действия могут быть описаны и объяснены с помощью двух схем: коллегиальной или дружеской. Выбор схемы для интерпретации событий рассматривается зависящим от множества характеристик — знаний и жизненного опыта, интеллектуальных способностей, свойств личности и пр.

Итак, с позиции социально-когнитивного подхода, личность воспринимает социальные взаимоотношения в виде схемы, которая играет роль в планировании действий личности, прогнозировании последствий и регуляции собственных действий. Схема воспринимается исследователями буквально в виде модели интерактивных связей между субъектами. Анализ публикаций, содержащих сведения об эмпирической проверке положений концепции схематизации, не позволяет нам воспринимать значение схемы в том виде, каким его представляют себе исследователи.

Схема имеет скорее гносеологическое значение, нежели онтологическое¹. Дело в том, что образ схемы не используется обследуемыми в прямом виде, а выступает условной конструкцией, полностью осознаваемой только при знакомстве обследуемым с нею. В обыденном, онтологическом, представлении, отношение к другому человеку воспринимается как атрибут, связанный с конкретным человеком.

Несмотря на слабое эмпирическое подтверждение основной идеи концепции схем, значение концепции, по нашему мнению, заключается в изучении когнитивных аспектов механизма построения схемы в сознании человека. По-видимому, схематизация может выступать одним

---

¹ Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева, А. Ш. Тхостов. 2-е изд. М.: URSS ЛКИ, 2007. 126 с.

из стилей социального мышления, применяемому для представления взаимоотношений с другими людьми. В поддержку этого предположения выступают эмпирические данные о том, что способность личности правильно оценить взаимодействия зависит от детальности их восприятия, в том числе, с оценкой роли каждого в этих отношениях¹. Следует полагать, что механизм схематизации входит в число способов описания личностью взаимодействия участников группы.

Третье направление когнитивных исследований изучает оценку человеком событий с точки зрения вероятности их наступления. Представителями этого подхода изучаются ожидания личности относительно исхода событий, планирование собственных действий.

В разрабатываемой В. А. Лефевром «рефлексивно-интенциональной модели субъекта» (RIMS) поведение определяется ментальной сферой, включающей в себя утилитарный (т. е. практически выгодный аспект поведения) и деонтологический (идеалистическое поведение, т. е. выбор между добром и злом)². Соответственно, выбор модели поведения человеком основывается на прагматических и моральных основаниях, а поведение, представляет собой компромисс между выгодой и моральностью. Лефевр полагает, что перед началом выбора, субъекту доступны все виды поведения, которые с точки зрения утилитарности или деонтологии находятся в смешанном состоянии. Однако, при подготовке к действию планы поведения оцениваются на предмет их потенциальной эффективности и моральности. Планирование действий зависит от способности субъекта оценивать их выгоды, прогнозировать их последствия. Важным положением выступает наличие в этой модели двух скрытых доменов — «Я» и «Общества». Их подразумеваемыми но не обозначаемыми репрезентантами выступают утилитарная и деонтологическая категории, применяемые для оценки результатов поведения. Использование доменов для построения поведения, позволяет предполагать, что не только поведение, но и другие элементы — например, представления субъекта о себе, находится под влиянием этих доменов.

Подводя итоги, отметим, что с социально-когнитивных позиций формирование представления личности о социальном пространстве описывается с помощью концепций восприятия социальной информации и концепций репрезентации социального пространства.

---

¹ Kenny D. A., Albright L. Accuracy in interpersonal perception: A social relations analysis // Psychological Bulletin, 1987. № 10. Pp. 390–402.

² Лефевр В. А. Ментализм и бихевиоризм: слияние? // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 116–127.

Социальная информация является основным источником знаний субъекта о социальном взаимодействии а также основанием для репрезентации этого взаимодействия в сознании. Представление субъекта о социальном пространстве формируется на основе информации трех типов: *семантической*, занимающем вершину представления и задающем дальнейшую организацию всей информации о себе; *эпизодической*, содержащем автобиографические представления человека о себе, располагающихся в основании представления); *процедурной*, содержащим воспоминания человека о своих способностях, навыках, достигнутых целях и полученных результатах.

Воспринимаемая социальная информация соотносится с имеющимися представлениями субъекта. При этом она может согласовываться с ними, а может противоречить. Представление субъекта строится на основе полученной информации. Оно сохраняет содержание информации, становясь противоречивым или недостаточно конкретным, если информация содержит неточности. Интерпретация социальной информации определяется свойствами субъекта: его индивидуальными особенностями (чертами личности и характера), жизненным опытом социального взаимодействия, социальными отношениями.

Построение субъектом представлений о социальном пространстве производится в виде понятий и схем. Конструирование понятий осуществляется посредством операций мышления, существенную роль среди которых играют операции категоризации, классификации и концептуализации. Так, например, субъект сравнивает имеющиеся у него представления с социальной информацией.

В зависимости от результата сравнения субъект регулирует свою социальную активность. Схематизированные представления рассматриваются составляющими частями представлений субъекта наряду с понятиями. Функционально схемы упрощают поведение, ускоряют обработку информации, повышают готовность к типичным действиям, но затрудняют адаптацию к быстро меняющимся условиям. Способность к схематизации считается когнитивным навыком, которым субъект либо обладает, либо обучается. Количество схематических представлений у субъекта индивидуально обусловлено и значительно варьируется.

Механизмы переработки и сохранения социальной информации определяют организацию представлений субъекта о себе, задавая их специфическую иерархию. Семантические, т. е. подвергнутые осмыслению, представления о себе занимают высший уровень, фактологические и автобиографические — низший. Знание о себе формируется

в процессе обобщения социальной информации, представление о себе воспроизводится в социальных понятиях, раскрывающих черты, свойства, навыки субъекта.

Когнитивные и социально-когнитивные концепции являются основными источниками научных знаний для изучения социального пространства, однако их методологические возможности ограничены и нуждаются в дополнении. Справедливо замечание А. Д. Шопенко, о том, что обыденный человек не ведет себя как ученый, выводящий причинно-следственные связи на основе корреляционного анализа, а действует исходя из своего понимания, своей интерпретации причинно-следственных связей в мире¹. Человеческое сознание всегда стремится создать картину мира, в которой он располагается в ее центре и является единственной движущей силой, способной влиять на других людей.

Субъектно-деятельностное направление в исследовании восприятия личностью окружающего мира.

Отечественной психологической наукой разработано научное направление, объясняющее феномен восприятия человеком окружающего его мира. Данное направление имеет общетеоретическое значение, поскольку лежащие в его основе теоретические принципы реализованы во множестве частно-научных теорий.

В основе данного направления лежат принципы, предложенные С. Л. Рубинштейном для объяснения психологии взаимодействия человека и окружающего мира. Преимущество методологии субъектно-деятельностного подхода в изучении представлений личности о себе, других и обществе многократно обосновывалось теоретически, получало эмпирическую поддержку в исследованиях представлений (Г. М. Андреевой, И. А. Джидарьян, Т. П. Емельяновой, Н. Е. Харламенковой, Е. В. Якимовой и др.).

Принципиальное значение для изучения восприятия личностью социального пространства имеют два принципа — принцип *субъектности* и принцип взаимосвязи *сознания и деятельности*, поскольку они определяют методологию психологического исследования. Охарактеризуем их роль более подробно.

Отличаясь от методологии социологического исследования, признающего приоритет общества над человеком, методология субъектного подхода основывается на признании за человеком способности

---

¹ Шопенко А. Д. Социальные риски транзитивного общества: дисс. д-ра соц. н.: 22.00.03. С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов. СПб., 2011. 420 с.

изменять общество, образовывать и разрушать социальные структуры. Об этом говорит ключевой принцип подхода — признание в человеке способности проявлять *субъектность* в отношениях с миром, то есть способность посредством деятельности влиять на мир. Субъектность является характеристикой деятельности, а субъект — качеством личности, проявляющимся в активном и деятельностном начале, независимости, инициативности и самостоятельности¹.

Взгляды на субъектность у представителей субъектно-деятельностного подхода схожи. Как отмечала Л. И. Божович — «...формирование личности осуществляется не в условиях приспособления субъекта к требованиям окружающей среды, а в условиях его постоянной творческой активности, направленной на перестройку и окружающей его среды, и самого себя»².

Аналогичным образом описывала субъектность К. А. Абульханова. По ее мнению, способность быть субъектом проявляется в направленности личности на самосовершенствование, выражающееся в формировании жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни человека и Я-концепции, представляющей ее на уровне сознания³. Для В. В. Знакова субъект это «...*тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания*»⁴. Ключевым критерием субъектности выступает активность, которая будучи последовательной и упорядоченной, конституируется в направленности⁵.

Соответственно, внешнее — публичное проявление субъектности предполагает творческую и преобразующую направленность поступков личности, а внутреннее раскрывается в стремлении к саморазвитию и самообусловленности. Второе свойство пространства — социальная опосредованность взаимодействия. Любые проявления социальной

---

¹ Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. 619 с.

² Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 23–34.

³ Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 2. № 4. 2005. С. 3–21.

⁴ Знаков В. В. Самопонимание субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2 ч. / под ред. А. А. Бодалева, Г. А. Вайзер, Н. А. Карповой, В. Э. Чудновского. Ч. 1. М.: Смысл, 2004. С. 42–47.

⁵ Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: PerSe, 2002. С. 9–33.

активности личности в обществе упорядочиваются социальными нормами и правилами. Социальное конструирование межличностных отношений выражается в речевых и поведенческих действиях, моделях и сценариях ритуального поведения.

В. М. Ковалем отмечается, что характеристики субъектности осознаются личностью. Человек оценивает собственную субъектность, анализируя собственные действия и себя самого в отношениях с окружающим миром. Исследователь выделяет три вида оценок:

— субъектность по отношению к самому себе (рефлексивность, уровень субъективного контроля);

— субъектность в отношении к окружающим (независимость, самостоятельность, устойчивость к воздействию);

— субъектность в деятельности (организация и регуляция активности)¹.

Соглашаясь с В. М. Ковалем, следует отметить, что данные виды субъектности зачастую недифференцированы в научных исследованиях, поэтому исследователи нередко смешивают проявления субъектности в отношении к себе и деятельности, отношении к другим и отношении к себе. Вместе с тем, эмпирическая проверка показывает высокую связность этих признаков, что подтверждает идею о существовании субъектности как фундаментального основания деятельности личности.

Наряду с принципом субъектности, вторым методологически важным принципом выступает принцип единства сознания и деятельности. Размышляя над возможностью человека преобразовывать мир, С. Л. Рубинштейн обосновал принцип связи сознания человека с окружающим его миром. Он писал, что *«сознание человека — не замкнутый внутренний мир, а осознанное бытие, единство субъективного и объективного»*. Связывая внутренний мир человека с внешним по отношению к нему жизненным миром, С. Л. Рубинштейн стремился объяснить способность человека преобразовывать окружающее пространство по своему замыслу. Восприятие человеком мира сопровождается осознанием способности влиять на происходящие в нем процессы, создавать новые и изменять существующие.

Расшифровывая понятие *«жизненный мир»*, С. Л. Рубинштейн отмечал: *«Мир — это совокупность вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится в силу*

---

¹ Коваль В.М. Картина мира как концептуальная основа деятельности и сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 3. С. 412–417.

своей сущности, что может быть для него значимо, на что он направлен»¹. Ясно, что осознание субъектом мира опосредовано его отношением, понимаемым не только в аспекте пассивного восприятия, но и активного, преобразующего взаимодействия субъекта с миром. Развивая эту идею, можно полагать, что мир представляется субъекту в виде его отношений к окружающим его вещам и людям. Характер данных отношений, их содержание представляет собой отраженный в сознании реальный мир, трансформированный направленностью субъекта. Эти рассуждения иллюстрируются положением С. Л. Рубинштейна — «мир предполагает в качестве своего ядра “мир”, соотнесенный с человеком»².

В работах последователей С. Л. Рубинштейна, данный тезис был развит в плеяде исследований, анализирующих возможности взаимодействия человека и окружающего мира. К ним относятся концепции «образа мира» А. Н. Леонтьева³, «психологического мира» Ф. Е. Василюка⁴, «жизненного мира» Д. А. Леонтьева⁵, «пространственности психики» Л. М. Веккера⁶, «транспективы» В. И. Ковалева⁷, «топологии субъекта» А. Ш. Тхвостова⁸.

Общим для всех концепций выступает идея о том, что воспринимаемый личностью мир не просто является образованием сознания, но организация и содержание репрезентации производны от личности, то есть опосредованы ее деятельностью и образом жизни, переживаниями

---

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Москва.: Наука 1997. 191 с.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир (отрывки из неопубликованной рукописи) [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 1969. № 8. URL: [http://vphil.ru/index.php?option=com_content &task=view&id=497&Itemid=66](http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=497&Itemid=66) (дата обращения 10.10.2020).

³ Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2. Москва. 1983. 452 с.

⁴ Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

⁵ Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. № 13 (2). С. 107–120.

⁶ Либин А. В., Либина А. В. Логика изучения природных основ психической реальности: теория ментальной иерархии Л. М. Веккера // Методология и история психологии. 2008. № 4. С. 101–108.

⁷ Ковалев В. И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. Москва, 1995. С. 179–185.

⁸ Тхвостов А. Ш. Топология субъекта: опыт феноменологического исследования // Веста. МГУ. Сер 7, психология. Москва, 1994. № 2. С. 3–13.

и восприятием временной упорядоченностью событий, отношений с людьми и накопленным жизненным опытом.

С позиции общепсихологической теории деятельности, окружающий мир предстает личности в виде образа — чувственной формы психического явления, имеющей в идеальном плане временную динамику и пространственную организацию. А. Н. Леонтьев отмечал, что психология образа есть конкретно-научное знание о конструировании человеком в ходе деятельности образа мира, о том, как данный образ опосредует деятельность в объективной реальности.

Предложенная Ф. Е. Василюком концепция жизненного мира, предполагает, что мир личности образован предметами ее деятельности, а деятельность выступает базовым элементом жизни личности¹. Взаимодействие с миром происходит в форме *переживания*, т. е. перестройки образа мира в сознании человека. Переживанием личность устанавливает смысловое соответствие между осознанием мира и его реальным состоянием. Поддержание связности образа мира и реальности находит отражение в принимаемых человеком решениях и поступках.

В теории психологических систем В. Е. Ключко мир в представлении человека — динамический системный конструкт². Он трактуется как особая психологическая реальность, имеющая совмещенную (субъективно-объективную) природу, отражающую хронотопическую развертку бытия человека. Системная организация мира включает три компонента — образ мира, образ жизни и жизненный мир. Их взаимозависимость иллюстрируется связностью онтологического основания (жизненного мира) со способом существования в нем (образом жизни) и отражением его субъектом (образом мира).

Исследуя отношения между образом мира и образом жизни В. П. Серкин доказывает, что образ мира структурирован деятельностью личности, зависит и определяется индивидуальной иерархией мотивов личности³. Подсистемы образа мира формируются благодаря конкретной деятельности, а их системообразующим фактором является мотивация данной деятельности. Так, благодаря профессиональной

---

¹ Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). Москва: Издательство Московского университета, 1984. С. 41.

² Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Томского университета, 2005. 189 с.

³ Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 78–90.

деятельности возникает профессиональная подсистема образа мира, ее конструкция зависит от мотивов специалиста.

Образ жизни связан с образом мира личности, но их отношения не изоморфны. Индивидуально специфичный образ мира зависит от структуры активности личности, а не от условий жизни и деятельности. Его моделирование, по В. П. Серкину требует установления онтогенеза деятельностей (истории возникновения деятельностей субъекта), определения функциональных связей деятельностей (установления отношений всех видов деятельностей субъекта), систематизации деятельностей — выявления иерархии мотивов данных деятельностей для субъекта¹.

В исследовании психологического пространства личности С. К. Нартовой-Бочавер показано, что пространство выступает субъективно-значимым фрагментом бытия, определяющим актуальную деятельность и стратегию жизни человека².

Категорией, структурирующей пространство, выступает суверенность, проявляемая в способности человека контролировать, защищать и развивать пространство, которое он считает своим. Суверенность в таком значении близка к понятиям территориальность и приватность. По ее мнению, пространство представлено личности бытийными фрагментами: тело, территория, вещи, привычки, социальные связи и ценности.

Психологическое пространство конструируется субъектом по критерию суверенности: высокая суверенность присуща части пространства, относимой к приватной части, а низкая — депривированной, т. е. не принадлежащей человеку. Рассматривая отношения между нарушением пространства и благополучием С. К. Нартова-Бочавер приходит к выводу, что субъективное благополучие и удовлетворенность качеством жизни связаны со средним уровнем суверенности, а неудовлетворенность — с высоким и низким.

А. А. Кулик изучала индивидуальную систему представлений личности о мире, описываемую ею в виде структурированной совокупности отношений субъекта к актуально воспринимаемым объектам³.

---

¹ Серкин В. П. Образ мира и образ жизни: монография. Магадан: Изд-во Северного международного ун-та, 2005. 232 с.

² Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. № 1. С. 35–42.

³ Кулик А. А. Картина мира лиц, переживших землетрясение: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Хабаровск, 2008. 21 с.

По ее мнению, картина мира в представлении личности определяется следующими характеристиками: осознанностью и категоризованностью содержания, целостностью и тегрированностью в общую схему мира, эксплицируемостью (возможность фрагментарного воссоздания картины мира), константностью, представленностью образований социальной реальности — социальных представлений, стереотипов, ценностей, прогностичностью и субъективностью.

А. А. Кулик установила, что сильное психотравмирующее событие изменяет структуру картины мира. Организация представлений изменяется под влиянием двух категорий — категории угрозы, репрезентирующей переживание катастрофы (землетрясения) и категории «силы Я», показывающей готовность к преодолению этой ситуации. Экстремальная ситуация структурирует представление личности о пространстве, центрируя пространство на личности и категоризируя объекты по степени их опасности. Важно отметить, что изменение представления о мире происходит постепенно, по мере осмысления психотравмирующего события.

Подводя итоги, отметим основные выводы.

Психология восприятия мира человеком является фундаментальным предметом научно-психологического исследования, а используемая методология базируется на феноменологических, когнитивных и субъектных подходах к изучению способности человека отражать объективную реальность.

Феноменологический и когнитивный подходы обосновывают возможность восприятия личностью внешнего мира и описывают организацию представления о мире в виде образов, представлений, понятий и категорий.

В традиции субъектно-деятельностного подхода изучение восприятия личностью окружающего мира обосновывается принципами субъектности, а также единства сознания и деятельности. Данные принципы лежат в основе методологии психологических исследований, проводимых в российской психологии. Они ориентируют исследователя замечать активное и творческое отношение личности к миру, направленность личности на преобразование своего образа жизни и деятельности, своего социального окружения и себя в нем.

С научно-психологической точки зрения представление о социальном пространстве — это разновидность представления личности о жизненном мире личности. Данное представление порождается личностью в ходе восприятия мира и себя в нем. Представление охватывает

социальный слой отношений личности с миром и является структурным компонентом жизненного мира (в терминологии субъектно-деятельностного подхода).

Генетически, представление о социальном пространстве основывается на взаимодействии личности с окружающим миром, оно развивается, уточняется и совершенствуется благодаря деятельности и коммуникации личности. Морфология пространства образована системами отношений «личность-жизненный мир», и включает характеристику людей, объектов и явлений, с которыми личность взаимодействует, посредством которых проявляет свои субъектные качества.

1.3. Социально-психологические подходы к исследованию социального пространства

Цель данного параграфа — изложение научных представлений о социальном пространстве личности и обобщение социально-психологических взглядов на его содержание.

Интерес к восприятию человеком социальных отношений возник на заре становления научной психологии и социологии. Так, основоположник психологии У. Джеймс применял термин «социальный мир» для описания сферы отношений, в которой сосредоточена и рамками которой ограничена активность человека. Утверждая, что *«трудно провести черту между тем, что человек называет самим собой и своим»*, он стремился показать, что окружающий человека мир воспринимается им частью его самого настолько, что окружающие люди, предметы и вещи, репутация и труды составляют часть его личности.

У. Джеймс полагал, что социальный мир оказывает существенное влияние не только на поведение, но и на представление субъекта о себе. В его понимании социальная часть Я-концепции личности формируется на основе представления субъекта о том, каким его считают и признают окружающие. Джеймс отмечал, что субъект имеет столько представлений подобного рода, сколько существует групп людей, чье мнение о себе его интересует¹. Цитируя его буквально: *«Социальное Я человека — это признание, которое он получает от своих товарищей»* (с. 293). Такая теоретическая конструкция в дальнейшем стала основой для описания познания личностью себя и окружающих.

---

¹ James, W. The Self and Its Selves/Social Theory: The Multicultural Readings / ed. C. Lemert. Philadelphia: Westview Press. 2010. Pp. 161–166.

Последователи его идей развивали данную идею. Ч. Кули, автор концепции «зеркального Я», описывает процесс формирования представлений об окружающих следующим образом: «я представляю ваш ум, и особенно то, что ваш разум думает о моем разуме...»¹. Формирование Я-концепции рассматривается им в трех стадиях: 1) совершение поступка; 2) восприятие его оценки окружающими; 3) изменение мнения о себе, опосредованное переживанием чувства гордости или стыда.

Современное воплощение идей У. Джемса можно иллюстрировать концепцией представлений субъекта о себе, порожденных межличностными отношениями (relational self)².

Знание субъекта зависит от лиц, окружающих субъекта — родителей, братьев и сестер, членов семьи, близких друзей и коллег. Их взгляды, оценки, а также сравнения с ними выступают основанием для определения себя и самоописания. Ряд эмпирических исследований подтверждает положения этой концепции. К примеру, люди часто не отличают свое мнение от мнения окружающих, приписывают себе качества людей из своего окружения³. Лингвистический анализ самоописаний показывает, что люди определяют себя в терминах межличностных отношений (общительный, дружелюбный, честный). Также, с помощью личных местоимений выражается отношение принадлежности «мнение моих родителей...», «мой руководитель»⁴.

В работах авторитетного психолога XX века К. Левина понятием «жизненное пространство» обозначалась совокупность воздействий, влияющих на человека в определенный момент времени. В таком жизненном пространстве на человека постоянно действуют психологические силы, сходные с силами физики, но существующие лишь в представлении человека. Каждый объект жизненного пространства человека существовал не изолированно, а в постоянном отношении к другим.

---

¹ Cooley, C.H. Life and the Student: Roadside Notes on Human Nature, Society, and Letters // New York: Alfred A. Knopf. 1927. P. 20.

² Andersen S. M., Chen S. The relational self: An interpersonal social-cognitive theory // Psychological Review. 2002. № 109. Pp. 619–645.

³ Robbins J. M., Krueger J. I. Social projection to in-groups and out-groups: A review and meta-analysis // Personality and Social Psychology Review. 2005. № 9. Pp. 32–47.

⁴ Hinkley K., Andersen S. M. The working self-concept in transference: Significant-other activation and self-change // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. № 71. Pp.1279–1295.

Внутренний мир человека рассматривался как естественный, динамический процесс взаимодействующих сил, с множеством систем и подсистем, объединенных в одно жизненное пространство. Левин использовал термины «квазифизический» и «квазисоциальный» для различия между реальными явлениями физического и социального мира и представлениями человека о них. Заметив, что разные люди по-разному воспринимают и оценивают одно и то же событие, он объяснял этот феномен с помощью концепции жизненного пространства — репрезентации мира, заключающей в себе физические и социальные объекты, дополненные субъективным отношением к ним самого человека.

По мнению К. Левина, именно представление человека о жизненном пространстве является настоящей средой его обитания. Считая, что отображаемое в сознании жизненное пространство интегрирует физическое (реальное) и социальное пространства, К. Левин стремился раскрыть психологические закономерности, которые лежат в основе его формирования. Для этого он ввел в научно-психологический оборот новые термины — объекты, границы и области; различал центральные и периферические зоны представления, описывал связи между ними, различал стабильность и текучесть, целостность и структурированность картины мира.

Жизненное пространство сегментировано несколькими видами границ. Внешняя граница отделяет физическое и социальное пространство от психологического, поверхностный «слой» которого занимает зона перцептивного восприятия, под которой размещаются периферические и центральные области персональной зоны жизненного пространства.

По мнению К. Левина, субъект познает и перестраивает свое жизненное пространство. В своей работе «Теория поля и обучение» (1952) Левин описал четыре разновидности изменений жизненного пространства личности. К ним он отнес *дифференциацию и реструктуризацию представлений, изменения временной перспективы, изменения уровня реальности / нереальности*. Развитие жизненного пространства по Левину — процесс накопления человеком информации, знаний и опыта, который приводит к дифференциации и реструктуризации представлений о мире.

Можно утверждать, что концепция жизненного пространства, предложенная К. Левиным, явилась первой академической попыткой описания внутренней картины окружающего мира, представленного личности. К настоящему времени эти идеи получили теоретическое

развитие и эмпирическую поддержку в интеракционистском подходе к изучению социального взаимодействия.

Интеракционистский подход выступает базовым направлением зарубежной социальной психологии, показывающим как под влиянием социального взаимодействия формируются представление человека о социальном взаимодействии, себе и социальном окружении. Теоретические идеи подхода восходят к работам У. Джемса и К. Левина, однако, современные концепции, входящие в данный подход, существенно отличаются от первоначальных гипотез об отношениях между личностью и социальным пространством. В данных исследованиях выделяются:

1. Социально-познавательное направление, изучающее взаимопонимание людьми друг друга, проблемы общения и совместной деятельности (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Н. Ах и др.).

В работах Ф. Хайдера изучаются модели восприятия людьми объектов в ходе совместного взаимодействия. Им предполагается, что отношения к объектам могут подразделяться на отношения оценки и принадлежности. Формируемое личностью представление о социальном взаимодействии, называемое Хайдером когнитивной структурой, репрезентирует данные отношения. Кроме того, данное представление содержит предположение о вероятном отношении собеседника к данным объектам. Совпадение отношений двух субъектов к объекту рассматривается в виде сбалансированной структуры взаимодействия, а противоречия в отношениях несбалансированной. В работах Т. Ньюкома ситуация несовпадения мнений людей относительно объекта изучалась на предмет возможности установления единства взглядов посредством коммуникации между собеседниками. Обращаясь не только к знаниям, но и отношениям между собеседниками Ньюком показал, что «баланса» взглядов можно достигнуть не только путем обмена информацией, но и за счет неформального влияния собеседников друг на друга.

Концепция «теории разума» (Theory of mind, ToM¹) является развитием идей социально-когнитивного направления в социальном интерак-

---

¹ Поскольку в отечественной психологической науке еще не сформировался однозначный перевод данного термина, мы используем прямой перевод, однако считаем более соответствующим, но неточным термин «понимания чужого сознания», предложенный В. В. Косоноговым. См.: Косоногов В. Разработка понятия «понимание чужого сознания» (theory of mind) с учётом данных о зеркальных нейронах // Психология — наука будущего: Материалы II междуна-

ционизме. Поскольку изначально она сформировалась в социально-когнитивном направлении, то ее интеракционистские варианты разрабатываются сразу несколькими группами исследователей (Д. С. Деннет¹, С. Барон-Коген² и др.).

Интеракционистская «теория разума» основывается на предположении о том, что участники взаимодействия обладают способностью объяснять поведение партнера, представляя себе его мысли, чувства, а также оценивать план его действий, проявляемое им упорство в достижении результата. Таким образом, в отличие от оригинальной когнитивной теории, в интеракционистской версии теории разума выделяются три вида репрезентации — когнитивный, аффективный и конативный³.

Когнитивный аспект характеризует возможности распознавания мыслей собеседника, понимания плана его действий. Аффективный аспект характеризует способность воспринимать эмоции партнера и описывать его чувства. Дж. Хейн и Т. Сингер установили, что восприятие боли другого человека активирует нейрофизиологические механизмы и стимулирует болевые переживания у партнера⁴. Конативный аспект «теории разума» характеризует способность оценивать мотивацию поведения партнера, план его действий и его реализацию⁵.

Концепция «теории разума», показывает, что людям свойственна способность воспринимать, оценивать и предсказывать поведение других людей. Представители считают, что задатки данной способности являются врожденными, а ее развитию могут способствовать специальное обучение, формирующее навыки оценки действий других людей.

родной конференции молодых учёных, 30–31 октября 2008, Москва / под ред. А. Л. Журавлёва, Е. А. Сергиенко.

¹ Dennett D. C. Beliefs about beliefs // Behavioral and Brain Sciences. 1978. № 4. Pp. 568–570.

² Baron-Cohen S. Precursors to a theory of mind: Understanding attention in others // Natural theories of mind: Evolution, development and simulation of everyday mindreading. Oxford: Basil Blackwell. 1991. Pp. 233–251.

³ Dennis M., Simic N., Bigler E. D., Abildskov T., Agostino A., Taylor H. G., Yeates K. O. Cognitive, affective, and conative theory of mind (ToM) in children with traumatic brain injury // Developmental Cognitive Neuroscience. 2013. № 5. Pp. 25–39.

⁴ Hein, G. Singer T. (2008) I feel how you feel but not always: the empathic brain and its modulation // Current Opinion in Neurobiology. № 18. Pp. 153–158.

⁵ Huitt W. Conation as an important factor of mind [Electronic resource] // Educational Psychology Interactive. Valdosta, GA: Valdosta State University, 1999. URL: <http://chiron.valdosta.edu/whuitt/col/regsys/conation.html> (дата обращения 10.10.2020).

Наиболее интенсивные исследования социального познания в социальной психологии выполняются в сфере рассмотрения познания личностью других и социального окружения. Их предметом выступает социальная перцепция, факторы и условия познания социальной среды, специфика восприятия личностью себя в социальном взаимодействии, конструирование личностью представлений о социальных отношениях. Важная, но менее популяризированная область исследований посвящена регуляции личностью своего поведения на основе восприятия социального окружения — целеполагания и пр.

Разрабатываемые на его основе концепции можно разделить на группы, исходя из характера использования социальной информации для формирования представления о социальном пространстве: парциальные и интегративные.

Парциальные концепции предполагают, что источники социальной информации формируют изолированные, несвязанные представления субъекта. Например, подросток в ходе дворового футбольного матча получает информацию о своих вратарских способностях. Эта информация не влияет на другие его представления о себе и забывается за пределами футбольного поля. Таким образом, представления субъекта о себе отделены друг от друга и актуализируются в ходе социальных отношений. Соответственно, самопредставление зависит от источников социальной информации — родителей, братьев и сестер, других членов семьи, близких друзей и коллег. Их взгляды, оценки, а также сравнения с ними выступают основанием для определения себя и самоописания.

Эмпирические исследования подтверждают гипотезы парциальных концепций. К примеру, люди часто не отличают свое мнение от мнения окружающих, приписывают себе качества людей из своего окружения¹. Нередко представление о себе выражается терминами межличностных качеств (общительный, дружелюбный, честный), т. е. воспроизводит оценки окружающих. Наконец, социальный характер самопредставлений прослеживается через неосознанное указание на близость и наличие отношения принадлежности «мнение моих родителей...», «мой руководитель говорит», «мои друзья считают»². По видимому, социальные категории и описания трансформируются в знания субъекта о себе

---

¹ Tskhay K. O., Rule N. O. Accuracy in Categorizing Perceptually Ambiguous Groups // Personality and Social Psychology Review. 2013. № 17. Pp. 72-86.

² Hinkley K., Andersen S. M. The working self-concept in transference: Significant-other activation and self change // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. № 71(6). Pp. 1279–1295.

путем «встраивания» или «дополнения» уже имеющегося представления новым.

Интегративные концепции построены на идее о том, что субъект обобщает социальную информацию для построения комплексного и целостного представления о себе. К примеру, А. Р. McConnell определяет представление о себе разнородным по содержанию и зависимым от контекста социальных отношений¹. По его мнению, субъекты определяют себя, используя множество источников информации — социальные ситуации, отношения с другими людьми, роли, социальные оценки своего поведения и т. д. Данная информация не является согласованной и, к примеру, получив задачу на самоопределение, субъект обозначает себя несоотносимыми, по мнению источников данных понятиями, категориями. Снижение противоречий обеспечивается зависимостью самопредставлений от социального контекста — в разных ситуациях задействуются согласованные представления о себе. Таким образом, часть представлений субъекта о себе изменяется тогда, когда он находится в определенном социальном окружении.

В контексте интегративного подхода объяснение отсутствия конфликта между различающимися по содержанию представлениями осуществляется посредством идеи об уровнях их организации. Так, иерархическая организация представлений субъекта определяется тремя контекстами социального взаимодействия — внутриличностным, межличностным и коллективным². Субъект объединяет получаемую от них информацию таким образом, чтобы в совокупности разнородного знания вычленил собственную уникальность. Соответственно, в рамках интегративного подхода информация подвергается фильтрации и переработке самим субъектом, стремящимся снизить ее противоречивость.

Сравнивая интегративный подход с парциальным, можно видеть что он обладает большим эвристическим потенциалом. К примеру, он может объяснять разнообразие представлений о себе у субъектов, оказывающихся в условиях, не допускающих индивидуализации поведения (работники, чьи трудовые функции детально регламентиро-

---

¹ McConnell A. R. The Multiple Self-Aspects Framework: Self-Concept Representation and Its Implications // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. № 15. Pp. 3–27.

² Gaertner L., Sedikides C., Luke M., O'Mara E. M., Iuzzini J., Jackson L. E., Wu Q. A motivational hierarchy within: Primacy of the individual self, relational self, or collective self? // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. № 4. Pp. 997-1013.

ваны, военнослужащие и пр.). В моделях парциального типа данное невозможно, поскольку они устанавливают прямые отношения между социальными условиями и самоопределением субъекта.

2. Межличностное направление, изучающее образование людьми межличностных отношений (Дж. С. Хоманс, Ч. Р. Бергер, Р. Дж. Калабрезе, Л. А. Бакстер, Б. М. Монтгомери).

Концепция «*социального обмена*» (Social Exchange Theory) (Дж. С. Хоманс) нацелена на объяснение продолжительности и устойчивости межличностных отношений личности. Хоманс полагает, что взаимность чувства и эмоции людей, вовлеченных в отношения, является условием их длительности. Обосновывая это предположение, автор полагает, что построение и удержание социальных отношений требует ресурсов и сил от личности. В случае, если понесенные затраты компенсируются собеседником, отношения возобновляются. Полагая, что эмоциональные переживания являются важной стороной взаимодействия, Хоманс изучает устойчивость взаимоотношений, рассматривая чувства, которые испытывают их участники. Он вводит понятие «*социальное сравнение*» для объяснения причин разрыва отношений. Показывая, что социальное сравнение возникает в состоянии неудовлетворенности личностью своими отношениями с окружающими, Хоманс утверждает, что сравнение основывается на анализе чувств, испытываемых в конкретных отношениях. Социальное сравнение, по его мнению, является предвестником трансформации социальных отношений.

Концепция «*снижения неопределенности*» (Uncertainty reductions theory), предложенная Ч. Р. Бергер, Р. Дж. Калабрезе, объясняет образование отношений между двумя незнакомыми друг другу людьми. Установление устойчивых отношений между людьми объясняется необходимостью получения ясных и полных представлений друг о друге. Эти представления охватывают широкую область знаний — о социальных связях и статусе, роде занятий, образовании, увлечениях, ценностях и убеждениях. Данный перечень не является исчерпывающим и последовательным, однако исследователи утверждают, что эта информация воспринимается последовательно в ходе трех стадий построения взаимоотношений (предварительной, личностной и завершающей). Предварительная стадия посвящена восприятию социальных характеристик партнера, его социального окружения. В случае, если партнеры удовлетворены данными характеристиками, они переходят к изучению личности, знакомятся с ценностями, установками, убеждениями. На завершающей стадии партнеры обладают достаточной информацией друг о друге для того, чтобы признать отношения долгосрочными, закрепив

их в форме дружбы, партнерства или брака. Если же партнеры, не смогли разобраться друг в друге, понять и приспособиться, как правило, снижают их частоту или вовсе завершают их.

Реляционно-диалектическая концепция взаимоотношений (Relational dialectics theory) описывает отношения людей в виде непрерывной смены противоположных по своему значению состояний¹. Л. А. Бакстер и Б. М. Монтгомери предполагают, что базовыми состояниями выступают «интеграция-сепарация», «стабилизация-изменчивость», «выражение-затихание».

Концепция объясняет межличностные конфликты нахождением участников в противоположных «модусах» этих состояний, например, стремлением одних участников группы к автономии, противоречащей стремлению других участников к совместной деятельности. Взаимоотношения балансируют между этими состояниями, всегда находясь в противоречии и напряжении из-за влияния какой-то тенденции. Практическое применение концепции заключается в идентификации состояния, которое вызывает конфликт и объяснении способов его решения.

Важно подчеркнуть, что участники взаимоотношений редко представляют свои отношения подобным образом, поскольку им они видятся в виде несовпадения их желаний и поведения партнера². Данные тенденции могут быть поняты только путем расшифровки взаимодействий участников за определенный период времени. Способность к такой расшифровке зависит от коммуникативной компетентности личности³.

Коммуникативная компетентность проявляется в умении личности анализировать содержание коммуникации и оценивать ее дискурс. Дискурс трактуется авторами концепции в соответствии со взглядами М. М. Бахтина, как «... значение мыслей собеседника, отражающее его специфический взгляд на мир и выраженное в восприятии объектов, значений и ценностей»⁴. Расшифровка дискурса предполагает, что участник анализирует значения слов партнера, находя «маркеры» те-

---

¹ Montgomery B. M., & Baxter L. A. (Eds.) Dialectical approaches to studying personal relationships. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1998.

² Baxter L.A., Simon E. (1993). Relationship maintenance strategies and dialectical contradictions in personal relationships // Journal of Social and Personal Relationships, № 10. Pp. 225–242.

³ Baxter L. & Braithwaite D. Relational dialectics theory applied. Leslie A. Baxter. 2010. 10.4135/9781483349619.n3.

⁴ Bakhtin, M. M. The dialogic imagination: Four essays by M. M. Bakhtin (M. Holquist, Ed.; C. Emerson & M. Holquist, Trans.). Austin: University of Texas Press. 1981.

кущего состояния взаимодействия. Определяя коммуникативное состояние партнера, участник соотносит его со своим состоянием и прогнозирует дальнейшее взаимодействие.

Коммуникативная компетентность выражается не только в способности к пониманию состояния взаимоотношений, скорее она показывает способность поддерживать отношения вне зависимости от их состояния, влияния других людей, групп и сообществ. Таким образом, об уровне компетентности можно судить по числу взаимоотношений с людьми, принадлежащими к разным социальным слоям, культурам, религиозным взглядам.

3. Социально-интеракционистское направление. Данное направление изучает взаимодействие личности с социальным окружением. Интеракционистский подход предполагает изучение структурно-статусных характеристик личности — места в системе социальных отношений, выполняемых социальных ролей. Гипотезы данного направления восходят к исследованиям символического интеракционизма (Г. Блумер, Дж. Мид) и нацелены на изучение процесса восприятия людьми поведения друг друга.

С интеракционистской точки зрения взаимодействие людей имеет символический характер, что означает, во-первых, придание личностью определенного значения своим действиям, а во-вторых, необходимость интерпретации значений действий, выполняемых другими людьми. Г. Блумер полагал, что взаимодействие подчинено способности людей интерпретировать поведение своего социального окружения, принимать во внимание эту информацию, согласовывая с ней свои намерения, желания, чувства и установки¹.

По мере накопления знаний о социальном взаимодействии с 70-х годов XX века начинает рассматриваться и социально-психологическая проблематика. В центре внимания ученых оказывается влияние социального взаимодействия на самосознание личности, названное К. А. Абульхановой «*социальной детерминацией личности*»². Принадлежность к обществу порождает психосоциальные характеристики личности, связывающие ее с семьей, социальным слоем,

---

¹ Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. Москва, 2010. 322 с.

² Абульханова К.А. Социально-философская и психологическая проблема субъекта // Мир психологии. 2013. № 2. С. 262–275.

поколением, этносом, нацией. Наиболее полно социальная детерминация отражается в представлениях личности в виде Я-концепции и самоидентичности.

В интеракционистских теориях изучается влияние, оказываемое на взаимодействие людей их ролей и статусов в структурах групп и сообществ (Ш. Страйкер, Л. Смит-Ловин, П. Тойтс).

Исследователи показывают, что статус человека неразрывно связан с ролью. Занимая определенное социальное положение (позицию) в социальной структуре поведение человека определяется присущими данной позиции ролями, нежели личностными характеристиками¹. Таким образом, роль задана социальной позицией человека, определяет его поведение как в обществе в целом, так и во взаимодействии отдельными индивидами.

Предполагается, что позиции, статусы и роли выступают маркерами, позволяющими людям понять друг друга и регулировать взаимодействие между собой.

Интерактивная концепция идентичности, предложенная Ш. Страйкером, развивает идеи интерактивного подхода связывая ролевое поведение с представлением личности о себе (Я-концепцией). Положения этой концепции основываются на предположении о признании личностью социальной роли в качестве ценностно-нормативного ориентира собственного поведения. Ш. Страйкер доказывает, что социальные роли после их принятия становятся самореференциями. С помощью роли личность понимает свою функцию и позицию в социальной структуре группы или сообщества. Кроме того, использование роли для самоопределения позволяет человеку представить свои возможности окружению². Страйкер различает два вида принятия личностью роли — интерактивное и аффективное.

Интерактивное принятие, происходящее в отношении ролей, навязанных социальными отношениями (например роль сына, учащегося, военнослужащего и пр.). Интерактивное принятие выражается в выполнении поведения, требуемого от человека его социальным окружением. Аффективное принятие роли обусловлено переживанием ее ценности для личности (например, ожидаемая должность, новый социаль-

---

¹ Чупров В. И. Социальный статус / Социологическая энциклопедия в 2-х томах / под. ред. В. Н. Иванова, Г.Ю. Семигина. М., 2003. Т. 2. С. 590.

² Hoelter J. W. The Effects of Role Evaluation and Commitment on Identity Saliency // Social Psychology Quarterly. 1983. № 46. Pp. 140–147.

ный статус и пр.). Интенсивность такого принятия обусловлена страхом потери этих социальных отношений.

Роль не оказывается единственным показателем, позволяющим предсказать социальное поведение человека. Существенное значение играет также отношение личности к реализуемой им роли а также значение, которое эта роль имеет по отношению к другим социальным ролям, уже выполняемым субъектом.

Исследование аффективного принятия роли, выполненное П. Тойтсом, показало, что человек может связывать с ролью свои ожидания и испытывать чувство удовлетворения ею. Он экспериментально доказывает, что неудачи выполнения роли затрагивают самооценку личности и становятся источником стресса¹. К схожим выводам приходит П. Бурке, установивший, что принятие личностью роли и успешное ее освоение снижает уровень тревоги в процессе выполнения новых действий².

Социальные роли не всегда однозначно определяют поведение личности. Влияние социальных ролей на поведение может не происходить из-за противоречий между ними. Феномен противоречий описывается в феноменах «слияния» ролей (Дж. Тернер) или их «концентрации» (М. Розенберг), «приоритета» одной роли над другой (Дж. МакКалл)³.

В целом, разработанная Ш. Страйкером и его коллегами интерактивная концепция идентичности показывает, что взаимодействие личности с социальным окружением носит ролевой характер. Социальная роль присваивается личности вследствие ее включения в структуру группы, сообщества. Роль признается личностью и определяет не только социальное поведение, но и самоотношение и самосознание. Множественность ролей не затрудняет социальное функционирование личности, поскольку отношения между ними выстраиваются итеративно-иерархически. Роли актуализируются в определенном контексте взаимодействия, а ролевое поведение регулируются личностью на основе признания их субъективной значимости. Важно отметить, что в концепции Ш. Страйкера понимание социальной роли очень обобщено.

---

¹ Thoits P. A. On Merging Identity Theory and Stress Research // Social Psychology Quarterly. 1991. № 54. Pp. 101–112.

² Burke P. J. Identity Processes and Social Stress // American Sociological Review. 1991. № 56. Pp. 836-849.

³ The Self-Concept: Social Product and Social Force // Social Psychology: Sociological Perspectives. New York: Basic Books. Pp. 562–592.

В его представлении, роль не только является основной единицей социальной жизни личности, но и структурирует ее внутренний мир, подчиняя себе направленность, ценности и убеждения личности.

В интерактивно-коммуникативной концепции идентичности, предложенной Л. Смит-Ловин, основное внимание уделяется не социальной роли а социальному статусу человека. Предполагается, что социальный статус является производным от оценок социальным окружением ролевого поведения личности. Также как и Ш. Страйкер, Л. Смит-Ловин стремится объяснить значение социальных статусов для самооценки и представления личности о себе. Статус представляет собой символический атрибут, указывающий на место личности в социальной системе. Социальный статус является неотъемлемой частью социальной жизни личности, посредством которой люди представляют себя окружающим, а также воспринимают других людей. В обычной жизни человек воспринимает себя обладателем нескольких статусов, которые указывают на его принадлежность к конкретным социальным структурам групп и сообществ.

Л. Смит-Ловин предполагает, что современному обществу присуща высокая степень дифференциации социальных групп, слоев, позиций и, как следствие, статусов. Поэтому, в восприятии человека приобретенные им статусы представляются неструктурированными и размытыми, а по отношению друг к другу статусы могут быть слабыми и неустойчивыми. Более того они могут противоречить друг другу тогда, когда их инициация требуется одновременно, например — при совмещении двух социальных контекстов, предполагающих демонстрацию оппозиционных по характеру социальных ролей. Таким образом, статусы в сознании субъекта отражают не порождающие их социальные системы, а в большей степени напоминают социальные роли, либо позиции, занимаемые личностью в группах.

Итак, в представлении Л. Смит-Ловин, социальный статус личности выполняет две функции во взаимодействии с окружающими: коммуникативную и идентифицирующую. Коммуникативное значение статуса в том, что он является атрибутом, символизирующим роль и значение человека в социальной системе. Знание статуса позволяет собеседнику понять функцию и возможности своего партнера. Для самосознания личности социальный статус выполняет идентифицирующее значение, поскольку описывает ожидания окружающих людей относительно его действий.

Подводя итоги, отметим, что интеракционистские исследования обращены к характеристикам взаимодействия личности с социальным окружением. Исследователи рассматривают социальную роль, статус и социальную позицию в качестве взаимосвязанных конструкторов, способных представить сущность социального взаимодействия. Ценность подхода заключается в развитой операционализации социального взаимодействия. Изучая восприятие личностью социальных ролей, статусов и позиций, представители этого направления сформировали внушительный методический инструментарий. Не имея возможности представить линии его развития, далее в параграфе обобщены ключевые категории, применяемые для изучения взаимодействия личности с социальным окружением.

Объем социального взаимодействия. Окружающие люди и группы являются основными элементами социального взаимодействия личности¹. Размеры социального взаимодействия индивидуально-специфичны, поскольку они определяются образом жизни личности, возрастом, образованием и культурой.

Эмпирические исследования размеров социального взаимодействия личности основываются на различной методологии². К примеру, изучая масштабы осведомленности личности о других людях («Сколько людей Вы знаете?») исследователи установили, что средние размеры коммуникативного пространства человека варьируются в диапазоне 300–500 человек, а медианные оценки для мужчин составляют 500 человек, для женщин — 450 человек³. Конечно, неопределенность этого приема изучения вносит нечеткая операционализация понятия «*знание другого человека*». В одних исследованиях данный критерий подразумевает знание его фамилии или имени, а в других критерием знания выступает несколько (более одного) взаимодействий с ним.

Социальное пространство расширяется по мере взросления. Так, социальное пространство ребенка может ограничиваться 50-ю людьми, школьника — достигать 200–300. Конечно, представление субъекта

---

¹ Ramarajan L. Past, present and future research on multiple identities: toward an intrapersonal network approach // *The Academy of Management Annals*. 2014. № 8(1). Pp. 589-659.

² McCarty C., Killworth P. D., Bernard H. R. Comparing Two Methods for Estimating Network Size // *Human Organization*. 2001. 60(1). P. 28-39.

³ McCormick T.H., Salganik M.J., Zheng T. How many people do you know? : Efficiently estimating personal network size // *Journal of the American Statistical Association*. 2010. № 10. P. 59–70.

о людях зависит от их вовлеченности во взаимодействие. Ведь субъекту наиболее известны люди, взаимодействие с которыми постоянно и относительно непрерывно. К ним относятся члены семьи, родственники, коллеги и пр. Менее известными являются люди, общение с которыми происходит редко и, как правило, оно формализовано социальными функциями. Различия в восприятии людей обусловлены не только частотой взаимодействия с ними, но и социальными и индивидуальными представлениями о его желательности или нежелательности.

Социальная позиция и статус. Изучение позиций и статусов личности в социальных структурах групп является одним из отличительных черт интеракционистского подхода¹. Позиция и статус являются важным индикатором вовлечения личности в социальное взаимодействие, раскрывают отношение окружающих к выполнению личностью социальной роли.

Статус сказывается на частоте, объеме и продуктивности социального взаимодействия, поддержке и помощи со стороны окружающих. Власть и социальное влияние в интеракционистских концепциях рассматриваются одним из атрибутов, присущих взаимодействию людей, опосредованному социальными структурами².

Способность личности понимать и оценивать структуры социальной групп и сообществ, является одним из предположений теории социальной категоризации Г. Теджфела. Согласно положениям этой теории, человек воспринимает окружающих людей и себя через призму ролей, статусов и позиций в социальных структурах³.

Последователи данной теории развивают идею о том, что взаимодействие людей на основе ролевых отношений. Осознание, принятие и соблюдение ролевых и позиционных правил — основное условие социального взаимодействия личности. Его нарушение влечет за собой санкции или даже исключение личности из группы. Соответственно, умение определять социальные роли других людей, а также сообщать им свою роль, выступает важной способностью, культивируемой обществом.

---

¹ Freeman L. C. Centrality in social networks conceptual clarification // *Social Networks*. 1979. № 1(3). Pp. 215–239.

² Gosselin É. *Studies in Social Power* // Research Center for Group Dynamics, Institute for Social Research. The University of Michigan, Ann Arbor, 1959. P. 355.

³ Tajfel, H. Turner J. C. *The social identity theory of intergroup behavior* // *The psychology of intergroup relations*, Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. Pp. 7–24.

Социальные взаимодействия личности могут быть описаны в виде сети социальных коммуникаций. Посредством коммуникации человек воспринимает информацию о своем социальном статусе, предписанной ему роли и оценку успешности ее реализации.

В исследованиях представлений личности о себе и социальных взаимодействиях высказываются предположения об изоморфном характере отношений между статусом и самооценкой. Например, изменение социальных ролей и статусов в структуре группы влечет за собой изменение представлений личности о себе¹.

Барьеры взаимодействия. С социально-психологической позиции, барьеры — это субъективно воспринимаемые препятствия к взаимодействию с другими людьми. Барьеры мешают установить взаимоотношения, просить и получать помощь от окружающих. В большинстве случаев переживание барьера обусловлены убеждением личности в невозможности взаимодействия с окружающими, ожиданиями отказа, враждебности или агрессии от другого человека. Исследования барьеров взаимодействия рассматривают их в контексте групповых процессов (снижением статуса члена группы, исключения из группы), трудностями взаимодействия, обусловленными ментальной и физической ограниченностью, трудностями аккультурации мигрантов².

Восприятие барьеров, по мнению Р. Ф. Баумейстера и М. Р. Лири, стимулирует негативные переживания личности, воспринимается как невозможность кооперации и общения³. Негативный эффект барьера взаимодействия изучен этими исследователями применительно к социальной идентичности, Я-концепции и самооценке личности. Благодаря их исследованиям, стало ясно, что важность изучения барьеров обусловлена не только научным интересом, но и значимостью эффектов, оказываемых переживанием барьеров на поведение и взаимодействие личности. Фактически, барьеры могут сегментировать социальное взаимодействие, ограничивая доступ человека к социальным структурам и институтам общества.

---

¹ Serpe R. T. Stability and change in self: A structural symbolic interactionist explanation // *Social Psychology Quarterly*. 1987. № 50. Pp. 44–55.

² Ahmadi A., Kiani F. Barriers and Facilitating Factors of Communication in Iranian Educational Health Care Centers: A Systematic Review // *Strides in Development of Medical Education*. 2019. № 16(1). Pp.1–12 .

³ Baumeister R. F., Leary M .R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*. 1995. № 17(3). Pp. 497–529.

Социальная дистанция. Различия в восприятии социального пространства обусловлены не только частотой или качеством взаимодействия с окружающими людьми, но и представлениями человека о желательности или нежелательности такого взаимодействия. Данные представления получили название «социальная дистанция».

Первые исследования социальной дистанции были выполнены Э. С. Богардусом. Он предложил измерять взаимоотношения людей, используя семь видов социальных групп, размещенных по отношению друг к другу на основании близости к субъекту.

Богардус предлагал своим обследуемым представить место другого человека в системе его отношений, и решить, сможет ли он: 1) принять этого человека в круг близких родственников по браку; 2) иметь в качестве «друзей»; 3) иметь соседями по улице; 4) принять как коллег по профессии в своей стране; 5) принять как граждан своей страны; 6) принять исключительно как гостей своей страны; 7) полностью выдворить из своей страны¹. Благодаря концепции социальной дистанции Э. Богардусу удалось определить степень структурированности социального пространства личности полом, расой, религиозными убеждениями и другими социально-экономическими параметрами.

Понятие «социальная дистанция» может применяться для изучения субъективной организации социального пространства личности. Действительно, социальное взаимодействие упорядочено таким образом, что облегчает общение с определенными людьми и отдаляет лиц, общение с которыми нежелательно или даже опасно. Можно видеть, что социальная дистанция структурирует пространство, выделяя в нем области, которые включают позитивно оцениваемые и , негативно оцениваемые объект.

Дистанцирование можно рассмотреть как способ категоризации объектов в представлении о них субъекта. В таком случае, его использование является одним из приемов реконструкции социального пространства в представлении человека. Конечно, критерии социальной дистанции могут быть различными, вместе с тем, их использование имеет функциональное значение — упорядочивает элементы пространства, проясняя и уточняя отношение человека к ним.

Социальная роль, Я-концепция и самооценка личности. В интеракционистских концепциях социального взаимодействия, роли и функции человека в обществе оцениваются двумя видами значений.

---

¹ Богардус Э. С. Социальная дистанция в городе // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / отв. ред. Л. В. Гирко. М., 2003. 196 с.

Во-первых, они организуют и управляют взаимодействием, предписывая человеку модели поведения и отношения, ожидаемые от него обществом. Обладая определенными ролями и статусами, личность приобретает возможности и сталкивается с ограничениями в удовлетворении своих потребностей.

Во-вторых, социальные роли и функции становятся частью представления человека о себе, формируют его Я-концепцию. Выполняемые социальные роли играют важную роль в формировании Я-концепции человека. Как подчеркивает М. Хогг, восприятие себя как исполнителя социальной роли дополняет «образ Я» информацией о модели поведения в этой роли¹. Полученные им данные показывают, что осознание исполнителем роли меняет представление о себе. Аналогичные результаты были получены Н. Эллемерс установившей, что социальная оценка группы, участником которой является человек, влияет на его поведение и затрагивает самооценку². Ей экспериментально доказано, что негативная оценка группы со стороны других групп вызывает у ее участников реакции защитной агрессии. Это объясняется тем, что угроза группе рассматривается как угроза субъекту. Угроза представляется как личный вызов, ответ на который необходимо дать под угрозой потери самоидентичности. Важно также то, что вслед за негативной оценкой группы, снижается уровень самоуважения ее участников. Следовательно, угроза группе, участники которой отождествляют себя в качестве ее представителей, затрагивает их самопредставление и самооценку.

Видя, что ролевая структура взаимодействия влияет на самооценку и Я-концепцию личности, можно полагать, что социальное пространство личности отражается на представлении человека о себе, затрагивая образ себя и самооценку.

Завершая параграф, подведем основные итоги.

1. Исторически, социально-психологические исследования обращены к изучению стабильных и устойчивых характеристик взаимодействия личности с социальным окружением.

2. Интеракционистский подход к социальному взаимодействию содержит три направления, описывающих:

а) познавательную деятельность личности по восприятию и отражению социального взаимодействия в виде атрибуций, понятий и схем поведения других людей;

---

¹ Hogg M. A., Reid S. A. Social identity, self-categorization, and the communication of group norms // *Communication Theory*. 2006. № 16. Pp. 7–30.

² Ellemers N., Spears R., Doosje B. Self and Social Identity // *Annual Review of Psychology*. 2002. № 53. Pp. 161–186.

б) закономерности формирования межличностных отношений, объясняя их принципами «социального обмена», «снижения неопределенности», «реляционно-диалектическими» этапами развития отношений;

в) влияния социальных структур групп и сообществ, на Я-концепцию и самооценку личности социальных ролей, позиций и статусов.

3. Операционализация социального взаимодействия личности в интеракционистских исследованиях предполагает изучение: объема социального взаимодействия, социальной позиции и статуса, барьеров взаимодействия, социальных компонент Я-концепции и самооценки личности.

Выводы первой главы

1. Представление о социальном пространстве для социологии и психологии, является исторически ранним предметом поиска и дискуссий. В различных отраслях психологической науки категория социального пространства используется для объяснения причин активности личности и ее взаимодействия с окружающими людьми, социальными группами и обществом в целом.

В социальной психологии социальное пространство рассматривается областью непосредственных взаимоотношений личности с миром, влияющей на нее но и, вместе с тем, конструируемой ее взаимодействием с окружающими людьми.

В психологии развития социальное пространство — пространство коммуникации ребенка и взрослого, развивающее личность и социализирующее ее. Качества социального пространства определяются взрослыми людьми, создающими его для ребенка. В психологии образования, социальное пространство описывается через призму возможностей, создаваемых педагогическим сообществом в целях обучения и воспитания.

Каждое из направлений психологической науки представляет собственную интерпретацию социального пространства. Так, в теориях поведенческого типа социальное пространство обозначается регулятором поведения человека. В социально-когнитивных психологических теориях социальное пространство описывается причиной и условием выбора поведения. В гуманистических теориях социальное пространство рассматривается в контексте ресурсов окружающих людей, поддерживающих личность и побуждающих ее к действию. Все эти подходы предлагают разные трактовки ключевого, на наш взгляд вопроса — взаимодействия человека с социальным окружением, образующего социальное пространство личности.

2. Множество идей о сущности и природе социального пространства к настоящему времени воплотились в многообразии подходов, объясняющих генез социального пространства. Выделяются два направления концептуализации социального пространства — «социальное» и «субъектное», развиваемые социологической и психологической науками.

В «социальном» направлении социальное пространство мыслится независимым от личности, изначально существующим, способным влиять и обуславливать действия и решения человека. В субъектном направлении исследований, социальное пространство существует вместе с личностью, подвергается ее воздействию и оказывает воздействие на нее. В рамках социального и субъектного направлений исследовательской программой, методологией и методами, имеет существенную эмпирическую поддержку.

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цель главы — обобщение и анализ методологических подходов к исследованию субъективного представления личности о взаимодействии с социальным пространством и его основными репрезентантами: социальным окружением, социальными группами и общественными институтами.

В главе выполняется характеристика методологических программ, предметных областей исследования и методов сбора информации, описываются сведения о валидности методов и способов их применения.

2.1. Социальное пространство личности как предмет социально-психологического исследования

Предметное поле социального пространства хорошо известно отечественной социальной психологии. Характеристики социально-психологического пространства описывались А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко, суверенность и доверие как ведущие факторы организации психологического пространства рассматривались С. К. Нартовой-Бочавер и А. Б. Купрейченко, психологическое отношение личности, формирующее ее пространство изучалось В. П. Поздняковым, связи личности с социальным окружением рассматривались в качестве разновидности социального капитала А. Н. Татарко. Анализ концепций показывает, что вектор современных исследований пространства ориентирован на изучение жизнедеятельности человека в социальных, культурных и экономических условиях.

Социальное (социально-психологическое) пространство в них представляется системой устойчивых отношений личности с социальными структурами общества, сформированной вследствие социогенетических механизмов развития личности в современном обществе. Социальные отношения и взаимодействия выступают неотъемлемым и критически значимым условием развития и существования человека в обществе. Система связей, образованных личностью с ее социальным окружением в лице семьи и родственников, друзей и коллег, неформальных отношений, адаптирует к условиям социально-экономической нестабильности, обеспечивает помощь в трудных жизненных ситуациях. Однако социальное окружение личности не только оказывает подобное воздействие, но и само нередко нуждается в подобной помощи. Поэтому, социальное пространство личности образовано взаимными

действиями поддержки и участия, предоставляемым конкретным лицам и группам.

Степень разработанности проблемы. В отличие от основного массива проводимых в отечественной социальной психологии исследований, в монографии изучается восприятие и оценка личностью принадлежащей ей системы социального взаимодействия, свойств и характеристик.

Важно отметить, что понимание «социального пространства личности» в работе отличается от определения понятия «социального пространства», предложенного А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко. Соглашаясь с тем, что социальное пространство может представлять собой пространство *«объективно-существующих социальных объектов, окружающих субъекта и связанных с ним социальными связями, не зависящими от его психологического отношения или даже осведомленности от них»*¹ необходимо отметить, что в работе рассматривается социальное пространство, образованное структурами взаимодействия субъекта с обществом. Таким образом, социальное пространство личности в работе определяется производным от системы взаимодействия с социальным окружением, а содержание и параметры социального пространства личности зависят от структурно-позиционных характеристик взаимодействия. Подобный подход позволяет изучать восприятие человеком образованных ими социальных взаимодействий, раскрывая возможности данных взаимодействий удовлетворять актуальные потребности. В силу интерсубъектного характера взаимодействия, такой подход может применяться для определения уровня функционирования человека во взаимодействии с окружающими, характеризуя его через уровень социальной самооценки.

Характеризуя степень разработанности представления личности о социальном пространстве, следует признать ее новой и значимой. Объем социальных проблем потенциально зависящих от изучения социального пространства еще достаточно значителен, несмотря на проводимые исследования в данной области и по смежной тематике в отечественной и зарубежной психологии.

Признавая область исследования новой, следует оговориться, что основаниями для ее разработки выступают три группы подходов, применяемых для изучения взаимоотношений и взаимодействий личности.

---

¹ Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 25.

Социально-психологические подходы к исследованию представлений личности о социальном пространстве.

Характеризуя специфику социального познания Г. М. Андреева отмечает, что «познание — социально по своему происхождению». Поэтому изучение представлений личности о социальном пространстве не может не обращаться к знаниям о познании социального пространства, а также обеспечивающих его процессах: межличностном восприятии, социальном взаимодействии.

Проведенный нами анализ социально-психологических концепций (представленный в параграфе 1.3 данной монографии) показывает, что интеракционистские и социально-когнитивные подходы к исследованию представлений личности о социальном пространстве связывают его с восприятием личностью других людей и социальных групп, а также восприятием ролей, статусов и позиций в социальных структурах. При всей актуальности данного вопроса, единая концепция представления личности о социальном пространстве еще не сформирована.

Отчасти причинами этому видятся особенности подходов, рассматривающие социальное пространство независимо от личности, сводящими его к эпифеноменам восприятия, результатам когнитивных процессов или влиянию социального окружения.

Вместе с тем, в отечественной психологии представлены теоретические основания, позволяющие концептуализировать представление личности о социальном пространстве в виде целостного и непротиворечивого образования, возникающего при взаимодействии человека с социальным окружением. Предпосылками для разработки концепции социального пространства личности могут выступать три отечественных психологических направления: «деятельностное», «субъектное» и «субъектно-средовое». Их названия условны и сформулированы исходя из предметной области выполняемых исследований.

«**Деятельностное**» направление рассматривает роль деятельности в формировании представления о социальном пространстве.

Человек приобретает представление о нем, взаимодействуя с другими людьми, овладевает значением предметов и явлений, получая общественный опыт и знания. Приобретенные знания формируют его образ мира (М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев и др.). Таким образом, социальное пространство служит средством постижения мира и, наряду с этим, выступает одним из фрагментов мира в представлении человека.

Роль социального пространства в формировании представления была впервые описана в культурно-исторической теории развития. Изучая развитие представлений детей о мире Л. С. Выготский, показал, что деятельность является основным условием познания ребенком социальных значений объектов и предметов окружающего мира. Используя понятие социальная среда развития, Л. С. Выготский характеризовал особый вид взаимодействия ребенка и взрослого, рассматривая системы отношений «ребенок-общественный взрослый», «ребенок-близкий взрослый», «ребенок сверстник». Результатом социального взаимодействия становится когнитивное (интеллектуализация), личностное (произвольность и осознанность) и социальное (социализация) развитие. Взаимодействие со взрослым раскрывает ребенку множество культурных и социальных значений, освоение и использование которых способствует качественной перестройке психических и психологических свойств личности.

Влияние деятельности на образ мира также выступало предметом изучения представителей деятельностного направления. Цель исследований, сформулированная словами А. Н. Леонтьева, есть понимание того «...как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в объективно реальном мире»¹. Исследователями было показано, что социальное пространство связано с видом профессиональной деятельности, и в завершенном виде представляет собой систему взаимодействий человека с окружающими людьми, опосредованную трудовой деятельностью.

Исследования Е. А. Климова показывают как трудовая деятельность формирует образ мира профессионала. Влияние деятельности выражается не только в становлении определенной системы значений (мировоззрении) профессионала, но и построении определенного социального взаимодействия. Образ жизни профессионала предполагает образование устойчивых связей с определенными социальными группами людей, предпочтении и игнорировании определенных социальных групп и сообществ.

Методология деятельностного направления раскрывает влияние взаимодействия на развитие и становление личности, показывает, как

---

¹ Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 томах. М.: Педагогика, 1983. С. 254.

под влиянием деятельности изменяется личность, как деятельность влияет на восприятие мира и образ жизни личности.

«Субъектное» направление рассматривает значение человека в преобразовании внешнего по отношению к нему мира (К. А. Абульханова, С. Л. Рубинштейн).

Онтологически, человек неотделим от окружающего его мира, а образующиеся между ним связи и отношения объективно необходимы для его жизни и развития. Социальные взаимодействия являются составной частью мира, при этом они не предписаны человеку, а напротив, формируются и изменяются благодаря его усилиям. Таким образом, субъект воспринимается силой преобразования мира, побуждаемой стремлением к самоосуществлению.

По мнению К. А. Абульхановой, субъектная позиция выражается в инициативном формировании человеком социального взаимодействия, избирательном построении образующих его социальных связей и отношений, пристрастном отношении к другим людям, группам и обществу в целом.

Онтологическая концепция социального мира личности, предложенная Н. И. Леоновым, рассматривает человека активным создателем социальной реальности, конструирующим ее посредством взаимодействия с другими субъектами.

Обобщая положения субъектного подхода, применимые к изучению социального пространства личности, отметим, что:

— взаимодействие человека с социальным окружением опосредовано потребностью в самореализации;

— конструкция социального пространства индивидуально-специфична, поскольку отношения человека с социальным окружением могут существенно отличаться от типичных, присущих большинству людей;

— рефлексивная позиция человека по отношению к своим отношениям с социальным окружением побуждает изменение сложившейся системы взаимодействий.

Методология субъектного подхода обращена к изучению свойств субъекта, влияющих на восприятие мира, отношение к его элементам, а также определяющих творческое преобразование субъектом окружающего его мира.

В отечественной психологии «деятельностная» и «субъектная» линии исследования продолжают существовать по настоящее время, являясь методологическим основанием исследований образа мира. Однако их предметная область не охватывает отношения человека

с окружающей средой, не затрагивает феномены влияния окружающей среды на человека, не рассматривает влияние человека на окружающую его среду. Поэтому целесообразно обратиться к направлению исследований, разрабатывающих эту область проблем.

Субъектно-средовое направление. В последние десятилетия в отечественной и зарубежной социальной психологии активно развивается субъектно-средовой подход к изучению взаимодействия человека и мира (Р. Бакер, К. Линч, Дж. Голд), а также более конкретно — человека, формирующего представление о мире в ходе жизнедеятельности (С. К. Нартова-Бочавер, В. И. Панов, Ю. Г. Панюкова).

Представители субъектно-средового направления изучают связи личности с физической и социальной средой, выявляя закономерности, определяющие их совместное развитие. Ими утверждается, что психологическое развитие личности определяется свойствами окружающей среды в той же степени, как и преобразование среды определяется свойствами личности. Соответственно, процессы, лежащие становления и преобразования рассматриваются взаимодополняющими и взаимоопределяющими по отношению друг к другу.

Концепции, выполненные в русле средового подхода посвящены изучению влияния окружающей среды на обучение и развитие детей (В. И. Панов)¹, изменению свойств личности во взаимодействии со средой (Н. М. Сараева²), развитию суверенности личности (С. К. Нартова-Бочавер), восприятия пространственно-предметной среды детьми разных возрастов (Т. В. Доронина) и др. Исследователи описывают закономерности восприятия свойств физической и социальной среды для жизни, развития и адаптации, изучая изменения, вносимые человеком в данную среду.

Анализ этих исследований показывает как человек воспринимает разнокачественные преобразования среды — от физических до социальных и культурных.

Субъектно-средовой подход предлагает конкретно-научную методологию изучения представления личности о социальном пространстве. К примеру, Ю. Г. Панюковой разработана единица анализа репрезентации пространственно-предметной среды жизнедеятельности человека —

---

¹ Панов В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. — 197 с.

² Сараева Н. М. О психологическом статусе человека в условиях взаимодействия с экологически неблагоприятной средой // Вестник бурятского университета. Сер. 10. Психология. Вып. I. Улан-Удэ, 2005. С. 276–283.

«место-ситуации»¹. Данная категория состоит из двух компонент: формальных характеристик предметной среды и ее свойств, определяющих содержательный компонент. Способность к репрезентации формируется начиная с формального компонента (чувственного уровня) вплоть до ценностно-смыслового (содержательного).

В изучении возрастных особенностей восприятия среды, выполненном Т. В. Дорониной, показано, что репрезентация человеком среды включает в себя формальный компонент (размер, прочность, динамика, структура) а также два содержательных компонента. Первый, прагматический, включает в себя измерения пользы, ресурсности, контроля и освоенности элементов среды, а второй — эстетико-этический, характеризует уровень привлекательности, свободы, безопасности и близости среды.

Выводы ее исследования показывают, что младшим школьникам характерно пользоваться ресурсами сред, воспринимаемых эмоционально положительно, и избегать сред, воспринимаемых эмоционально отрицательно. Подростки используют среды, воспринимаемые ими эмоционально положительно, и не замечают среды, воспринимаемые эмоционально отрицательно. Юношеский возраст характеризуется стремлением улучшить среды, воспринимаемые и отрицательно и эмоционально положительно².

Таким образом, исследования субъектно-средового подхода раскрывают особый вид отношений человека с окружающей его средой, выявляя механизмы восприятия и оценки пространственных характеристик среды.

Подводя итоги, отметим, что субъектно-средовой подход может быть применен к исследованию социального пространства личности, поскольку его методология позволяет измерять отношение человека к средовым явлениям, предметам и вещам, показывать, как особенности личности влияют на образование связей и отношений с другими людьми, формируют индивидуальную систему взаимодействия.

Обратимся к определению понятия «*социальное пространство личности*», охарактеризуем его признаки и покажем сопряжения

---

¹ Абрамова Ю. Г. Психология среды: источники и направления развития // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 130–137.

² Доронина Т. В. Индивидуально-типологические особенности восприятия пространственно-предметных сред [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2012. № 3 (23). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n323/674-doronina23.html> (дата обращения: 21.01.2020).

с другими понятиями, описывающими межличностные отношения и взаимодействия личности.

Социальное пространство личности: *понятие, признаки и отношения со смежными категориями.*

Обосновывая необходимость уточнения понятия «социальное пространство личности», отметим, что близкие к нему по значению понятия уже представлены в социальной психологии («жизненный мир» К. Левин, «социальная сеть» Г. Зиммель). В отечественной психологии смежными по содержанию выступают понятия «социально-психологическое пространство личности» (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко), «психологическое пространство» (С. К. Нартова-Бочавер). Данные понятия под разными углами зрения раскрывают взаимоотношения человека с обществом, показывают их плотную и прочную связь. Концепции пространства описывают жизнь и деятельность человека, обращаясь к его отношениям к другим людям, значениям, которые он придает себе, людям, группам и обществу.

Содержание научных представлений о пространстве не отражает всю специфику социального бытия человека. Описывая жизненное пространство, исследователи помещают в его центр субъекта, считая его мнение основным источником информации. Модель жизненного мира имеет эгоцентрический вид — она описывается с помощью знаний, убеждений и ценностей субъекта и, фактически, является производной от него самого. Это обстоятельство ограничивает возможности параметрического измерения жизненного пространства, не позволяет сравнивать или сопоставлять его характеристики у разных людей.

Немаловажную роль в этом играет отсутствие устойчивой конструкции пространства. Его содержание зависит от субъективного восприятия человеком своего социального окружения, которыми выступают чувства симпатии и антипатии, признания и отвержения, доверия и приватности. Анализируя отношения человека, следует принимать во внимание их изменчивость. Даже не рассматривая межличностные отношения, очевидно, что социальная жизнь человека предполагает участие во множестве групп и сообществ, при этом такое вовлечение может быть кратким, нередко, иметь формальный характер. Отношение к этим группам варьируется от интереса до безразличия, может искажаться и переоцениваться, уточняться и развиваться. Поэтому сложно построить модель жизненного мира человека, в основе которой лежит его субъективное отношение к окружающей действительности. Поэтому возникает необходимость введения нового критерия, характеризующего

социальные связи человека с социальным окружением и, при этом, более стабильно, нежели отношения человека.

Роль взаимодействия в формировании социального пространства личности. Предполагая, что основанием социальной жизни человека выступает жизнедеятельность (А. Н. Леонтьев), следует считать представление человека о мире производным от системы его взаимодействий с обществом. Какие фундаментальные основания определяют способность человека воспринимать других людей, учитывать и оценивать их поведение?

Представляя взаимодействие основанием социального пространства личности, мы используем в качестве аргументов:

— концепцию эволюционной обусловленности социального присутствия, объясняющую необходимость выживания ориентацию людей на присутствие других людей, эффект, оказываемый осознанием присутствия других людей на уровень мотивации и самоконтроля.

— практику структурирования взаимодействия его участниками путем выработки правил и норм, координирующих их действия и регулирующих их отношение;

— стратегии решения социально-ролевого конфликта, предполагающие репрезентацию структуры взаимодействия, анализа противоречий и выстраивание модели действий, снимающих эти противоречия;

— применение в самопрезентации и самоопределении наименований позиций в социальных структурах групп и сообществ, описание ролей и функций социального взаимодействия.

Об эволюционных факторах, лежащих в основании восприятия людьми взаимодействия, можно судить по феномену «присутствия», проявляющемуся в ориентации человека на других людей, оказывающихся поблизости от него. Присутствие является социально-психологическим феноменом, выражающимся в присущей человеку способности распознавать наличие других людей среди других объектов окружающей природы.

Эволюционная теория присутствия объясняет такое внимание опасностью, исходящей от крупных хищников и жизненной необходимостью повышенной активации нервной системы в случае, когда какое-либо живое существо находилось поблизости. Подобный ориентировочный рефлекс, сочетающийся с повышением уровня стресса способствовал моментальной мобилизации человека и являлся важным для выживания.

Исследования Н. Трипплета и Р. Зайонца показали, что осознание присутствия людей сильно, но неоднозначно влияет на эмоциональное

состояние и действия человека, сказывается на результатах деятельности в зависимости от того, какое значение придают люди присутствию других людей¹. Следствием эффекта присутствия является способность понимать поведение других людей, оценивать их намерения. Воспринимая участников группы, человек представляет себе их роли и функции, распознает существующие между ними отношения.

В целом, рассматривая эффект присутствия, можно заключить, что присутствие других людей не остается незамеченным человеком, напротив, оно концентрирует внимание, стимулирует когнитивные процессы, повышает самоконтроль и влияет на мотивацию. Не всегда являясь осознаваемым, присутствие окружающих людей репрезентируется личностью, отражаясь в виде образов и ощущений. Нейрофизиологические механизмы, осуществляющие эту деятельность, в настоящее время могут являться источником информации, не имеющей значения для выживания, однако использоваться для формирования представления о социальном присутствии.

Вторым аргументом для признания взаимодействия основанием представления о социальном пространстве является практика структурирования взаимодействия его участниками.

Посредством взаимодействия люди компенсируют недостатки собственных возможностей и ресурсов в жизнедеятельности. Оказывая помощь и получая поддержку, люди конструируют структуры, обеспечивающие возможность совместного участия и организующие совместную деятельность наиболее эффективным и надежным образом.

Данные структуры в наиболее простом виде представлены в виде правил и норм, упорядочивающих поведение взаимодействующих лиц, таким образом, что их соблюдение будет приводить к ожидаемому ими результату. Примером наиболее структурированного взаимодействия выступает ритуал — предписанная несколькими участникам совокупность действий. В повседневной жизни структурирование не является «жестким» — правила и нормы могут изменяться в случае, когда они не позволяют достичь цели.

Исследования взаимодействия участников групп показывают, что оно тоже структурируется. Несмотря на то, что взаимодействие задается планом деятельности каждого из его участников, но успешно оно осуществляется только при координации ими собственных действий,

---

¹ Злоказов К. В. Представление о себе в контексте социального присутствия // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. № 1. С. 70–86

выработке правил и норм, которые регулируют их взаимодействие. Образованные структуры взаимодействия участников группы соответствуют распределению действий между участниками, а позиции участников отражают личный вклад каждого в общее дело. Рассматривая процессы структуризации в группе, А. В. Петровский, показывал, что отношение участников друг к другу складывается исходя из воспринимаемого отношения к цели совместной деятельности.

Третьим аргументом, обосновывающим значение взаимодействия в образовании социального пространства личности выступают исследования стратегий преодоления социально-ролевого конфликта.

Специфика социальной жизни человека предполагает его вовлечение во множество взаимодействий, регламентирующих и предписывающих определенное поведение. Ситуации ролевого конфликта не являются редкими, напротив, они присущи многим социальным отношениям. Пример ролевого конфликта применялся для объяснения отношений между идентичностью участников микрогрупп в структуре группы А. В. Сидоренковым¹, преодоления женщинами конфликтов социальных ролей М. Г. Уайли².

В ситуации *«ролевого конфликта»* участники взаимодействий подвергаются влиянию двух взаимоисключающих предписаний³. Реконструируя то, каким образом участники определяют свое отношение друг к другу в ролевых конфликтах (роль «матери» — роль «учителя»), (роль «судьи» — роль «отца»), ясно, что: а) участники представляют модель ситуации с учетом предписаний в каждой структуре взаимодействия; б) предусматривают варианты поведения для всех видов взаимодействия («семейной» и «профессиональной»); в) действуют исходя из осознания своей принадлежности к определенному взаимодействию («семейному» либо «профессиональному»).

На рассмотренном примере видно, что оставаясь вовлеченным в несколько взаимодействий, происходящих одновременно по отношению друг к другу, участник ориентируется в них, улаживает противоречия между ними, основываясь на понимании правил и норм, которыми

---

¹ Сидоренков А. В. Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации: монография / Сидоренков А. В., Сидоренкова И. И., Ульянова Н. Ю. Ростов н/Д: Мини Тайп, 2014. С. 181–182.

² Wiley M. G. Gender, Work, and Stress: The Potential Impact of Role-Identity Salience and Commitment // Sociological Quarterly. 1991. № 32. Pp. 495–510.

³ Nuttbrock L., Freudiger P. Identity Salience and Motherhood: A Test of Stryker's Theory // Social Psychology Quarterly. 1991. № 54. Pp. 146–57.

они регулируются. Подобные действия допустимы при условии репрезентации субъектом структуры каждого из конфликтующих взаимодействий.

Четвертым аргументом выступает специфика социальной самопрезентации. Использование людьми для представления себя окружающим своих социальных позиций в структурах групп и сообществ. Являясь участниками нескольких социальных групп, сообществ, люди описывают себя в терминах всех позиций, ролей и функций, которые они занимают в социальных структурах. Так, отвечая на вопрос «Кто Я?» люди указывают свое место в структурах взаимодействия, выполняемую в них роль и занимаемую позицию. Обозначая свое участие в малых группах, люди маркируют себя терминами «родственник», «друг», «земляк» и пр. Описывая свою принадлежность к большим социальным общностям (нациям, этносу) люди применяют идентифицирующие обозначения. Таким образом, позиции в социальных структурах используются для определения себя окружающим.

Социальная позиция указывает на место и значение человека в структуре различных взаимодействий, показывает его социальные возможности и статус. В концепциях социального капитала социальные позиции человека рассматриваются в качестве ресурсов, необходимых для достижения цели. Знание социальной позиции человека используется для определения его жизненных целей, убеждений и ценностей.

Обобщая данные аргументы можно полагать, что взаимодействие можно рассмотреть основанием социального пространства личности, поскольку в силу эволюционных причин люди рассматривают друг друга в качестве потенциальных соучастников действия, способных оказать помощь и предоставить поддержку. Присутствие других людей не остается без внимания. Даже будучи частично осозанным, оно стимулирует активность, мотивацию и самоконтроль действий. Описывая ситуацию люди способны представить то, каким образом их действия могли бы быть восприняты наблюдателем, оценивать собственные действия с позиции других людей. Таким образом, воспринимая окружающий мир люди избирательно относятся к присутствию других людей, рассчитывая на их возможное участие, оценивая свои действия социальными критериями.

Любые формы социального взаимодействия предполагают совместное приложение усилий и координацию действий его участников. Во всех видах взаимодействия — от краткосрочных и эпизодических действий незнакомых друг другу участников, до сплоченной деятельно-

сти коллектива, его участники представляют себе последовательность действий, необходимых для достижения результата. Соответственно, взаимодействие репрезентируется его участниками в виде этапов, структуры или схемы, в которой общий результат ставится в зависимость от вклада каждого. Распределяя действия их между собой, участники не оставляют без внимания действий друг друга, оценивают их наравне со своими действиями. Обладая способностью моделировать взаимодействие, люди прогнозируют результат совместных действий, связывая его с эффективностью действий каждого участника. Взаимодействие представляется его участникам обобщенно, но это обобщение сохраняет свою функциональность, поскольку образует причинно-следственную связь между усилиями каждого и общим результатом.

Существенным свойством социального взаимодействия является структурирование позиций его участников. Позиция участника в структуре взаимодействия является источником информации о его способностях и возможностях. Поэтому, перечисление позиций и статусов характеризует человека как субъекта взаимодействия. Самопрезентация людей нередко заключается в представлении себя другим посредством описания занимаемых позиций и полученного статуса. Социальные позиции и статус демонстрируют репутацию человека, говорят о его профессиональном опыте и истории жизни.

Итак взаимодействие имеет интересубъектный характер. В отличие от отношения взаимодействие продуктивно (ориентировано на результат) и структурировано (координацией действий, распределением функций).

Понятие о социальном пространстве личности. Введение понятия «*социальное пространство личности*» дополняет ряд социально-психологических понятий, применяемых при описания видов взаимодействия («*межличностного*», «*внутригруппового*»), представляя человека, вовлеченного в разнородные и разнокачественные социальные взаимодействия.

Понятие необходимо для обобщенного описания возникающих в процессе жизнедеятельности множественных взаимодействий человека с людьми и группами, показывая его позицию в структурах групп и сообществ в качестве критерия анализа.

Данное понятие является гносеологическим, а не онтологическим. Оно выполняет аналитическую функцию, позволяя описывать разнородные и разнокачественные взаимодействия личности с социальным окружением. Поэтому, показателем, по которому можно судить о соци-

альном пространстве выступает взаимодействие, а критерием, характеризующим состояние и свойства социального пространства является позиция личности в структуре взаимодействия.

Определяя **социальное пространство личности**, представим его в виде системы взаимодействий личности с социальным окружением, структурированной занимаемыми в них позициями.

Под взаимодействием понимается совокупность действий человека, подразумевающих соучастие других людей, групп. Взаимность действия предполагает что оно обладает значением, понятным его участникам, осуществляется на основе правил и подчинено нормам, позволяющим участникам достичь результатов.

Система взаимодействий характеризует организацию взаимодействий личности с социальным окружением. Использование понятия «система» оправданно применением методологии системного подхода для описания отношений между структурами различных видов взаимодействий, образующих социальное пространство личности, а также рассмотрения влияния социально-культурных, социально-экономических системы на социальное пространство личности.

Социальная позиция представляет собой социально-структурное образование, присущее любому виду социального взаимодействия — от межличностного до межгруппового. Функциональное значение позиции заключается в координации взаимодействия людей, посредством предписания модели поведения (действия, отношения), а также описания ожидаемого от других участников взаимодействия поведения.

Характеристиками социального пространства личности, позволяющими его измерять, а также сравнивать, оценивать и корректировать, выступают:

а) интерактивные характеристики взаимодействий, образующих социальное пространство личности (объем взаимодействия, социальная позиция и социальный статус, гомогенность участвующих лиц, стиль координации взаимодействия и пр.);

б) свойства социального взаимодействия, рецептируемые личностью в виде возможностей и ограничений социального окружения;

в) качества социального взаимодействия, определяемые отношением личности к построению взаимодействия с окружающими.

Итак, социальное пространство личности описывает обусловленную социальными условиями жизни систему взаимодействий личности с обществом, представляя ее в количественно-качественных характеристиках.

Смежными по отношению к понятию социальное пространство личности выступают понятия: а) «*психологическое пространство*» (С. К. Нартова-Бочавер), б) «*социально-психологическое пространство личности*» (А. Л. Журавлев с соавт.)¹, в) «*социальная сеть*» (использовал Г. Зиммель, подразумевая, но не используя данного термина)². Отношения между этими понятиями являются смежными по содержанию, поскольку все они обращены к отношениями, установленным между личностью и социальным окружением. Вместе с тем, они не синонимичны, поскольку каждое из них подразумевает определенный аспект взаимоотношений человека и общества.

Первое понятие, смежное по своему содержанию с понятием «социальное пространство личности» — «*психологическое пространство*». Данное понятие описывается С. К. Нартовой-Бочавер как субъективно-значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека³. Сущность психологического пространства отражает форму субъектности человека, развивается посредством выборов, совершаемых в различных жизненных ситуациях. Ключевой характеристикой «психологического пространства» человека выступают границы. Границы определяют область суверенного, позволяющего идентифицировать находящиеся в ней объекты принадлежащими личности, а также установить личную ответственность за все, что происходит в этой области. Границы обеспечивают селекцию объектов и явлений на внешние (чужие) и внутренние (свои), обеспечивают особый характер взаимоотношений внутри и снаружи.

«*Психологическое пространство*» человека распространяется на территориальные и социальные явления, характеризуя суверенный тип отношений субъекта к находящимся в этих средах объектам, предметам, вещам, явлениям и людям.

Отношения между понятиями социальное и психологическое пространство являются смежными. Социальное пространство характеризует

---

¹ Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2. С. 7–13.

² Chayko M. The first web theorist? The legacy of Georg Simmel and “the web of group-affiliations.” // Information, Communication & Society. 2015. № 18 (12). Pp. 1419–1422.

³ Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. Том 24. № 6. С. 37–48.

все отношения, существующие между личностью и социальным окружением. Часть этих отношений, атрибутируемых как суверенные, относится к психологическому пространству личности. Но и те и другие принадлежат к социальному пространству. Социальное пространство формируется во взаимодействии личности с другими людьми и группами, представляется в социальных позициях и статусах. Его границы определяются возможностями личности в поддержании взаимодействия с конкретными людьми и группами.

Границы психологического пространства могут расширяться и сужаться, крепнуть и ослабевать в зависимости от состояния человека, его выборов и решений. Распространение психологического пространства на социальное проявляется во включении людей в область приватного, распространении на них атрибутов интимного и личного, признании их «своими», а остальных — чужими. Представление личности о пространстве упорядочено уровнем суверенности: высокая суверенность атрибутируется той части пространства, что относится к приватной части, а низкая суверенность к депривированной, т. е. не принадлежащей личности части пространства. Соответственно, уменьшение доли психологического пространства в социальном заключается в вытеснении людей за границу приватного, их разотождествлении. Внешним проявлением психологического пространства личности выступает его проявление в виде предпочтения определенных мест и предметов, ограничения территорий и областей.

Итак, социальное пространство описывает систему социального взаимодействия личности с другими людьми, группами и сообществами, а психологическое характеризует особое качество такого взаимодействия, выражающееся в атрибуции к участникам такого взаимодействия определенных черт и свойств.

Вторым понятием, смежным по отношению к «социальному пространству» выступает «социально-психологическое пространство». Данная разновидность пространства охватывает систему психологических отношений личности с социальным окружением. По мнению А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко, социально-психологическое пространство наследует свойства психологического. Являясь его частным случаем, социально-психологическое пространство раскрывает субъективное отношение человека к объектам и явлениям, имеющим социальную природу.

Оно представляет собой систему субъективно значимых объектов и явлений, оцениваемых положительно, негативно или нейтрально,

находящихся в определенной структуре по отношению друг к другу, связанных и выполняющих определенные функции и роли, в соответствии с нормами, правилами, стандартами и эталонами¹.

В специальной работе А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко описаны параметры социально-психологического пространства личности. Авторами представлены более ста параметров субъективного пространства, обобщенные в четыре блока. Авторы относят к ним:

- общие характеристики социально-психологического пространства;
- характеристики субъекта (носителя) пространства,
- характеристики элементов пространства;
- особенности межпространственных отношений².

Описываемая с помощью понятия социально-психологическое пространство область отношений субъекта к миру может выступать «реальной», а может существовать только в воображении субъекта, то есть являться «ментальной» (в терминологии авторов концепции).

Соотнося понятия о социальном и социально-психологическом пространстве, следует отметить, что максимальная степень их сопряжения находится в области «реальных» социальных отношений. И социально-психологическое и социальное пространства характеризуют систему взаимодействия человека с социальным окружением. Соответственно, они близки друг к другу, когда речь заходит об отношениях субъекта, адресованных его ближайшему социальному окружению, например, членам семьи, друзьям, коллективу. Оба понятия описывают социально-психологические феномены, порождаемые взаимодействием субъекта с участниками данных групп. Так, А.Н. Николаевой показано, что образ социального мира в представлении подростка наполнен конкретными социальными образами людей, предметов, явлений и их социальных значений³.

Различия между аспектами социального взаимодействия определяемой посредством понятий социального и социально-психологического пространства заключается в том, что социальное пространство

---

¹ Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 23–26.

² Журавлев А. Л., Купрейченко А.Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 10–18.

³ Николаева И. А. «Я и другие». Процедура исследования субъективных характеристик социализации личности. Курган: Изд-во Курганского государственного ун-та, 2004. 80 с.

образовано не отношением, а взаимодействиями участвующих в них субъектов. Структура и содержание такого взаимодействия определяется его участниками, в то время как структура и содержание взаимодействия отражаемого в виде социально-психологического пространства производно от представлений одного человека — его субъекта.

Содержание социально-психологического пространства не ограничивается взаимодействием, оно распространяется на объекты и явления социального мира, воспринятые субъектом. Вероятно, что отношения с другими людьми, рассматриваемыми частью социально-психологического пространства, репрезентированы в нем искаженно, поскольку основаны на субъективном мнении. Поэтому, наверное, такое пространство может включать воображаемые субъектом отношения, участниками которых могут являться популярные персоны, герои книг, фильмов и пр.

Возникновение социально-психологического пространства зависит от отношений субъекта к его социальному окружению. К примеру, установив доверительные и уважительные отношения (А. Б. Купрейченко, А. Н. Татарко), субъект рассматривает людей частью своего социально-психологического пространства. Отношение микросоциального доверия, по мнению А. Н. Татарко, связывает людей и социальные группы между собой. Образованная на основе доверия система связей индивида с социальной действительностью является социально-психологическим ресурсом, позволяющим ему постоянно адаптироваться в социуме или к его изменениям¹.

Третье понятие — «социальная сеть» (social network) — описывает совокупность актуальных социальных взаимодействий (связей) личности с другими людьми, группами, сообществами. В данные отношения могут характеризовать разные качества взаимодействия — от тесных родственных связей до краткосрочных диалогов в общественном транспорте.

Сравнивая содержание понятий «*социальное пространство*» и «*социальная сеть*», предложенное Г. Зиммелем, можно отметить, что второе понятие подразумевает аналитический прием, позволяющий исследователю описать человека в его непосредственных взаимоотношениях и взаимодействии с социальным окружением.

---

¹ Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе: автореф. дис. д-ра психол. н. М.: Институт психологии РАН, 2014. 42 с.

Социальная сеть характеризует связи человека с другими людьми, причем сами связи могут быть разными по своему содержанию. Интимные и деловые, родственные и топологические, случайные и долговременные — все эти основания могут представлять социальную сеть человека, однако никоим образом не отражаться на способе ее построения.

Метод построения социальной сети приобрел большую популярность в социологических исследованиях контактного взаимодействия. Далее, в параграфе, посвященном специальным методам исследования взаимодействия личности с социальным окружением, нами будут рассмотрены разные методологии построения социальных сетей, применяемые в эмпирических и прикладных исследованиях.

Сопоставляя аспекты взаимодействия, характеризующихся с помощью понятий «*социальное пространство*» и «*социальная сеть*» отметим, что социальная сеть личности отражает интерсубъектную структуру социального пространства личности. Представляя связи и отношения личности с социальным окружением, социальная сеть раскрывает объем социального пространства, свойства и качества людей которые в нем присутствуют. При этом, понятие социальной сети не раскрывает отношения и оценки, возникающие в ходе взаимодействия с другими людьми. Соответственно, понятие социального пространства может характеризовать больший объем феноменов социального взаимодействия, нежели понятие «*социальная сеть*».

Завершая параграф, отметим, что изложенный нами взгляд на социальное пространство описывает систему взаимодействия личности с социальным окружением сложным и разнокачественным социально-психологическим образованием, в определенной части предписанным вследствие социального образа жизни человека, отчасти сформированным вследствие субъектной позиции — субъектности личности.

Основу социального пространства, его системообразующим факторов является социальное взаимодействие. Оно определяет содержание, динамику и индивидуальность социального пространства в виде позиций, ролей и функций, занимаемых человеком в структурах группа, сообществ и межличностном взаимодействии.

Рассматривая понятие о социальном пространстве личности в системе социально-психологических понятий, разработанных в субъектно-средовом подходе нами описано сопряжение с понятиями о психологическом и социально-психологическом пространствах.

Считая, что характеризующие с помощью понятия «*социальное пространство*» особенности взаимодействия личности с социальным окружением могут предоставить новые научные и прикладные данные, целесообразно обратиться к их репрезентации в сознании.

2.2. Представление как форма репрезентации личностью социального взаимодействия

Цель параграфа — теоретическое обоснование использования категории «представление» для описания репрезентации личностью характеристик социального взаимодействия. Описание структуры представления социальном пространстве — необходимый этап изучения его психологической природы, позволяющий глубже понять организацию, механизмы развития и формирования, выбрать оптимальные методы и методики изучения. Поскольку содержание представлений о социальном пространстве многообразно и разнопланово, структура представления личности также должна включать различные компоненты.

В параграфе обобщаются и анализируются составляющие представления, на основе чего формируется гипотетическая модель структуры представления, включающая разнокачественные компоненты. Обобщению подвергаются существующие в социальной психологии самостоятельные в своих теоретических основаниях подходы, рассматривающие представления как форму психического отражения, как ментальную репрезентацию в сознании социального поведения, как форму представления общественного мнения в сознании личности. Неоднородность подходов к представлению о социальном пространстве ставит задачу сопоставления их теоретических оснований.

Представление как форма отражения. Представление как самостоятельный предмет исследования появляется в отечественной психологии лишь в конце 60-х годов в связи с развитием отечественной социальной психологии. Представления личности рассматриваются через обращение к категории «образ» — одной из ключевых категорий общепсихологической теории отражения (Б. Ф. Ломов).

Представление обозначает собой как результат восприятия личностью объектов окружающего мира, приводящий к пониманию их свойств и формированию отношения к ним.

Структура отражаемого личностью образа социального пространства, состоит из образов объектов и предметов с которыми взаимодействует человек. А. Н. Леонтьев дополнил это предположение, указав на значения, не присущие образу предмета, но выступающих

его свойствами в сознании человека. Эти свойства, «выражают объективность, раскрытую совокупной общественной практикой, идеализированной в системе значений, которые каждый отдельный индивид находит как «вне-его-существующее»¹.

С. Д. Смирнов подчеркивает амодальность данного типа свойств предметного восприятия, указывая, что они не могут быть выявлены на основе восприятия и не доступны субъекту путем самостоятельного изучения или деятельности².

Данные свойства представлены понятиями языка, символами, предметами культуры и представляются субъекту в готовом виде. Объясняя отношения между свойствами значений предметного мира и реального, А. Н. Леонтьев использовал понятие «пятого измерения» пространства, существующего наряду с измерениями реальности, но имеющего особую природу — значение. Значения, описывающие характеристики предметного мира имеют категориально-критериальную организацию, которая упорядочивает осознание окружающего пространства, дополняет ее и влияет на восприятие отдельных предметов и явлений.

В. В. Столиным показано, что образ мира имеет устойчивую и целостную когнитивную организацию, структурированную семантическими категориями³. Он отмечает что образ строится личностью на основе выделения значимого для нее опыта (признаков, впечатлений, чувств, представлений, норм и пр.), используемых в деятельности⁴.

Изучая субъективное восприятие личностью окружающего мира А. А. Бодалев описывает три характеристики — объем, степень связи пространства с прошлым, настоящим и будущим личности, наполненность образа пространства субъективным опытом личности⁵.

В конце 80-х годов XX века получил развитие психосемантический подход к исследованию представлений личности о мире⁶.

---

¹ Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 261.

² Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского ун-та. Сер. 14: Психология. 1981. № 2. С. 15–29.

³ Столин В. В., Наминач А. П. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 34–46.

⁴ Серкин В. П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2017. 317 с.

⁵ Бодалев А. А. Общее и особенное в субъективном пространстве мира и факторы, которые их определяют // Мир психологии, 1999. № 4. С. 26–29.

⁶ Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988. 207 с.

Психосемантический подход рассматривает представление о пространстве в его семантической (знаковой, образной и символической) форме. Психосемантические исследования анализируют содержание компонент образа-представления, изучают способы их структурирования и механизмы формирования.

Архитектура представления образована тремя видами значений — типичными, специфичными и уникальными, скрепленными сложными, многоуровневыми связями между ними. Источниками значений выступают знания, представления и установки личности, жизненный опыт. Способом их интеграции выступает идеализированный концепт, определяемый посредством понятий. Идея психосемантического исследования заключается в определении конкретного явления (представления о пространстве) посредством операции категоризации определенным набором значений. Совокупность значений и ассоциативных связей между ними интерпретируется как семантическая модель данного явления.

Важно отметить, что с позиции субъектно-деятельностной теории, представление личности о пространстве является целостным. В частности, Д. А. Леонтьев отмечает: «...человек оказывается единственным из живых существ, которому мир дан как единое связанное целое, простирающееся в пространстве и времени за пределы наличной ситуации и при этом подлежащее или предстоящее субъекту, а не просто его окружающее»¹.

Тезис о целостности представления не получил достаточного эмпирического подтверждения и имеет достаточно эмпирических свидетельств в пользу его дискретности. Составляющие социального пространства могут быть выражены в дифференцированных, несоотносимых друг с другом понятиях, частных представлениях, схемах, моделях и пр. В нашем понимании, целостность-дискретность пространства определяется, в первую очередь, направленностью личности. Наиболее актуальные для субъекта области взаимоотношений будут представлены детально, другие же, оказавшись вне «фокуса» внимания — образно.

Как соотносятся понятия «образ мира» и представление о социальном пространстве в контексте субъектно-деятельностной теории? Понятие образа мира является родовым для представления о социальном пространстве по критерию объема. Также, по критерию содержания

---

¹ Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999. С. 113.

понятий они являются смежными (в части рассмотрения явлений социальное взаимодействие, межличностные отношения, понятия и смыслы деятельности).

К примеру, концепция жизненного пространства личности, разработанная Н. А. Кондратовой¹, представляет его частью образа мира, включающего в себя наиболее значимые для личности составляющие мира реального.

С точки зрения содержания, в восприятии личности жизненное пространство определяется категорией «свое — чужое», на основе которой выделяется центр пространства (ядро) и его периферия. Семантические характеристики объектов, включенных в него описывают в значениях «свое», «близкое», «любимое», «знакомое».

Периферия образа жизненного пространства образована объектами, незначимыми для личности. Изучая данные категории восприятия пространства эмпирически, Н. А. Кондратова, отмечает, что центр пространства описывается типичен для большинства опрошенных семантическими образованиями, тогда как семантика описания периферии значительно варьируется.

Можно полагать, что с позиции морфологии, представление о социальном пространстве является частью образа мира, выстраиваемого личностью в процессе взаимодействия. Представление о социальном пространстве, как и образ мира, является целостным по своей форме, но структурно включает характеристики, не познаваемые личностью в деятельности, а формируемые в процессе взаимодействия с миром — значения. Значения и категории (как основания их группирования) рассматриваются как часть образа мира, используемые при построении представления о пространстве. Соответственно, выделяются образная (невербальная), вербальная и семантическая компоненты представления о социальном пространстве.

Функционально, представление о социальном пространстве включено в систему психологических процессов деятельности в двух видах. Как часть процесса регуляции деятельности, представление ориентирует при организации деятельности и корректирует действия в процессе ее выполнения. В ходе детерминации деятельности, представление выполняет функции антиципации событий и побуждает деятельность. Как часть интегральной системы значений личности,

---

¹ Кондратова Н. А. Психологическая структура жизненного пространства личности // Вестник НовГУ. Серия «Педагогика. Психология». 2008. № 48. С. 70–72.

представление выполняет познавательную функцию, влияя на восприятие других людей, ситуацию и пр.

На рубеже XXI века получил развитие психолингвистический подход к исследованию социального пространства. Его теоретическими основаниями выступили положения когнитивной лингвистики, социолингвистики и психолингвистики, изучающие применение языка личностью при описании социального взаимодействия.

Предпосылки возникновения данного подхода в социальной психологии рассматривались в качестве перспективы развития семантического подхода. В частности, размышляя о развитии методологии семантического исследования, К. А. Абульханова, считает необходимым изучать сочетания различных понятий в контексте семантической репрезентации пространства личностью¹. Таким образом, в представлении личности о социальном пространстве понятийная и семантическая компоненты определялись как эквивалентные друг другу. Схожую позицию разделяет Е. Л. Доценко. В его понимании, образ мира есть *«результат моделирования (кодирования, обозначения) мира на языке субъективных переживаний человека (выделение субъективного смысла, истолкование, извлечение значения для меня) результат субъективного истолкования сенсорных данных, преобразования их в перцептивные образы, обобщения их в категории и формирования смысловых сгустков»*².

Концептуализация вербального отражения действительности личностью обоснована Д. А. Медведевым. Разрабатываемая им теория вербального образа мира описывает его как систему вербальных субъективных значений, опосредующих структуру жизненного опыта субъекта³. Психическое отражение в виде сенсорного образа оценивается им как невербальная форма отражения.

Вербальное отражение репрезентировано в виде слова, понятия или категории и отличается уровнями формирования и используемыми для этого психическими механизмами. Опираясь на положения концепции вербального отражения можно полагать, что представление

---

¹ Абульханова К. А. Социальные представления личности // Современная психология. Состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: ИП РАН, 2002. С. 88–103.

² Доценко Е. Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998. С. 20.

³ Медведев Д. А. Психологическая концепция вербального отражения действительности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 7(17). С. 102–113.

о пространстве включает в себя три уровня: 1) процессов, приводящих к появлению значений, связанных с восприятием объектов окружающего мира; 2) состояний — обуславливающий появление образов-представлений, возникающих с участием памяти; 3) свойств — возникновение значений ценностных и смысловых образов. По мнению Д. А. Медведева, лишь уровень свойств обеспечивается функционированием абстрактного мышления. Сконструированные на этом уровне значения пространства отличаются стабильностью и продолжительностью функционирования.

Структура представления о пространстве в субъектно-деятельностном подходе описана несколькими теоретическими моделями:

а) «ядерных — поверхностных структур», где ядерная структура «образ мира» определяет поверхностные структуры, порождаемые восприятием мира — «картины мира» (А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов и др.);

б) трехуровневой структуры (объединяющей перцептивный, семантический слои, а также слой амодальных структур) (Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин и др.);

в) координатно-категориальной, структурирующей значения группами категорий (Е. Л. Доценко, Ю. А. Аксенова и др.)¹

г) вербальной, отражающей понятия и суждения об объектах социального взаимодействия (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, Д. А. Медведев).

Представление как ментальная репрезентация. Специфика социально-когнитивного подхода заключается в фокусировке на процессах порождения, обмена и рецепции информации человеком во взаимодействии с окружающими. В основании социально-когнитивных концепций лежат гипотезы когнитивной психологии о процессах восприятия и переработки информации человеком. В когнитивной теории (Ф. Бартлед, Дж. Брунер, Х. Маркус) представление рассматривается в виде ментальной репрезентации — схемы, структуры или понятия. Схема и модель применяются не только в размышлениях личности о себе и окружающих, но используются в практической деятельности. Посредством схем и понятий личность упорядочивает и отношений с другими людьми, регулирует взаимодействие с ними. В когнитивной психологии термином «схема» обозначается структура организации социальной информации в сознании субъекта.

---

¹ Аксенова Ю. А. Символы мироустройства в сознании детей: дисс... канд. психол. н. М., 1997. 212 с.

Понятие «схемы» вводится Ф. Бартлеттом в 30-х годах XX века в ходе исследований процессов мышления¹. Схема определяется им как способ организации представлений личности об окружающих, необходимых для взаимодействия с ними. Таким образом, схема не является каким-то видом знания, а выступает лишь способом его организации. Ж. Пиаже также применяет понятие схемы для описания процесса развития мышления. Схема в его представлении — это организация познавательных действий и мыслительных операций ребенка, необходимых и достаточных для решения когнитивных задач.

Преобразование схемы мышления, в его терминологии подразумевает аккомодацию — перестраивание способов действий или мыслительных операций для достижения результата. Изменение схемы мышления свидетельствует о переходе ребенка от одного уровня развития мышления к другому.

Описывая генез представления человека о мире, К. А. Абульханова подчеркивает влияние когнитивных структур на отражение информации о мире. Выявляя типичные искажения в представлении личности о мире, она объясняет их индивидуальным способом репрезентации личностью информации².

Выполненное D. Rumelhart обобщение свойств схемы, как ментальной репрезентации личностью событий приводит к нескольким выводам.

Представления имеют внутреннюю структуру и могут группироваться друг с другом, организуют знания личности на разных уровнях абстракции и представляют наименования понятия чаще чем их определения. При этом, представления непостоянны и активно преобразуются в процессе познания. Наконец, представления могут выполнять роль инструментов познания, но их качество проверяется непосредственно в процессе распознавания данных³.

Составляющими схемы являются переменные, принимающие определенные значения в зависимости от поступающей информации.

---

¹ Carbon C.-C., & Albrecht S. Bartlett's schema theory: The unreplicated "portrait d'homme" series from 1932. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology A: Human Experimental Psychology*, 65, 2012. 2258–2270.

² Абульханова К. А. Современная психология: состояние и перспективы исследований Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Институт психологии РАН, 2002. С. 88–103.

³ Rumelhart D. E. Schemata and the cognitive system // *Handbook of social cognition*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1984. Pp. 161–188.

Схемы взаимосвязаны между собой и образуют иерархию, в которой нижележащие схемы являются наиболее простыми по структуре, нацеленными на восприятие конкретной информации, а вышележащие — более сложные, нацеленные на восприятие обобщенной информации. Основная функция схем заключается в первичной организации воспринимаемой информации. Схемы формируются при взаимодействии субъекта с окружающим миром, обеспечивая упорядочивание опыта социального взаимодействия, ускоряя обработку социальной информации, повышая качество решений и в целом влияя на эффективность деятельности личности.

Схематизация может быть представлена частью механизма познания социального взаимодействия личностью. Функция схематизации заключается в определении и упорядочивании взаимодействий с социальным окружением. Можно полагать, что механизм схематизации включает в себя процессы сигнификации (*присвоения значения*), категоризации (*операций со значениями*) и идентификации (*признания своей позиции в структуре взаимодействия*). Данные процессы позволяют человеку определить значение взаимодействия, объединять эти значения с категориями, составляющими содержание представления о социальном мире, оперировать ими, и наконец, обозначить свое участие в этой структуре взаимодействия.

Альтернативный взгляд на когнитивные схемы предполагает, что схема является способом обработки информации в памяти и отражает стратегии, которыми личность пользуется для вспоминания, сохранения, запоминания опыта¹. Другими словами, схематизация относится к ряду мнестических а не перцептивных процессов. Схематизация прошлого опыта описывается через применение принципа иерархии, по аналогии перцептивной моделью. В основании схемы располагаются знания предметного типа, а с повышением уровня схемы — обобщающие данные знания категории. На вершине схемы (домене) находятся понятия или знания абстрактного типа. Исследователи предполагают, что в содержании схем располагаются знания о действиях, стратегиях принятия решений и достижения цели. Роль мнестической схемы отличается от перцептивной, поскольку схемы не только упорядочивают знание но и в определенной степени репрезентируют представляют его.

---

¹ Cantor N. From thought to behavior: "Having" and "Doing" in the study of personality and cognition // American Psychologist. 1990. № 45. Pp. 735–737.

Как отмечает В. Н. Воронин, при наблюдении реального события личность конструирует его ментальную репрезентацию, в то время как полное понимание обеспечивается за счет обращения к содержащимся в памяти элементам информации о событии. Соответственно, для обсуждения данного события с кем либо, необходимо построение другой ментальной репрезентации¹. Репрезентация самого события и репрезентация рассказа о нем не будут совпадать.

Во втором случае получается представление уже вербализованной версии говорящего о случившемся. Общим для обоих когнитивных процессов выступает то, что наблюдатель и слушающий историю конструируют в памяти некоторое представление на основе визуальных или языковых данных.

Как писал С. Московичи, формирование представления о социальном пространстве осуществляется двумя типами когнитивных систем: одна из которых работает с точки зрения ассоциаций, дискриминации, то есть когнитивной системы операций, а другая контролирует, проверяет и выбирает в соответствии с различными логическими и другими правилами; она включает в себя своего рода метасистему, которая перерабатывает материал, произведенный первой².

Изучая особенности представлений, Н. Р. Markus пришел к выводу что представление личности о себе также является схемой. Согласно ее аргументации «образ Я» — является когнитивной схемой, формируемой тем же способом, что и любые другие понятия о социальном мире³. Схема «Я» упорядочивает информацию связанную с личностью, способствуя вычленению этой информации из всей массы социальной информации, а также определенным образом воспроизводить представление о себе в ситуациях социальной самопрезентации.

Эмпирические доказательства схематизации знаний о себе были получены в исследовании имплицитного и схематизированного знания о себе методом фМРТ⁴. Значение схематизации в структуре

---

¹ Воронин В. Н. Ицкович М. М. Понимание и ценности (норма и патология). Монография. Екатеринбург: Ажур, 2018. С. 117.

² Moscovici S. Notes towards a description of Social Representations. *European Journal of Social Psychology*, 1988. № 18. Pp. 211–250.

³ Markus H. R. Self-schemata and processing information about self // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1977. № 35. Pp. 63–78.

⁴ Lieberman M. D., Jarcho J. M., Satpute A. B. Evidence-Based and Intuition-Based Self-Knowledge: An fMRI Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. № 87(4). Pp.421–435.

представления о социальном пространстве раскрывается несколькими функциями: а) обобщение знаний, полученных из прошлого опыта в виде репрезентации знания; б) организация обработки информации о социальных ситуациях.

Представление как форма отражения социального знания. В зарубежной социальной психологии представление личности рассматривается в виде части социального представления, соответственно его структура описывается в контексте социально-информационного подхода (С. Московичи). Согласно ему, содержание представления составляют понятия, передающие оценки, установки и отношения общества к определенному явлению.

При этом ощущения, знания и представления личности являются очень субъективными, нередко не соответствующими аналогичным представлениям окружающих. Стремясь снизить подобные противоречия, люди как правило взаимодействуют друг с другом, обсуждая, соотнося и соподчиняя собственное мнение с мнением окружающих. При этом, задумываясь о том, как согласовать или упорядочить, люди нередко упрощают свои представления, стараясь свести до простых, легко удерживаемых в сознании и воспроизводимых в языке конструкций. По-видимому, операции конструирования представлений являются рутинными действиями, сопровождающими любое социальное взаимодействие. В некоторых случаях они приобретают форму коммуникативных практик — совещания, конференции, брифинга. Результатом совместного обсуждения являются объяснения ситуации и модели ее решения.

Формирование представлений личности в социальных условиях происходит на разных этапах развития личности — от детского сада и школьного класса до профессиональных групп личность находится в информационном пространстве, основная роль которого — объяснение событий, происходящих в окружающем человека мире. Кроме того, социальное пространство предоставляет личности информацию о ценностях, которым она может следовать, категориях, которыми может оценивать окружающий ее мир.

Стремясь развить и усовершенствовать собственные представления, личность руководствуется теми знаниями, убеждениями и ценностями, которые может воспринять во взаимодействии со своим социальным окружением. Поскольку оно нередко носит взаимный характер, можно говорить об обобщённых, совместно вырабатываемых знаниях, убеждениях и представлениях. Они могут быть локализованы пределами

одной социальной группы — например, друзей, учебного коллектива или участниками одного форума. В тоже время, данные убеждения могут совпадать у членов нескольких групп, людей, проживающих в определенной местности, жителей города или района. Наконец, представления могут распространяться вместе с политическими, культурными, религиозными знаниями, ценностями или убеждениями.

Содержание социальных представлений связано с объектами социального пространства в концепции С. Московичи не случайно. Предполагается, что мнение образуется на основе решений личности в конкретных социальных ситуациях, применения ею знаний и накопления опыта в определенных условиях. Поэтому, мнение — наиболее динамичная характеристика представления, поскольку в значительной степени она определяется внутренним, субъективным переживанием социального взаимодействия.

Знание — более устойчивая составляющая представлений о социальном объекте, чем мнение. Знание подтверждается личностным опытом поведения в нескольких ситуациях, показывающим тождество данного представления. Также, знание может базироваться на совместном решении нескольких человек, например — совпадении либо согласованности их мнений относительно конкретного события. Таким образом, коммуникация выступает способом производства знания о социальных объектах и событиях.

Убеждение — представляет собой мнение личности, подкрепленное субъективной установкой на его воспроизводство. Убеждение не всегда имеет рациональное обоснование опытом или знаниями личности. Во многом, убеждение вытекает из личной позиции — т. е. мотивации придерживаться определенной точки зрения, опираться или следовать определенной точке зрения.

Как писал С. Московичи, представления транслируются в межличностной коммуникации посредством когнитивных единиц — понятий, убеждений и объяснений¹. Данная социальная информация ложится в основу представлений о социальной роли и функциях, обобщается в виде представления о собеседнике, и, в целом, составляет часть представления о социальном мире.

Немаловажным аспектом формирования представлений выступает способность личности к социальному познанию. Поскольку представления

---

¹ Moscovici S. On Social Representations // Social Cognition: perspectives on everyday understanding. New York, Academic Press. 1981. Pp. 181–210.

выстраиваются на основе общественно закрепленных правил (норм), социальных ролей и функций, формирование представления невозможно без их осознания личностью. Генетически, процесс развития представления о социальном пространстве определяется конвергенцией когнитивных и социальных аспектов развития личности. В процессе развития ребенок приобретает способность анализировать социальное взаимодействие — совершенствуя процессы переработки социальной информации уточняет собственные знания о социальном мире.

Функционально, представление о социальном пространстве базируется на опыте коммуникации, сопряженном с познанием правил социального взаимодействия. Коммуникативная природа представления о социальном пространстве выражается зависимостью содержания представления о взаимодействии от социальной информации.

Понятия, используемые для характеристики социального пространства, представляют собой отраженное и обобщенное на основе определенных критериев, описание социального явления или объекта (предмета, вещи). Понятия о социальном пространстве являются по существу житейскими, не имеющими научного обоснования. Образование понятий подчинено задачам взаимодействия — поэтому, логичность и строгость их применения может уступать их функциональности.

Понятия возникают и используются в межличностном взаимодействии (как элемент координации деятельности) или предписываются социальной ролью (как элемент функционала). На этом основании, понятия о социальном пространстве можно рассматривать близкими по своей организации к классу псевдопонятий (Л. С. Выготский)¹. Псевдопонятия выступают связующим звеном между двумя различающимися формами представления о понятии — комплексным (образным) и понятийным. Тем объясняется неоднородная репрезентация пространства — понятийная по отношению к важным видам взаимодействия и образная — по отношению к наименее важным.

Суждения построены на основе логических операций по образованию понятий и соотнесению их друг с другом (например аналитическими, синтетическими, классификационными, категоризационными и пр.). Схемы описывают группировки понятий в отношениях взаимосвязи, причин и следствий и др. Схемы моделируют динамические,

---

¹ Выготский Л. С., Сахаров Л. С. Исследование образования понятий: методика двойной стимуляции // Хрестоматия по общей психологии. Выпуск III. Субъект познания. М.: Изд.-во МГУ. 1998. С. 9–11.

функциональные процессы и структурные характеристики социального взаимодействия (например: лидерства, подчинения, распределения).

Знания личности о взаимодействии с другими людьми в большей степени отражают когнитивные компоненты, а оценки, даваемые окружающим, деятельности и самому себе — эмоциональные. Поэтому, можно полагать, что основу представления составляют субъективной информации — знаний о взаимодействии и его эмоциональной оценке.

Изменение представлений о социальном пространстве обусловлено изменением способов обработки социальной информации — абстрагированием, категоризацией, идентификацией и пр. Будучи связанными с процессами памяти, представления в сознании личности теряют связь с их источниками. Дж. Ллобера, ссылаясь на мнение М. Хальвабакса, отмечает, что *«одни и те же представления кажутся нам то воспоминаниями, то понятиями или обобщенными идеями»*¹. Поэтому, при описании своих представлений человеку сложно указать на реальный источник информации о них.

Подводя итоги, определим понятие *«представление личности о социальном пространстве»*, опишем теоретическую модель и ее операционализируемые характеристики.

Научные знания о структуре представления позволяют сформулировать предположение о том, что представление о социальном пространстве основано на знаниях человека о системе взаимодействия, его участниках и структуре, занимаемых позициях, функциях и ролях.

Представление интегрирует знания личности о социальном пространстве, полученные разными способами его кодирования (перцептивное, аффективное, понятийное-семантическое), обобщает это знания в категориальные структуры (модели, схемы, сценарии), делая его доступным для организации и регуляции взаимодействия. Функциональное значение представления о социальном пространстве в том, что оно участвует в принятии решений и осуществлении деятельности, определяет отношения человека с окружающими его людьми.

Конкретизируя значение *«представления личности о социальном пространстве»* определим его как совокупность образов и понятий, репрезентирующих человеку присущую ему систему взаимодействия с социальным окружением.

---

¹ Llobera J. Halbwechs, Nora and "history" versus "collective memory": A research note // Durkheimian Studies. 1995. URL: www.jstor.org/stable/44708512 (дата обращения: 01.12.2020).

Содержание представления отражает интерактивные и рефлексивные характеристики взаимодействия личности с социальным окружением.

Интерактивные характеристики описывают функции, роли и позиции в структурах взаимодействия, предписанных человеку и инициированных им самим. Показателями могут выступать параметры объема взаимодействия, существующие барьеры взаимодействия, статус субъекта в социальном пространстве, типичные стратегии координации взаимодействия, характеристики взаимодействующих субъектов и пр.

Рефлексивные характеристики раскрывают отношение окружающих людей к человеку, степень их соучастия в деятельности, оказываемой поддержки и помощи. Показателями могут выступать воспринимаемая человеком поддержки окружающих, самооценка действий во взаимодействии с окружающими, а также способность организовывать взаимодействие с окружающими, вмешиваться и влиять на его процесс и результаты.

Изучение представления о социальном пространстве личности — в частности, его архитектуре, рецептируемых свойствах социального взаимодействия может расширить знания о детерминации и регуляции социального поведения. Несмотря на существенные научные усилия, вопрос об организации, структуре и содержании репрезентации личностью социального пространства не решен окончательно. Любое из направлений предлагает собственную интерпретацию представления о пространстве, подкрепленное соответствующей методологией и исследовательским инструментарием.

Поэтому целесообразно обратиться к методологическим подходам применяемым для изучения представления личности о социальном пространстве.

2.3. Методологические подходы к исследованию представления личности о социальном пространстве

Методология исследований представлений о социальном пространстве исторически развивалась в контексте общепсихологических исследований и ее современное состояние соответствует уровню психологической методологии. В результате, к настоящему времени сформировалось несколько подходов к изучению представления, базирующихся на различных теоретических и психометрических подходах.

Целью данного параграфа выступает обобщение научно-психологических подходов к измерению представления о социальном пространстве, способов и процедур сбора данных. Рассмотрение

проводится в контексте понимания методологии как «знания о процессе психологического исследования, о том как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание»¹.

Проведенный в таком аспекте анализ фокусируется на психометрических характеристиках методов, применяемых для получения сведений о субъективном представлении. Будучи ограниченным ими, он игнорирует предпосылки концептуализации, задаваемые теоретической интерпретацией понятий «представления» и «социальное пространство» и рецептирует психометрическую организацию методов, раскрывая методологические принципы, программу измерения представления о социальном пространстве и методы.

1. Методологическими принципами, определяющими организацию исследования выступает объясняющая и понимающая ориентации психологического познания (Л. Я. Дорфман, Г. В. Залевский, А. В. Юревич).

Объясняющая ориентация тяготеет к атомистическому образу социального пространства, реализуемому в виде совокупности элементов, обладающих структурной, системной организацией. Примером этого может выступать репрезентация образа мира в деятельностном подходе, моделируемая в виде структуры (ядра и периферии), комплекса уровней, слоев, организованных иерархически, на основании принципов группировки (структуры).

Объясняющая ориентация в исследовании представления о социальном пространстве характеризуется:

1) ведущей ролью познания факторов, репрезентирующих социальное пространство субъекту (например, межличностного взаимодействия, социальной функции, роли);

2) определении процессов познания, форм и способов репрезентации в сознании социальных явлений;

3) констатации организованной структуры представления, имеющих сегменты (уровни, слои), устойчивые связи между ними.

Понимающая ориентация основывается на холистическом образе социального пространства — целостном, сконцентрированном до принципиальной неразделимости.

С точки зрения понимающего подхода, представление предельно обобщено, что не дает возможности сравнивать его у разных людей,

---

¹ Роговин М. С., Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск: ТГУ. 1988. 288 с.

однако позволяет понять его особенности. Классическим, с точки зрения В. Дильтея способом изучения выступает переживание.

Понимание социального пространства другого человека возможно через восприятие суждений, убеждений и переживаний в целостном виде, соединении с опытом и чувствами исследователя и, наконец вычленении сущности¹.

Представление о пространстве конструируется применением субъективных шкал (Е. Ю. Артемьева, Ч. Осгуд), приписыванием значений (Х. Гадамер) анализом умозрительных причин взаимодействия социальных агентов (А. Шюц). Базовым предположением понимающего подхода лежит убеждение о том, что социальное пространство конструируется личностью.

Конструирование представления о социальном пространстве осуществляется на основе возникающих, развивающихся и поддерживаемых взаимоотношений между личностью и индивидами из социального окружения. Детерминантой пространства выступает личность, а ее интрапсихические свойства (потребностно-мотивационная сфера, ценностные ориентации, предпочтения и убеждения) — характеризуют специфику социального пространства.

2. Исследовательская программа подразумевает под собой совокупность утверждений и предположений (гипотез), применяемых в разных направлениях исследования представления о социальном пространстве². Характеризуя их содержание, следует отметить что оно отражает влияние междисциплинарных подходов. Исследовательские программы отражают разные акценты и связи социальной психологии с другими отраслями психологической науки, а также науками, участвующими в междисциплинарных исследованиях — нейрофизиологией и социологией. Выделяются два направления программ, применяемых для исследования представления о социальном пространстве — биопсихологическое и социально-психологическое.

1. Биопсихическое направление, изучающее роль морфологических и функциональных основ психики в репрезентации социального пространства субъектом.

Идеи направления нацелены на выявление нейрофизиологических процессов познания реальности, кодирования и обработки

---

¹ Цит. по Залевский Г. В. Объяснение и понимание как методы наук о психике // Вестник ТГУ. 2005. № 286. С. 3–14.

² Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 147.

информации мозгом, структуры ее репрезентации в сознании. В основе программ лежат предположения о нейрофизиологических аспектах восприятия социального мира — концепция кодирования символической и образной информации (А. Павио¹), исследований роли гиппокампа в построении образа социальных отношений (А. С. Шапиро², С. Паркинсон, А. М. Клейнбаум, Т. Уитли³, С. Н. Томпсон⁴).

Наряду с нейрофизиологическими исследованиями, проводятся зоопсихологические (эволюционные) исследования механизмов ориентации в социальном пространстве у высших животных и человека. В их трактовке представление о социальном пространстве — эволюционно сформированная функция сознания, необходимая для выживания. С этих позиций изучаются особенности восприятия социального статуса (А. Крендл с соавт.)⁵, распознавания социальных рангов (Д. Чiao)⁶, организации управления группами (Д. Н. Турнер, А. Марьянский, М. Ван Вугт⁷).

Для изучения когнитивных репрезентаций социального пространства используются экспериментальные методы и процедуры. Они применяются для исследования социальных значений объектов, воспринимаемых и представляемых человеком в лабораторных условиях (методология исследования вербальных, визуальных и инактивных компонент представления описана С. Айлвин⁸). Предметом исследования

---

¹ Paivio A. Imagery and verbal processes. New York: Holt, Rhinehart, & Winston. 1971.

² Schapiro A. C., Turk-Browne N. B., Norman K. A., Botvinick M. M. Statistical learning of temporal community structure in the hippocampus // *Hippocampus*. 2016. № 26. Pp. 3–8.

³ Parkinson C., Kleinbaum A. M., & Wheatley T. Spontaneous neural encoding of social network position. *Nature Human Behaviour*. 2017. № 1(5). doi: 10.1038/s41562-017-0072.

⁴ Tompson S. H., Kahn A. E., Falk E. B., Vettel J. M., Bassett D. S. Functional brain network architecture supporting the learning of social networks in humans // *NeuroImage* 2020. № 210. Pp. 116–498. doi:10.1016/j.neuroimage.2019.116498.

⁵ Muscatell K. A., Morelli S. A., Falk E. B., et al. Social status modulates neural activity in the mentalizing network. // *NeuroImage*. 2012. № 60(3). Pp. 1771–1777.

⁶ Chiao J. Y. Neural basis of social status hierarchy across species. *Current Opinion in Neurobiology*. 2010. № 20. Pp. 803–809

⁷ Van Vugt M. Evolutionary Origins of Leadership and Followership. *Personality and Social Psychology Review*. 2006. № 10(4). Pp. 354–371.

⁸ Aylwin S. Cognitive structure in thought and personality // *Cognitive and neuropsychological approaches to mental imagery*. Dor-drecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff, 1988. Pp. 317–325.

выступает «представление», определяемое как разновидность отражения в сознании субъекта определенных свойств реальности и нейрофизиологические механизмы восприятия и понимания социальной информации субъектом. Для изучения представления о социальном пространстве применяются знания и методы нейропсихологии.

Критика биопсихической исследовательской программы показывает, что наиболее уязвимым местом исследований выступает содержательная валидность. Причинами такой оценки следует считать преобладание лабораторных исследований над полевыми, исключая проверку результатов исследований в неконтролируемых исследователем условиях социального взаимодействия; акцентирование роли нейрофизиологических механизмов и игнорирование культурных и индивидуально-специфичных особенностей, влияющих на стиль познавательной деятельности. Поэтому полученные результаты и выводы в настоящее время уточняют и развивают знание об организации когнитивных механизмов у высших животных и человека, проясняют эволюционные процессы кооперации, лидерства и совместной деятельности.

2. Социально-психологическое направление, считающее представление о социальном пространстве следствием социализирующего воздействия общества на личность.

Его представителями предполагается, что представление конструируется социальным окружением (П. Бергер, Т. Лукман), формируется во взаимодействии субъекта с различными социальными группами (С. Московичи), строится на основе понятий и категорий общественного знания (Г. М. Андреева, Дж. Герген), обусловлено социальным статусом субъекта, его позицией в обществе (Э. Дюркгейм, Р. Мертон).

Рассматриваемые в данном направлении идеи образуют широкую предметную область. В нее входят исследования механизмов формирования представления (социогенетические, социально-структурные и социально-функциональные) а также само содержание представления, порождаемое индивидуально-специфическими характеристиками субъекта (потребностями, установками, чертами личности).

Содержание представления о социальном пространстве исследуется на основе социальных категорий, используемых субъектом для описания себя, окружающих людей и общества в целом (Г. Тедшфел, Дж. Тернер), отражении в сознании субъекта социальных структур, групп и людей (Дж. Мид), восприятии социальных значений и функций окружающей среды (Р. Парк).

Интеракционистский подход подчеркивает зависимость субъективного представления человека от социальных структур. Его представители доказывают, что формирование представления определяется социальной организацией общества (разделением труда, собственности, власти), социальными конфликтами (различием статусов и ролей, противоречиями групп общества) и другими факторами.

Следует уточнить что неоднородность предмета социально-психологических исследовательских программ обусловлена идейным влиянием социологии. Оно отразилось на подходах к исследованию механизмов образования представлений и исследовании содержания.

Рассмотрим основные подходы к операционализации модели представления личности о социальном пространстве:

а) «*представление*» — система знаний, ценностей, установок и убеждений субъекта о себе, социальных группах и обществе. Научные взгляды на представление имеют несколько подходов и трактовок, обусловленных многообразием теоретических идей, заключенных в их основе. В таблице описаны подходы к раскрытию сущности представления в виде особых знаний о социальном мире, ментальной модели мира, системы ценностей и убеждений, регулирующих отношения человека с миром.

*Таблица 1 — Понятие о представлении
в системе научно-психологических категорий*

<i>Категория</i>	<i>Представитель</i>	<i>Характеристика</i>
Представление — знание	Дж. Герген	Знание составляет основу представлений индивида о себе и обществе, определяет правила понимания социальных событий и их расшифровку
Представление — ментальная модель	P. N. Johnson-Laird ¹	Когнитивный конструкт (система категорий и понятий) относимых к социальному окружению и определяющих взаимодействие с ним
Представление — установка	A. Bergamaschi ² , 2011	Установка определяет позитивную (либо негативную) ориентацию по отношению

¹ Johnson-Laird, P. N., Girotto V., Legrenzi P. Mental models: a gentle guide for outsiders // Sistemi Intelligenti. 1998. № 9 (68). P. 33.

² Bergamaschi A. Attitudes et représentations sociales // Revue Européenne des Sciences Sociales. 2011. № 49(2). Pp. 93–122.

<i>Категория</i>	<i>Представитель</i>	<i>Характеристика</i>
		к объектам социального мира, содержит когнитивную, аффективную и коннотативную стороны. Регулирует социальное поведение
Представление — система ценностей и убеждений	S. Lahlou, J.-C. Abric, 2011 ¹	Субъективно значимые аспекты социального взаимодействия, представленные в виде набора понятий о ценностях

б) *содержание* представления образуют различные виды знания, получаемые субъектом во взаимодействии с обществом. Выделяется социокультурное знание, отражающее организацию общества, нормы и законы взаимодействия в обществе (П. Бергер, Т. Лукман); повседневное социальное знание, вырабатываемое коммуникацией и взаимодействием с социальным окружением (С. Московичи).

в) *механизмы* формирования представления разнородны, поскольку корреспондируют к разным уровням социальной организации общества. К механизмам исследователи относят:

— развитие субъекта под влиянием социально-культурных институтов общества (Дж. Мид);

— процесс внутри- и межгруппового группового взаимодействия (M. Brewer, S. Rachel);

— процесс объективации и якорения информации, полученной в ходе социального взаимодействия (J. C. Abrick²);

— процесс самоопределения (самокатегоризации) в системе социальных отношений (M. Hogg³);

— влияние социальной перцепции в межличностном взаимодействии (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, S. Asch⁴);

¹ Lahlou S. Abric J.-C. What are the “elements” of a representation? // Papers on social representations, 2011. № 20. Pp. 20.1–20.10.

² Abric J. C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representation. // Papers on Social Representations, 1993. № 2. Pp. 75–78.

³ Hogg M., Terry D. Social Identity and Self-Categorization Processes in Organizational Contexts // The Academy of Management Review. 2000. № 25. Pp. 121–140.

⁴ Asch S. E. Forming impressions of personality. Journal of Abnormal and Social Psychology. 1946. № 41. Pp. 258–290.

— потребность человека в социальной самореализации (А. В. Kruglanski¹).

Анализируя мнения исследователей о механизмах формирования представления о социальном пространстве, можно отметить, что в их основании лежит идея об информационном обмене между человеком и группой, человеком и обществом.

Получаемая субъектом информация содержит значения и смыслы, становящиеся предметом познания, а затем и частью представления. Считая этот процесс динамическим и неустойчивым, исследователи пытаются выяснить условия, от которых зависят изменения представлений. К примеру, К. Дью и Д. Мартин подразумевают под ними социальные категории и систему актуальных социальных связей².

Под социальными категориями исследователи понимают систему значений, применяемых личностью для познания и репрезентации социального взаимодействия. Социальные связи определяются ими как система повседневных взаимоотношений человека с социальным окружением.

Авторы заключают, что для трансформации представлений личности необходимо сочетающееся влияние данных факторов: категории и окружение взаимозависимы друг от друга.

Для изучения представления о социальном пространстве представители социально-психологического направления применяют экспериментальные и эмпирические стратегии³. Поскольку эти исследования проводятся значительное время, к настоящему времени оформились критические оценки существующих представлений. Предметом критики выступает операционализация представления, категории и концепты составляющие диагностический конструкт, ограничения, вызванные лабораторной процедурой исследования.

Операционализация представления о социальном пространстве в экспериментальных и эмпирических исследованиях подвергается наибольшей критике. Среди весомых проблем операционализации обсуждаются:

---

¹ Kruglanski A. W. Social cognition, social representations and the dilemmas of social theory construction // *Representations of the Social*. Oxford: Blackwell, 2001. Pp. 242–248.

² Deaux K., Martin D. Interpersonal Networks and Social Categories: Specifying Levels of Context in Identity Processes. // *Social Psychology Quarterly*. 2003. № 66. Pp.101–117.

³ Breakwell G. M., Canter D. V. Empirical Approach to Social Representations. Oxford: Clarendon Press, 1979.

1. Неопределенность понятия «*социальное пространство*» в обычном сознании, приводящая к неясному пониманию заданий, связанных с его описанием, оценкой или анализом (Voelklein and Howarth, 2005);

2. Недостаточная операционализация конструкта, применяемого для измерения представления. Предметом измерения выступают социальные и субъективные установки, стереотипы, стили мышления и пр. Отсутствие различий между социальными и индивидуальными элементами в содержании представления существенно влияет на объективность, полноту и устойчивость измерения (Farr, 2003¹).

3. Низкая конструктивная валидность, обусловленная несоответствием теоретических моделей представления его реализации в методике измерения. Например, результаты метода построения воображаемых (ментальных) моделей социального окружения слабо соотносятся с результатами социометрического исследования данных взаимоотношений². Объяснение этому видится несоответствие категорий, используемых для построения модели социальной сети с принципами социометрического исследования.

Методика измерения критикуется из-за существенной зависимости результатов от интеллектуального и культурного уровня развития респондентов. Низкий уровень интеллектуального развития выражается в неспособности к конструированию представления (выполнению операций категоризации, обобщения и пр.), слабый вербальный интеллект затрудняет репрезентацию составляющих представления (отношение к окружающим, дифференциация социального окружения и др.).

Процедура критикуется из-за зависимости от эмоционального состояния обследуемого. Негативное либо неустойчивое эмоциональное состояние влечет искажение в восприятии стимульного материала методики, порождает установку на определенные тенденции в ответах³.

Обобщая проведенный нами анализ методологии, исследовательских программ и операционализации представлений в биопсихическом

---

¹ Moscovici S., Markova I. Ideas and their development: a dialogue between Serge Moscovici and Ivana Markova // G. Duveen, editor // *Social representations: explorations in social psychology*. 2000. Pp. 224–286.

² Kitchin R. M. (). Cognitive maps: what are they and why study them?" // *Journal of Environmental Psychology*. 1994. № 14 (1). Pp. 1–19.

³ Злоказов К. В. Психодиагностика: учебник / К. В. Злоказов; МВД России, Санкт-Петербургский университет. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России: Р-Копи, 2018. 359 с.

и социально-психологическом направлениях, можно констатировать, что применяемый в них инструментарий позволяет изучать основания формирования представлений.

2.4. Общепсихологические и социально-психологические методы исследования представлений личности о социальном пространстве

Приступая к описанию методов, применяемых для измерения представлений о социальном пространстве (представлены в прил. 1), отметим, что наибольшее распространение получил *эмпирический* метод, предполагающий внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования (В. Н. Дружинин¹).

Стратегией реализации эмпирического метода выступает сбор фактов о характеристиках представления, для которого используются объективные, субъективные и проективные методики (S. Rosenzweig²). Руководствуясь критерием предметной области, разделим применяемые методы на общепсихологические и специальные, охарактеризуем каждую группу более подробно.

Общепсихологические методы сбора информации о социальном пространстве представлены самоотчетами (опросниками). Существует несколько видов методик, фокусирующихся на социальном взаимодействии с окружающими. Изучение их цели, области предназначения, стимульного материала и контекста использования позволяет условно разделить на четыре группы. Условность деления обусловлена возможностью применения методик ко всем областям предназначения, полагая, к примеру, что стиль отношения может приводить к формированию определенного качества взаимоотношений с окружающими и, во многом быть обусловлен представлениями об окружающих. Другими словами, стилевые характеристики, качества и представления могут выступать измерениями (сторонами), показывая, каким образом сформировано пространство социальных взаимоотношений с окружающими.

Первая группа изучает субъективные представления о качестве межличностных отношений (А. А. Духновский, А. Б. Купрейченко). Методики данной группы рассматривают отношение личности к окружающим людям сформированное на основе оценки своего поведения и поведения окружающих. Специфика данного подхода заключается

---

¹ Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. С. 31.

² Rosenzweig S. Investigating and appraising personality // *Methods of Psychology*. New York: Wiley, 1964. Pp. 539–568.

в оценке состояния уже состоявшихся взаимоотношений, а применение методик позволяет оценивать уровень доверия и взаимопонимания.

Вторая группа описывает субъективное представление личности об отношении к ней окружающих. Составляющие ее методики оценивают уровень социальной поддержки, уровень взаимности и кооперации с окружающими. Они отражают ожидания и запросы личности относительно участия других людей, социальных групп и общества в целом, в жизни и деятельности личности.

Третья группа описывает субъективный стиль межличностных отношений (Т. Д. Дубовицкая с соавт., Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек; В. Шутц). Стиль межличностных отношений концептуализируется как присущая личности стратегия отношения к другим людям. Формирование отношений определяется чертами личности, индивидуальными установками, воспитанием и субъективным опытом.

Четвертая группа характеризует представление личности о социальных группах (Э. Богардус, А. Б. Купрейченко, Г. У. Солдатова с соавт.). Методики данной группы измеряют отношение личности к другим людям, основанное на их социально-структурных, характеристиках — расе, поле, религиозным предпочтениям или политическим убеждениям и другим характеристикам. Через призму этих опросников, социальное пространство личности представлено континуумом, один полюс которого состоит из максимально похожих по своим характеристикам на личность людей, а другой — максимально отличающихся. Результатом измерения выступает понимание организации социального пространства с точки зрения гомогенности / гетерогенности социальных характеристик его субъектов.

В отечественной психологии разработан метод, применяемый для изучения субъективных значений, приписываемых человеком объектам и явлениям окружающего мира — психосемантическое шкалирование. Психосемантическим шкалированием исследуются перцептивные, аффективные и семантические аспекты воспринимаемых личностью отношений с окружающими. Психосемантический метод традиционно используется для определения индивидуальной системы значений, опосредующих восприятие субъектом мира, других людей, самого себя (Петренко, 2010).

В трактовке Е. Ю. Артемьевой, психосемантические методы *«апеллируют к способности человека рефлексировать свое отношение к объектам, ситуациям, явлениям мира и к понятиям, существующим в естественном языке»* (Артемьева, 1999). Психосемантическое

шкалирование применяется для определения факторов, обуславливающих конструкцию представления субъекта (оснований категоризации, социального сравнения, притязаний и конфликтов (Серкин, 2016). Благодаря методологическим основаниям, психосемантический метод позволяет изучить характеристики представлений, недоступные для изучения опросными методами.

В целом, современное состояние методологии исследования представлений о социальном пространстве характеризуется широтой стратегий, наличием конкурирующих друг с другом исследовательских программ, неоднородностью теоретических идей и концептуализаций.

Можно полагать, что методологическая неоднородность в исследовании представления о социальном пространстве, порождает методические затруднения в исследовании его характеристик. Способом преодоления данной проблемы на наш взгляд выступает психометрическая ревизия исследовательского инструментария. Она позволит выявить степень согласованности измерений, выполненных посредством анализа социальной сети, конструирования ментальной модели социального пространства, оценки субъективных концептов. Психометрическая проверка способствует концептуализации представления о социальном пространстве, поддержав вариант конструкта, обладающего наилучшими эмпирическими характеристиками. По нашему мнению, существующие методы не в полной мере релевантны предмету исследования поскольку их конструкт не отражает все характеристики представления о социальном пространстве. Дело в том, что общепсихологические методики применяются для измерения установок, убеждений и ценностных ориентаций, характеризующих отношение личности к социальному окружению, используются для изучения стиля межличностного взаимодействия, оценки социальной идентичности. Вместе с тем, они не в полной мере валидны для исследования структуры социальных отношений личности, поскольку фокусируются на субъективных сторонах оценки. Несмотря на слабую конструктивную валидность, можно заключить, что общепсихологические методики обладают достаточной надежностью, полученные с их помощью сведения используются в научных и прикладных исследованиях в качестве репрезентант представления о социальном пространстве.

2.4. Специальные методы исследования представления личности о социальном пространстве. Специальные методы исследования разрабатывались для изучения *содержания* представления о социальном пространстве. В их разработке большое значение имели

социально-интерактивные и социально-когнитивные подходы. На их теоретической основе были разработаны три наиболее популярных метода анализа социального взаимодействия личности:

— анализа социальной сети (социального окружения, social network) личности,

— метода конструирования ментальной модели социального пространства (mental, cognitive map),

— метода исследования опыта взаимодействия с социальным окружением — нарративный и понятийный анализ (narrative, conceptual analysis).

Предметной областью данных методов выступает содержание взаимоотношений личности с социальным окружением. Оно исследуется путем обращения к образам, представлениям и понятиям об окружающих людях, социальных общностях, с которыми контактирует личность.

Результатом измерения выступают системы понятий и категорий, характеризующих ситуацию социального взаимодействия, описания субъективной структуры социального взаимодействия, покрывающей собой близких и дальних родственников, друзей и коллег. Получаемая посредством данных методов информация, позволяет определять ключевые параметры взаимодействия личности с социальным окружением — причины взаимодействия, условия, влияющие на регуляцию взаимоотношений. Рассмотрим методы, охарактеризовав теоретические основания, процедуру проведения и получаемые с их помощью результаты.

1. Метод анализа социальной сети (социального окружения) личности. Метод построения социальной сети личности основывается на положениях концепции сетевого социального взаимодействия (Social network theory¹). Ее базовыми положениями выступают утверждения о том, что взаимодействие является одним из эволюционно-обусловленных условий существования человеческого рода, а построение устойчивых социальных отношений — естественной задачей индивида, решаемой им в течении жизни. Люди проживают жизнь во взаимоотношениях, которые они устанавливают и поддерживают. Устойчивые социальные отношения образуют своеобразные «сети», связывающие индивида с его окружением. Полагая, что социальные сети могут формировать представления, убеждения и ценности индивида в зрелый

---

¹ Kadushin C. Understanding social networks: Theories, concepts, and findings. Oxford University Press. 2012. 264 p.

период жизни, зарубежные исследователи изучали их характеристики. В подобных работах измерялись размер, плотность, состав и продолжительность социальных взаимоотношений. Данные параметры сопоставлялись такими переменными как пол, социально-экономический статус, стадия возрастного развития¹. В результате, были апробированы методы количественного и качественного анализа социальных сетей.

Наиболее простым методом выступает количественный (частотный) анализ социального взаимодействия. В основе метода лежит процедура подсчета ситуаций долговременного общения (взаимодействия) субъекта с другими людьми. Совокупность взаимоотношений человека с социальным окружением и является предметом изучения². Метод анализа социальной сети получил существенное распространение благодаря развитию телефонной и интернет коммуникации³. Анализ телефонных звонков, интернет-сообщений, профилей в социальных сетях позволяет определить широту социального взаимодействия, его интенсивность, взаимность, влияние и иные характеристики. Современные возможности интернет сервисов позволяют личности сконструировать социальное пространство, позволяющее организовать взаимодействие с интересующими их субъектами⁴.

Качественный анализ социальных сетей нацелен на изучение видов социального взаимодействия. Ими могут быть взаимоотношения между людьми, объединенными социальными условиями — родственниками, участниками производственных, спортивных или учебных групп, жителями многоквартирного дома и пр. Поэтому, в зависимости от вида взаимодействия между участниками социальные сети различаются на семейные, дружеские, профессиональные, спортивные и иные виды социальных сетей. Предметом изучения выступают и отдельные качества взаимоотношений — например, репутация⁵,

---

¹ Van der Poel M. G. Delineating personal support networks // *Social Networks*. № 15(1). 1993. Pp. 49–70.

² Wasserman S., Faust K. *Social network analysis: methods and applications*. Cambridge University Press, New York, 1994.

³ Dasgupta K., Singh R., Viswanathan B., Chakraborty D., Mukherjea S., Nanavati A. A. and Joshi A. Social ties and their relevance to churn in mobile telecom networks // *Proceedings of the 11th international conference on Extending database technology: Advances in database technology*, New York, NY: ACM. 2008. Pp. 668–677.

⁴ Boyd D. M., Ellison N. B. Social network sites: Definition, history, and scholarship // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2008. № 13. Pp. 210–230.

⁵ Craik K. H. *Reputation: a Network Interpretation*. New York: Oxford University Press, 2009.

доверие¹, поддержка². Их исследование позволяет понять механизмы образования социальных групп и сообществ, определить особенности взаимоотношений их участников друг с другом.

Модель социальной сети. Модель социальной сети представляет из себя совокупность связей между субъектом и его социальным окружением. Простейшей графической репрезентацией такого взаимодействия является граф, в котором элементы являются вершинами, а взаимодействие обозначается соединяющими их линиями.

Граф (G) строится на основе перечня взаимодействий $V(G)$ и набора $E(G)$ вершин (людей, с которыми взаимодействует личность в определенный период времени). Модель социальной сети личности имеет вид:

$$G = (V(G), E(G)) \quad (1)$$

Конструкция социальной сети определяется количеством связей (n), и представляет собой выражение вида:

$$|V(G)| = n \quad (2)$$

Объем социальной сети вычисляется как совокупность всех вершин:

$$|E(G)| = m \quad (3)$$

В таком случае, максимальный объем социальной сети рассчитывается в зависимости от типа связи между вершинами — невзаимной:

$$m_{(\max)} = \frac{n(n-1)}{2} \quad (4)$$

либо взаимной:

$$m_{(\max)} = n(n-1) \quad (5)$$

В терминах графа, невзаимная связь означает однонаправленную связь от одной вершины к другой, взаимная — двунаправленную. К примеру, в случае общения по телефону, невзаимная связь предполагает звонки от одного абонента другому, но не наоборот. Взаимная связь означает обмен звонками между абонентами. Исходя из формул (4), (5), ясно что вид информации о взаимодействии не только определяет вид графа, но и свидетельствует о социально-психологических

---

¹ Gambetta D. Can We Trust Trust? In Gambetta, Diego (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations, electronic edition. Department of Sociology, University of Oxford, chapter 13, 2000. Pp. 213–237.

² Wills T. A., Anette, M. C. (2012). Social networks and social support. // Handbook of health psychology. — Manchester. Psychology Press. — pp. 465-492.

характеристиках взаимодействия. К примеру, использование информации о направлении звонков позволяет оценить социальный статус собеседников и определить уровень их влияния друг на друга. Исследование социальных связей между пользователями социальных сетей характеризует особенности социального влияния. К примеру, социальная сеть обмена короткими сообщениями позволяет присоединиться к профилю интересующего собеседника. По количеству лиц, отслеживающих данные сообщения можно судить о степени важности информации, которую он публикует. Помимо влияния, другими важными характеристиками субъекта в системе социальных отношений обладают:

— *валентность* — сила влияния субъекта, вычисляемая как число рёбер, падающих на данную вершину либо как число соседей вершины v ;

— *значимость* — количество лиц, взаимодействующих друг с другом посредством данного субъекта;

— *близость* — скорость взаимодействия между противоположными лицами внутри одной социальной сети.

Рассмотренные метрики описывают социально-психологические характеристики субъекта социального взаимодействия, отнесенные к конкретной социальной группе. Кроме того, применяются метрики, характеризующие всю систему социального взаимодействия группы. Они рассчитываются на основе статистической оценки параметров социальной сети. К метрикам такого рода относят: а) путь взаимодействия социальной сети с другими сетями; б) диаметр и радиус социальной сети; в) взаимность взаимодействия; г) плотность; д) степень кластеризации (группирования) участников внутри социальной сети.

Персональная социальная сеть (Ego-network). Данный вид модели социальной сети строится методически схожим способом, однако центром модели выступает конкретный индивид. Его роль в модели может быть двоякой. Он может являться единственным источником информации о своем социальном окружении, а также быть предметом оценивания других людей.

Процедура построения модели персональной социальной сети отличается от классической модели. Источником информации выступают конкретные люди, относящиеся к определенной социальной общности (например, группе) и имеющие опыт взаимодействия друг с другом. При этом, качество взаимодействия может существенно различаться (в диапазоне от формально-деловых до дружеских отношений), важно лишь, чтобы участники осознавали присутствие друг друга и могли

опознать своего партнера. Типичная процедура построения персональной социальной сети предполагает:

а) выявление прямых взаимоотношений между субъектом и его социальным окружением (например: «перечислите участников группы, с которыми Вы дружите»);

б) выяснение отношений между участниками группы с которыми взаимодействует субъект (например, «кто из тех участников группы, что являются Вашими друзьями, еще и дружит между собой?»).

К основным характеристикам персональной сети относятся:

1. Размер — количество индивидов, вовлеченных в отношения с субъектом.

2. Количество прямых взаимоотношений — число взаимосвязей между индивидами в группе или сообществе, признающих взаимность отношений или действий друг друга.

3. Плотность — число отношений индивида с другими людьми, деленное на количество прямые взаимоотношений.

4. Диаметр социальной сети — количество людей, максимально отделенных друг от друга взаимодействующими с ними лицами. В графе социальной сети — участники, чье взаимодействие опосредованно максимальным количеством членов социальной сети.

Дополнительными характеристиками выступают интерпретации положений индивида в социальной сети:

— количество неполных связей между участниками сети;

— посредничество — количество прямых взаимоотношений между участниками социальной сети в которые сам субъект не вовлечен;

— коммуницирующее участие — количество связей между участниками социальной сети, в которых субъект является кратчайшим звеном на пути их взаимодействия.

Персональные социальные сети в отличие от социальных сетей позволяют изучать межличностные отношения индивида в социальных сообществах, используя не только объективные сведения о частоте взаимодействий, но и субъективные мнения относительно взаимоотношений окружающих людей, представлений об их состоянии и свойствах.

Методологической проблемой выступает достижение соответствия между реальными социальными отношениями и моделью. К примеру, объем социального взаимодействия взрослого человека является существенным, однако лиц, оказывающих существенное влияние на поведение субъекта не очень много. Проблемы правильной оценки объема социальной сети, понимания лиц, оказывающих влияние на личность,

предсказание итогов взаимодействия участников социальной сети и другие вопросы, затрагивающие оценку качества взаимодействия количественными показателями являются предметом критики данного метода. Преобладающее большинство алгоритмов предполагают выделение равномерных вершин в сообществах, не учитывая их сопряжение. Вместе с тем, участники одного сообщества могут принадлежать и к другим сообществам одновременно (например, родственники могут вместе работать, а коллеги иметь одно увлечение).

В целом, метод анализа социальных сетей выступает перспективным способом изучения взаимодействия людей в условиях развития виртуальной коммуникации¹. Возникнув в качестве технического средства, применяемого для проектирования систем связи, психологический потенциал метода был раскрыт в социально-психологических исследованиях дружеских отношений², структур межличностного доверия³, возникновения формальных и неформальных групп⁴, в том числе образования криминальных сообществ⁵ и предсказания преступного поведения⁶. Практика его применения, несмотря на существующие недостатки, свидетельствует о возможностях изучения социальных феноменов, лежащих за границами стабильных систем взаимодействия — межличностного взаимодействия и социальных групп.

2. Конструирование ментальной модели социального взаимодействия. Метод ментальной модели разработан представителями когнитивной психологии в конце 70-х годов XX века для изучения субъективных представлений личности об окружающей действительности. С его помощью изучались представления о деятельности,

---

¹ Bringmann B., Berlingerio M., Bonchi F. Gionis A. Learning and predicting the evolution of social networks. // IEEE Intelligent Systems. 2010. № 25. Pp. 26–35.

² Epasto A., Lattanzi S., Mirrokni V., Sebe I. O., Taci A. Verma S. Ego-net community mining applied to friend suggestion. // Proceedings of the VLDB Endowment, 2015. № 9. Pp. 324-335

³ Akcora C. G. and Ferrari E. Discovering trust patterns in ego networks // Advances in Social Networks Analysis and Mining IEEE/ACM International Conference. New York, NY: IEEE. 2014. Pp. 224–229.

⁴ Carter D. Dechurch L., Braun M., Contractor N. Social Network Approaches to Leadership: An Integrative Conceptual Review // The Journal of applied psychology. 2015. № 100(3). Pp. 597–622.

⁵ Bolden C. L. Gangs and Social Networks // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. Springer, New York, NY. 2014.

⁶ Papachristos A. V. Social network analysis and gang research: theory and method // Studying youth gangs. AltaMira Press, Lanham, 2006. Pp. 99-116.

в том числе в экстремальных ситуациях, восприятию окружающей среды и социального взаимодействия¹. К настоящему времени накоплен достаточно большой опыт применения данного метода в изучении различных видов социальных отношений².

Ментальная модель — совокупность понятий, стратегий, установок по отношению к конкретному объекту. Ей приписывается несколько функций: восприятие мира (К. Craik)³, принятие решения (P. N. Johnson-Laird)⁴, разработка альтернативных сценариев поведения (К. Carley, М. Palmquist)⁵, действие в конкретной ситуации (G. M. Breakwell)⁶. Будучи когнитивной структурой, модель основывается на знаниях и опыте, полученных в релевантных по отношению к ней ситуациях. Эмпирические исследования показывают связь между социальными репрезентациями, ментальной моделью и реальным поведением личности, но различают специфические особенности именно ментальной модели. Модель социального пространства состоит из понятий и категорий, используемых личностью во взаимодействия с социальным окружением. Методология построения ментальной модели имеет две разновидности — прямую и косвенную.

Прямой подход предполагает построение модели самим субъектом. Примером его реализации может служить методика «Когнитивной карты понятий» (Conceptual Content Cognitive Map).

Методика состоит из нескольких этапов. На первом этапе обследуемый формирует перечень наиболее значимых характеристик социального окружения, а затем, на втором и последующих организует их в виде схемы, упорядочивая и структурируя их в зависимости от необходимых оснований⁷.

---

¹ Downs R. M. Stea D. Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior, Aldine Press, Chicago, 1965. Pp. 8–26.

² Breakwell G. M. Social representational constraints upon identity processes // K. Deaux and G. Philogene (eds) Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions, Oxford: Blackwell, 2001.

³ Craik K. J. W. The nature of explanation. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 1943.

⁴ Johnson-Laird P. N. Mental models. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 1983.

⁵ Carley K., Palmquist M. (1992). Extracting, representing, and analyzing mental models. Social Forces. 1992. № 70(3). Pp. 601–636.

⁶ Breakwell G. M. Mental models and social representations of hazards: the significance of identity processes // Journal of Risk Research. 2001. № 4. Pp. 341–351.

⁷ Kearney A. R., Kaplan S. Toward a methodology for the measurement of knowledge structures of ordinary people: the conceptual content cognitive map (3CM) // Environment and Behavior. 1997. № 29. Pp. 579–617.

Результатом ментального моделирования социального пространства выступает система элементов, репрезентирующих социальное окружение. Включенные в систему категории выбираются произвольно. Ими, как правило, выступают социальные метрики: степень родства, дистанция взаимодействия (близкий — далекий), роль в определенной социальной группе (семье, дружеских и коллегиальных отношениях). Основным преимуществом этого подхода является то, что картирование помогает опрашиваемым исследовать свою собственную когнитивную структуру при выполнении задания¹.

Альтернативная техника когнитивного картирования, предложенная U.Ozesmi², дополняет анализ причинно-следственными отношениями. Для этого, обследуемому предлагается упорядочить отношения между различными объектами социального окружения, исходя из логики их взаимодействия. Полученная таким образом модель определяет специфические отношения, лежащие в основе отношений между субъектом и его социальным окружением. Такой способ упорядочивания репрезентирует систему отношений субъекта с окружающими (представленную графически в виде сети, концентрических кругов, совокупности узлов и связей между ними). Полученные отношения репрезентируют устойчивые практики взаимодействия, могут раскрывать каузальные отношения между обследуемым и его социальным окружением (например, влияния или поддержки)³.

Косвенный подход к определению ментальной модели предполагает изучение понятий и категорий, применяемых личностью для описания своих взаимоотношений с социальным окружением. Вариантом его реализации выступает выявление в ходе интервьюирования понятий и отношений, описывающих систему социального взаимодействия личности. Предполагается, что понятия, идентифицированные при интервьюировании, являются эквивалентными ментальной модели социального взаимодействия.

Альтернативным подходом к выявлению ментальной модели, не претендующим на ее представление как сети понятий и отношений,

---

¹ Austin D. E. Incorporating cognitive theory into environmental policymaking // The Environmental Professional. 1994. № 16. Pp. 262–274.

² Ozesmi U., Ozesmi S. L. Ecological models based on people's knowledge: a multi-step fuzzy cognition mapping approach // Ecological Modelling. 2004. № 17(6). Pp. 43–64.

³ Carley K., Palmquist M. Extracting, representing, and analyzing mental models // Social Forces. 1992. № 70(3). Pp. 601–636.

является консенсусный анализ (более подробно его представил S. S. Stone-Jovicich с соавт.)¹. Этот подход нацелен на изучение коллективных представлений — т. е. обобщенных знаний, присущих участникам социальной группы и являющихся результатом их совместной деятельности. Предполагается, что обобщение значения понятия, применяемых несколькими людьми может раскрывать социальное значение данного понятия. Другими словами, социальное значение понятия схоже для группы людей, не смотря на определенные индивидуальные различия в их восприятии знания². В эмпирических исследованиях, основанных на консенсусном анализе, коллективные представления репрезентированы в виде схемы. С. Strauss и N. Quinn определяют их как «сети тесно связанных когнитивных элементов, которые представляют общие понятия, хранящиеся в памяти»³, что, в русле нашего анализа тождественно понятию ментальная модель.

Анализируя различия между прямым и косвенным подходами к построению ментальной модели, можно обнаружить существенную разницу между ними только в процедуре сбора информации. Этапы обобщения ментальной карты и ее интерпретации достаточно схожи. Прямой подход к экспликации информации существенно зависит от способности обследуемого объективно и точно определить понятия о своих взаимоотношениях с окружающими, полно и логично систематизировать свои отношения на основе этих понятий. При косвенном подходе способности обследуемого не влияют на результаты измерения, поскольку компенсируются процедурой интервьюирования. Недостатками косвенного подхода выступает риск реконструирования представления интервьюером, а не респондентом. Результатом измерения тогда становится не субъективные представления обследуемого, а концептуальные представления интервьюера. Процедура построения ментальной модели предполагает выполнение следующих этапов:

---

¹ Stone-Jovicich S. S., Lynam T., Leitch A., Jones N. A. Using Consensus Analysis to Assess Mental Models about Water Use and Management in the Crocodile River Catchment // *Ecology and Society*. 2011. № 16(1). P. 45.

² Vanwindekens F.M., Stilmant D. P. Baret V. Development of a broadened cognitive mapping approach for analysing systems of practices in social-ecological systems // *Ecological Modelling*. 2013. № 2(50). Pp. 352–362.

³ Strauss C., Quinn N. *A Cognitive/Cultural Anthropology. Assessing Cultural Anthropology* // *A Cognitive Theory of Cultural Meaning*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1993.

а) выявление перечня понятий, характеризующих систему социального взаимодействия в его статическом (архитектура) или динамическом (причины взаимодействия, состояние) виде;

б) описание значений понятий — посредством комментариев, разъяснений.

в) построение иерархии понятий путем указания связей и отношений между ними. Респонденты самостоятельно (при прямом подходе) или с помощью интервьюера (при косвенном подходе) устанавливают связи между понятиями. Для этого респондент дает инструкции интервьюеру о том, как связать понятия, указывая понятия, которые необходимо связать, и направление связи. Респонденты должны указать характер отношений между понятиями, обозначив ссылки, которые они рисуют глаголом, чтобы сформировать предложение. Для этого могут использоваться специальные компьютерные программы облегчающие построение онтологий.

Поскольку формирование модели опирается на систему субъективных понятий, категорий, применяемых для характеристики социального окружения, то методической проблемой выступает подбор адекватных критериев оценки полученной ментальной карты. Зачастую различия между индивидуальными моделями настолько высоки, что не позволяют проводить их сопоставление, полученных от разных обследуемых.

Аналитические работы, посвященные ментальным моделям содержат указание на различные варианты оценки. В частности, основоположники данного метода, Р. М. Даунс и Д. Сти представили три количественных показателя, применяемых для оценки модели:

— элементы (когнитивные категории, применяемые для описания элементов пространства, обозначения их субъективных значений);

— отношения между элементами (дистанция между элементами и их направление)¹.

Подводя итоги, отметим, что метод построения ментальной репрезентации социального пространства представляется актуальным инструментом для изучения социального окружения и межличностного взаимодействия личности. Помимо этого, метод позволяет определить характеристики социального интеллекта, поскольку отражает способности к репрезентации сложных социальных структур. Перспективы применения данного метода нуждаются в дальнейшем исследовании.

---

¹ Downs R. M., Stea D. Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior, Aldine Press. USA, Chicago, pp. 8–26.

Аналитические работы, посвященные ментальным моделям содержат указание на различные варианты оценки. В частности, основоположники данного метода, R. M. Downs, D. Stea представили три количественных показателя, применяемых для оценки модели:

— элементы (когнитивные категории, применяемые для описания элементов пространства, обозначения их субъективных значений);

— отношения между элементами (дистанция между элементами и их направление);

— совокупности элементов, построенные на группах отношений (когнитивные группировки элементов)¹.

Психометрическими преимуществами метода ментальной модели выступают: а) релевантность содержания модели представлениям о социальном окружении; б) соответствие параметров построения модели уровню социального и вербального когнитивного развития; в) отражение ключевых понятий и категорий, лежащих в основе социальной перцепции.

К недостаткам метода на наш взгляд следует отнести неполноту представленных в них сведений, осознанное стремление к упрощению социальных отношений, в том числе сглаживание конфликтных, негативных взаимоотношений. Следует согласиться с Л. С. Либеном, отмечающим, что процесс формирования ментальной модели является когнитивно сложным действием, ему свойственна рациональность, исключая эмоциональные проявления². Репрезентация взаимодействия в ментальной модели подчинена категориям, положенным в ее основание субъектом. Если субъект использует чрезмерно обобщенные категории, то модель может существенно отличаться от сложившейся системы его взаимодействий с социальным окружением.

Другое объяснение неполноты метода ментального моделирования было предложено С. Московичи. По его мнению, проблема обусловлена наличием двух когнитивных систем, репрезентирующих личности социальное пространство. Первая использует комплекс понятий и категорий, скрепленных логическими связями, а вторая — контролирует данный процесс, проверяет и выбирает полученные трактовки в соответствии с различными правилами, установками,

---

¹ Downs R. M., Stea D. Cognitive maps and spatial behavior: Process and products // *Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior*. USA, Taylor and Francis, 2017. pp. 8–26.

² Liben L. S. The road to understanding maps // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. № 18. Pp. 310–315.

предубеждениями, стереотипами. Вторая система перерабатывает материал, произведенный первой системой, являясь по отношению к ней своего рода метасистемой. Деятельность двух систем может быть рассогласованной. К примеру, при полном и ясном отражении субъектом системы взаимодействия с окружающими, быть ограниченной установкой на представление только одной из сторон взаимодействия (например, «я — самый лучший», «мне все должны» и пр.).

В целом, отметим, что исследование представлений о социальном пространстве методом ментального моделирования предполагает определение ключевых характеристик, которыми оперирует субъект при построении данного представления, понимания логики выстраивания отношений между ними. Недостатками метода выступает несоответствие ментальной модели и репрезентации социального пространства, обусловленное непониманием значения применяемых понятий, различия понятий и их субъективных значений, редукции содержания представления к нескольким категориям, применяемым для его реконструкции. Преодоление данных недостатков может быть осуществлено путем изучения содержания понятий и категорий, характеризующих социальное взаимодействие личности, уточнения их значений. Однако, ресурсы ментального моделирования уже не позволяют провести данную операцию, в отличие от нарративного метода, более чувствительного к образам, нежели применяемым для их характеристики понятиям.

3. Нарративный метод исследования представлений о социальном пространстве (нарративный метод). Нарративный подход в психологии настоящее время является междисциплинарной областью знания, базирующейся на философских, социологических и лингвистических идеях.

Возможности нарративного метода для изучения представлений о социальном пространстве основывается на работах, описывающих особый жанр автобиографического высказывания (М. Бахтин), конструирования социальной реальности (Дж. Герген, Т. Сарбин¹), и когнитивной психологии (Ж. Брунер, Ж. Пиаже), дополненных теорией дискурсивного анализа (Harre, 1995). Развиваясь в русле качественной и понимающей методологии, метод нарратива в последние десятилетия дополняется количественными процедурами. Это стало возможным благодаря привлечению ресурсов когнитивной лингвистики (Т. Вандейк) и когнитивной

---

¹ Sarbin T. R. (Ed.). Narrative psychology: The stories nature of human conduct. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1986.

психологии (Brockmeier J.¹, Nelson K²). К настоящему времени, нарративный метод наращивает свое присутствие в психологических исследованиях, а его процедура модифицируется с целью повышения надежности выводов и прогностической валидности.

Нарративный подход по мнению Дж. Гергена меняет методологическую ориентацию в исследовании личности. В его понимании, следует отказаться от противопоставления личности, обладающей ресурсами и личности, лишенной их. По его мнению, необходимо противопоставлять личность вне зависимости от каких либо ресурсов с ее отношениями с социальным окружением. Такое переосмысление позволяет рассматривать психологическое пространство личности как пространство социальное. Фактически продолжая идею Л. С. Выготского об интернализации высших психических функций и выводя ее за пределы детства, представители нарративного направления считают, что внутренняя психическая жизнь взрослого является отражением социальных отношений. В таком подходе нарратив представляет собой совокупность лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически. Нарратив ограничен жизненным опытом человека, его коммуникативными и когнитивными способностями³.

На основе нарративного подхода разработаны концепции интересующего социального познания. Они изучают роль социальных отношений человека в понимании им социальных событий. К основным концепциям следует отнести исследования коллективного познания (*shared cognition*⁴), коллективной памяти (*collective remembering*⁵), социальной координации (*social coordination*⁶).

Данные концепции показывают роль социального окружения в образовании представлений, отношений и ценностных ориентаций человека. В них показано, что социальное окружение принимает участие

---

¹ Autobiography, narrative, and the Freudian conception of the history // *Philosophy, Psychiatry, Psychology*. № 4. Pp. 175-199.

² Nelson K. (1993). The psychological and social origins of autobiographical memory // *Psychological Science*. № 4. Pp. 1–8.

³ Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29–42.

⁴ Thompson L., Fine G. A. Socially shared cognition, affect, and behavior: A review and integration // *Personality and Social Psychology Review*. 1999. № 3(4). Pp. 278–302.

⁵ Middleton D., & Edwards D. Conversational remembering: A social psychological approach // *Collective remembering*. London: Sage. 1990. Pp. 23–45.

⁶ Couch C. J. Toward a formal theory of social processes. // *Social Interaction*. 1992. № 15. Pp.117–134.

в осуществлении познавательных процессов, ранее относимых только к внутреннему миру личности.

Современные исследователи развивают данные идеи. К примеру, М. Слорс описывает феномен расширенного познания (*extended cognition*), выступающего альтернативным коллективному познанию¹. Специфика «расширенного» познания заключается в когнитивных процессах, инициируемых не людьми и социальными группами а социальными институтами (образование, правоохранительные органы, медицина). Институты снабжают человека информацией в соответствии со своей специализацией.

Взаимодействуя с ними, человек получает необходимые знания относительно нужной ему проблемной ситуации — например, обучения, противодействия преступлениям или профилактики болезни. Социальные институты предоставляют не только знания, но и информационные ресурсы, влияющие на принятие решения, построение моделей поведения.

Дополняя традиционные источники информации, социальные институты являются принципиально новым источником информации, рассматриваемым в качестве экспертного знания.

Подводя итоги, отметим, что специальные методы исследования представления личности о социальном пространстве являются более релевантными инструментами по сравнению с общепсихологическими методами, в настоящее время они не лишены психометрических недостатков. К основным недостаткам следует отнести:

— недостаточную содержательную валидность, выражающуюся в несоответствии показателей, применяемых для измерения характеристик социального пространства разными методами. Результаты измерений полученных с помощью нескольких методов не соотносятся друг с другом либо даже противоречат друг другу.

— неудовлетворительную внутреннюю надежность (согласованность), проявляющуюся в несогласованности структуры шкал и пунктов (вопросов, заданий). Будучи психометрическим критерием стабильности измерения в классической теории тестов, проблема внутренней надежности методик влияет на получаемые с их помощью результаты².

---

¹ Slors M. Symbiotic cognition as an alternative for socially extended cognition. // *Philosophical Psychology*. 2019. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/09515089.2019.1679591>.

² Cronbach L. J., Shavelson R. J. My Current Thoughts on Coefficient Alpha and Successor Procedures // *Educational and Psychological Measurement*, 2004. № 64(3). Pp. 391–418.

Источниками новых подходов к измерению выступают не только психологические, но социологические и лингвистические исследования.

В них создается и верифицируется новая для психологии методология измерения составляющих представления — когнитивных, аффективных и поведенческих. В обзорных работах отечественных и зарубежных социологов и лингвистов рефлексированы возможности, проблемы и перспективы построения методологии исследования представлений. В них отмечается необходимость фокусировки на индивидуально-психологических особенностях личности, подчеркивается продуктивность применения социально-психологической методологии для обогащения проводимых исследований.

Вместе с тем, применение методологии данных наук в психологических исследованиях вызывает обоснованные сомнения в возможности прямого переноса полученных с их помощью знаний в плоскость психологической теории. Следует учесть мнение А. Л. Журавлева в том, что плюралистичность междисциплинарного исследования может привести к редукции психического объяснения к непсихическому¹. Целесообразно соотносить полученные данные с фактами о представлении, верифицированными в психологических исследованиях.

Выводы второй главы

1. Социальное пространство определяется в виде системы взаимодействия личности с социальным окружением, опосредованной и обусловленной позициями (функциями, ролями) в структурах этого взаимодействия.

2. Представление о социальном пространстве — это ментальная репрезентация личностью характеристик взаимодействия (связей и позиций, отношений и ожиданий). Структуру представления образуют интерактивные и рефлексивные компоненты, отражающие характеристики взаимодействия.

3. Представление о социальном пространстве образовано тремя видами информации: перцептивной (характеризующей формальные показатели социального взаимодействия), рефлексивной (описывающей обобщенную оценку отношения) и интерактивной (описывающей установки на взаимодействие).

---

¹ Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИПРАН, 2007. С. 15–32.

4. Психологические исследования социального пространства основываются на объяснительной и понимающей методологии. Данная методология применяется в двух видах исследовательских программ — биопсихической и социально-психологической, по-разному трактующих сущность представления, объясняющих его содержание и механизмы формирования.

5. Для изучения представления применяются общенаучные методы (преимущественно опросники и самоотчеты). Кроме них используются специальные методы изучения содержания представления (анализ социальной сети, ментальной модели, понятийного анализа). Анализ методов показывает отсутствие единства в их взглядах на модель представления и, как следствие, несопоставимость полученных с их помощью измерений друг с другом. Репрезентация представления личности о социальном пространстве осуществляется:

а) с помощью понятий и категорий, определяющих содержание пространства и маркирующих объекты и элементы;

б) с помощью схем, отражающих отношения между частными взаимодействиями личности с социальным окружением; б) с помощью аффективно-окрашенных образов, выражающих отношение к взаимодействию.

6. Существующие методики исследования представления личности о социальном пространстве фокусируются на репрезентации личностью частных характеристик системы социальных связей.

Отсутствуют методики, изучающие представление о системе социального взаимодействия в виде целостного образования, характеризующего социальную поддержку, оценку эффективности и соучастие других людей в деятельности и жизни человека.

Глава 3

МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ О СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В главе описываются новые методы изучения представлений человека о взаимодействии с социальным окружением.

Необходимость их разработки вызвана отсутствием психологических методик, исследующих представление личности о характеристиках системы его взаимоотношений и взаимодействия с социальным окружением.

В главе описаны теоретические основания и процедура разработки методик представлений личности о взаимодействии с социальным окружением. Приводятся сведения о психометрических процедурах проверки гипотез, анализируются результаты опросов групп обследованных, приводятся сведения, характеризующие конвергентную и дивергентную валидность и надежность методики.

3.1. Разработка методики исследования представления личности о взаимодействии с социальным окружением

Современные социально-психологические исследования посвящены изучению отношений между личностью и обществом. Эта область исследований является приложением усилий социальной психологии и вместе с ней других наук — педагогической психологии, психологии труда, юридической психологии. Понимание того, как складываются и чем регулируются отношения между личностью и социальным окружением востребовано во многих сферах общественной деятельности.

Исторически в отечественной социальной психологии отношения личности с социальным окружением рассматривались в нескольких аспектах: межличностных отношениях (А. И. Донцов, Н. Н. Обозов), отношениях личности с малой группой (А. В. Петровский, Л. И. Уманский и др.), восприятии партнерами по общению друг друга (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев).

Представленное в данном параграфе исследование относится к последнему из перечисленных направлений. Оно сосредотачивается на изучении представления личностью своего взаимодействия с социальным окружением.

Объектом описанного в данном параграфе исследования выступают закономерности восприятия личностью себя, окружающих людей, групп и сообщества. В отличие от исследований социальной перцепции и атрибуции, наше внимание сосредоточено на изучении представления

личностью системы взаимодействия с социальным окружением. Данное представление является формой отражения в сознании человека социальных связей с другими людьми, занимаемых позиций в группах и сообществах.

Общественная сущность жизни человека предписывает образование отношений с другими людьми необходимым условием выживания и развития. Соответственно, формирование представления о взаимодействии с окружающими обусловлено образом жизни человека. Схожим образом об этом рассуждает А. А. Бодалев: *«люди познают друг друга не ради праздного любопытства. К этому побуждает их жизнь в обществе, и результаты такого познания всегда в конечном счете влияют на их труд, на формирующиеся у них отношения к другим людям и к себе»*¹.

Важность изучения представлений личности о социальном взаимодействии объясняется его значением в жизни и деятельности человека. Как было показано в предыдущей главе данной монографии, система связей личности с социальным окружением рассматривается в качестве ресурса, развивающего и адаптирующего человека к изменяющимся условиям жизни и деятельности. При том, что характеристики системы социального взаимодействия личности фундаментально значимы для жизнедеятельности человека, их психологической диагностике не уделяется значительное внимание. Отсутствие таких инструментов не позволяет охарактеризовать представление личности о свойствах социального пространства.

В параграфе описано исследование представления личности о системе социального взаимодействия, образованной в процессе жизнедеятельности, отражающей историю развития и описывающей текущий образ жизни — сети социальных связей, отношений и совместных действий. Система взаимодействия рассматривается неотъемлемой частью бытия личности, выступающей с одной стороны, условием жизнедеятельности, и вместе с тем, ресурсом самоосуществления.

Теоретическими основаниями такого взгляда выступают положения субъектно-деятельностного подхода в отечественной социальной психологии. Для проводимого исследования принципиальное значение два положения:

а) о фундаментальном и определяющем значении социального окружения в жизни и деятельности личности (К. А. Абульханова);

---

¹ Бодалев А. А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. С. 201.

б) о ведущей роли взаимодействия личности с обществом в ее самоопределении и самореализации (Г. М. Андреева).

Эти положения не являются взаимоисключающими, напротив, они образуют диалектическое противоречие, определяющее построение взаимодействия с социальным окружением, логику развития отношений с другими людьми, группами и обществом в целом. Необходимость взаимодействия с обществом и, вместе с тем, стремление к обособлению и индивидуализации показывает то, каким образом человек выстраивает отношения и образует социальные связи. Признание двойственной роли взаимодействия личности с социальным окружением побуждает прояснить данные отношения. К. А. Абульханова отмечает, что *«жизнь личности и она сама находится в двух пространствах одновременно — в пространстве отношений своего социума и своей жизни»*¹.

Включенность личности в общество порождает противоречия, преодоление которых обнаруживает ее как субъекта собственной жизни. Будучи включенным в социум, человек ощущает влияние социальных требований, рассматривает себя и окружающих через призму социальных ролей и статусов. Являясь субъектом собственной жизни, конструирует ее перспективы, нередко отрицая социальные условия и ограничения их осуществления. Можно заключить, что социальное и субъективное нередко противоречат друг другу, соответственно, жизненный путь личности зачастую противостоит влиянию других людей, социальных групп и сообществ. Несмотря на то, что необходимость интеграции человека в общество предписана жизненными потребностями, стремление реализовать свой жизненный замысел нередко противопоставляет человека обществу. Однако, даже в таких условиях, самодеятельность, самоосуществление и саморазвитие личности приводят к формированию отношений взаимной поддержки и помощи с определенным кругом лиц². Балансируя между необходимостью признания социальных структур общества и, вместе с тем, будучи побуждаемым стремлением к самореализации, человек устанавливает, поддерживает и развивает взаимодействие с окружающими его людьми.

В представлении человека его отношения и взаимодействия с окружающими людьми воспринимаются многоаспектно — окружающие люди защищают от опасностей и жизненных трудностей, помимо этого,

---

¹ Абульханова К. А. Социально-философская и психологическая проблема субъекта // Мир психологии. 2013. № 2. С. 262–275.

² Абульханова К. А. Субъект и субъектность: проблема определения качеств // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 49–62.

социальное окружение является объектом познания, а в рефлексивной деятельности и самопознания. Сравнивая себя с окружающими, люди оценивают свои действия и самих себя, определяя какую позицию они занимают во взаимодействии. Наконец, занимая ведущую роль, выполняя функции лидера, человек проявляет собственную субъектность, получая возможность через управление другими людьми реализовывать собственное видение мира.

Считая, что система социального взаимодействия воспринимается личностью неотъемлемой частью жизнедеятельности, ее не следует рассматривать неизменной. В значительной степени, взаимодействия устанавливаются, развиваются и прекращаются усилиями самого человека. Значимую роль в этом выполняет оценка взаимодействия личностью, а свойства и характеристики взаимодействия выступают предметом познания и рефлексии. Видя, что описанные характеристики производны от взаимодействия, целесообразно полагать, что они таким же образом воспринимаются личностью. Такое допущение можно выполнить, описав современные знания о социальной поддержке, самооценке взаимодействия и восприятии личностью влияния на социальное окружение.

Социальная поддержка это вид взаимодействия субъектов, нацеленный на дополнение, восполнение утраченных либо отсутствующих ресурсов¹. Для людей с ограниченными возможностями социальная поддержка является условием жизнедеятельности, поскольку только с ее помощью могут быть удовлетворены витальные потребности. Психологические исследования социальной поддержки рассматривают ее в качестве фактора преодоления последствий соматических и психических заболеваний², снижения негативного воздействия стрессовых³ и экстремальных условий⁴.

---

¹ Hobfoll S. E., Lerman M. Predicting Receipt of Social Support: A Longitudinal Study of Parents' Reactions to Their Child's Illness // Health Psychology. 1989. № 8(1). Pp. 61–77.

² Ярославская Л. И., Ярославская М. А. Исследования роли социальной поддержки в адаптации к болезни у пациентов, страдающих хроническими неспецифическими заболеваниями легких [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2014. № 1 (3). URL: http://www.medpsy.ru/climp/2014_1_3/article11.php (дата обращения: 10.02.2021).

³ Uchino BN. Understanding the Links Between Social Support and Physical Health: A Life-Span Perspective With Emphasis on the Separability of Perceived and Received Support // Perspective Psychology Science. 2009. № 4(3). Pp. 236–255.

⁴ Анохина С. А. Теоретические и эмпирические аспекты изучения социальной поддержки // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно-практической конференции, Самара, 15 декабря 2015 г.: в 3 ч. Ч.3. Уфа, 2015. С. 244–249.

В психологических исследованиях социальная поддержка связана с удовлетворением широкого спектра потребностей личности¹. Формы поддержки многообразно воплощены во взаимодействии людей. К ним относятся соучастие и сопереживание в межличностных отношениях, распределение задач и помощь в деятельности в совместной деятельности.

Признаком социальной поддержки является предоставление личности необходимого, но недостающего или отсутствующего элемента для удовлетворения потребности. К числу таких элементов относятся материальные или нематериальные ресурсы, необходимые психические состояния: воодушевленность, настроенность, мотивированность.

Влияние поддержки на человека многопланово. Поддержка воодушевляет, мотивирует, позволяет яснее представить план действий, ощутить уверенность в себе и контроль над ситуацией². Отношения поддержки повышают оценку субъективного благополучия³.

Поддержку личности оказывают близкие люди, социальные группы и сообщества⁴. В трудных жизненных ситуациях люди оказывают поддержку друг другу, объединяясь в группы. С развитием интернет коммуникации расширилось число субъектов социальной поддержки — ими стали выступать сообщества волонтеров и благотворительные фонды, собирающие и распределяющие ресурсы между нуждающимися.

В целом, поддержка является сущностной характеристикой взаимодействия, показывая меру соучастия, присутствия людей в жизни и деятельности друг друга. Психологическое значение воспринимаемой человеком поддержки проявляется в повышении самооценки, убеждении в способности влиять на других людей.

Самооценка взаимодействия описывает представление личности о соответствии своих действий ожиданиям социального окружения.

---

¹ Cohen S., Gottlieb B. H., Underwood L. G. Social relationships and health // Social Support Measurement and Intervention: A Guide for Health and Social Scientists (Oxford University Press). 2000. Pp. 1–25.

² Perrin K. M., McDermott R. J. Instruments to measure social support and related constructs in pregnant adolescents: a review [Electronic resource] // Adolescence. 1997. № 32 (127). Pp. 533–557. URL: <http://psycnet.apa.org/psycinfo/19976437386004> (дата обращения: 15.12.2020).

³ Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Силантьева Т. А. Место и функции социальной поддержки в структуре личностных ресурсов лиц с ограниченными возможностями здоровья // Культурно историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 120–134.

⁴ Wright K. Social Networks, Interpersonal Social Support, and Health Outcomes: A Health Communication Perspective // Frontier Communication. 2016. № 1. P. 10.

Оценки социального окружения основываются на требованиях социальных функций и ролей, предписанных личности.

Воспринимаемая личностью социальная оценка соотносится с той ролью, функцией или деятельностью, в процессе выполнения которой она была получена. Соответственно, самооценка взаимодействия является гетерогенным конструктом, интегрирующим самооценку личности с оценкой ее действий окружающими людьми.

Как полагал У. Джеймс, оценка субъектом себя и оценка себя, исходя из взаимодействия с окружающими, являются независимыми видами самооценки, поскольку источником информации для формирования самооценки выступают глубинное и неосознаваемое чувство «Я», а социальная самооценка формируется благодаря оценке личностью своего взаимодействия с окружающими. Современные исследователи также склонны разделять самооценку на аффективную (основанную на убеждении личности в собственной ценности и уважении к себе) и когнитивную, базирующуюся на сравнении своих достижений с достижениями окружающих людей¹.

Другой взгляд на самооценку взаимодействия предлагает концепция самоэффективности. По мнению А. Бандуры, самооценка выступает компонентом механизма побуждения к деятельности, присутствующего личности. Самооценка выражает убежденность личности в своей способности организовать и выполнить необходимые действия². Высокая самооценка мотивирует личность к деятельности, поскольку формирует убеждение о достижимости результата. Действия людей с высокой самооценкой ориентированы на успех, а трудности или неудачи стимулируют их усилия. Низкая самооценка взаимодействия выражается в мотивации избегания неудач, осторожности в действиях. У людей с низкой самооценкой неудачи в действиях блокируют деятельность и приводят к отказу от намерений.

Информацией для построения самооценки выступают оценки и отношение других людей к личности. Все они используются личностью для построения самооценки, сравнения себя с другими участниками взаимодействия³.

---

1 Бороздина Л. В. Что такое самооценка? // Психологический журнал. 1992. Т.13. № 4. С. 99–101.

2 Bandura A. Self-efficacy mechanisms in human agency // American Psychologist. 1982. № 37. Pp. 122–147.

3 Harter S. Development Processes in the Construction of the Self // Integrative Processes in Socialization: Early to Middle Childhood / T. D. Yawkey, J. E. Johnson (eds). Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.

Способность личности влиять на социальное окружение характеризует возможности кооперации с окружающими людьми в интересах достижения личностно значимых целей.

Способность оказывать влияние на других людей разрабатывается несколькими научными направлениями. В психологии группового направления влияние относится к лидерским качествам, предполагает способность личности к организации деятельности и управлению другими людьми¹.

В интеракционистских концепциях возможность влияния человека на социальное окружение рассматривается признаком социальной позиции. Большие возможности влияния, указывают на более высокую позицию личности в социальной структуре. Соответственно, *«социальное влияние»* личности тесно связано с понятием *«власть»*

В концепциях социального капитала влияние личности подразумевает способность использовать социальные ресурсы для достижения собственных целей².

В феноменологических теориях власть над окружающими и влияние на них связаны с самооценкой личности и мотивацией достижений. В русле предположений о самодетерминации³ способность к влиянию на окружающих повышает уровень автономности и мотивирует личность к достижениям.

Формирование представления личности о влиянии на окружающих восходит к социальной самооценке и опыту. В трактовке В. Гекас представление человека о возможности влиять на окружающих формируется исключительно на опыте предыдущих действий, знании о том, как следует действовать, воодушевляющих или обескураживающих высказываниях других людей, переживаниях чувства азарта или страха. По мнению В. Гекас, вовлеченность в социальные отношения приводит человека к необходимости оценивать свое влияние на окружающих людей⁴.

---

¹ Afzaal H. S., Mohd N. Abd. R. Testing Bass & Avolio Model of Leadership in Understanding ERP Implementation among Bruneian SMEs // Journal of Organizational Management Studies. № 2014 (2014). DOI: 10.5171/2014. 869927

² Bourdieu P., Wacquant L. J. D. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1992.

³ Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist, 2000. № 55. Pp. 68–78.

⁴ Gecas V. The Self-Concept: Social Product and Social Force // Social Psychology: Sociological Perspectives. New York: Basic Books, 1990. Pp. 562–592.

Таким образом, социальное влияние выступает одним из атрибутов взаимодействия, характеризующим способность человека оказывать воздействие на окружение.

Завершая рассмотрение характеристик взаимодействия личности с социальным окружением, сформулируем выводы. Нами формулируется предположение о том, что восприятие личностью социального окружения может быть репрезентировано в виде: оценки ресурсности социального окружения (т. е. способности поддерживать, помогать), описания собственной позиции во взаимодействии (оценки действий и самооценки через сравнение с окружающими), а также способности влиять (координировать и контролировать) действия других людей.

Данное предположение может использоваться для изучения субъективных представлений о системе взаимодействия, в части ресурсов помощи и поддержки, определения позиции личности в системе ее взаимодействия с социальным окружением, а также выявления возможностей личности организовать взаимодействие с окружающими людьми. Поскольку методических средств для изучения представлений о взаимодействии не разработано, нами было организовано исследование, нацеленное на изучение и разработку соответствующей психодиагностической методики.

Цель исследования: изучение представления личности о взаимодействии с социальным окружением в совокупности трех аспектов: воспринимаемой социальной поддержки, самооценки взаимодействия, способности влиять на социальное окружение.

Гипотезами исследования выступили предположения о том, что:

а) представление о поддержке окружающих людей, самооценке взаимодействия, возможности влиять на социальное окружение взаимосвязаны друг с другом;

б) совокупность данных представлений репрезентирует систему взаимодействия с социальным окружением.

Методология исследования: использовалась классическая теория тестов, применяемая для разработки стимульного материала исследования, сбора субъективных суждений относительно взаимодействия с окружающими, их обобщения и интерпретации.

Данная методология определила процедуры интерпретации собранных данных:

1) проверку согласованности высказываний обследуемых на стимульный материал (пункты) опросника;

2) эксплораторный анализ пунктов с целью определения их группировок и образующих их факторов;

3) конфирматорный анализ пунктов опросника с целью определения структурных отношений между пунктами, группирующими их шкалами и потенциальными, но латентными факторами.

Участники. Всю выборку ($n = 690$ человек) составили рабочие, служащие, а также частные предприниматели Уральского федерального округа. Мужчин 30,7 %, женщин 69,2 %, возраст обследуемых — от 17 до 64 лет ($M = 27,2$, $SD = 6,05$). По сфере занятости в выборке представлены: рабочие — 17,1 %, обучающиеся высших учебных заведений — 21,9 %, частные предприниматели — 8,9 %, государственные (муниципальные) служащие — 43,4 %. Не указали место работы — 8,6 %.

В процессе создания опросника использовались три выборки:

— первая — для проверки распределения ответов, выбора пунктов и оценки степени их согласованности (245 человек);

— вторая — для проверки структурной валидности (445 человек);

Процедура. Респонденты заполняли анкеты в виде бланка бумажной формы либо электронной формы, посредством средства интернет-тестирования через Google Form. Время заполнения не ограничивалось, условия заполнения не контролировались.

Методы сбора данных. Данные собирались двумя группами методик. Первая группа включала в себя анкеты, изучающие: оценку влияния окружающих на личность, самооценку эффективности решений и действий; оценку влияния на взаимоотношения с окружающими.

Для всех пунктов использовалась интервальная шкала, состоящая из 7 баллов, где среднее значение равно «0», а крайние позиции (+3 и -3) представляют оппозиционные по значению варианты (напр.: *обессиливают — поддерживают, мешают — помогают, обесценивают — признают* и пр.).

Вторая группа методик включала опросники и шкалы, измеряющие качество межличностных отношений, представление об окружающих людях и группах, представление об отношении окружающих.

Из демографических данных о респондентах собирались сведения о возрасте, поле, месте проживания (вид населенного пункта).

Методы обработки данных. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ Statistica 10.1 и Jamovi 1.2.27. Использовались методы сравнения выборок, корреляционный анализ и конфирматорный факторный анализ.

Результаты и их обсуждение. Графический анализ показателей распределений ответов по пунктам опросника свидетельствует

о достаточно хорошем соответствии нормальному распределению. Хотя показатели асимметрии и эксцесса не равны нулю, их абсолютные значения невелики.

1. Надежность и внутренняя согласованность. Первым этапом анализа выступила оценка согласованности ответов в шкалах, проводимая посредством расчета показателя α -Кронбаха¹.

Статистическая оценка показывает, что при удовлетворительной согласованности (α -Кронбаха = 0,65) средние и стандартные отклонения ответов на пункты пунктов № 2, 4, 6, 7 не соответствуют математически ожидаемому среднему и стандартному среднему шкалы с размахом 6 баллов. Ответы тяготеют к положительному полюсу, характеризуя окружающих и их отношение справедливым, дружелюбным, чувствительным. Ответы на пункт № 4 имеют бимодальное распределение, приближающееся к крайним позициям. Содержание ответов на данный пункт тенденциозно — обследуемые высказывают либо безусловно позитивное отношение, либо, напротив, резко негативное. Кроме того, по критерию линейной корреляции «пункт-шкала», наименьшую вариацию имеют пункты № 4 и 7, что свидетельствует об их недостаточном вкладе в вариацию шкалы.

Таблица 2 — Характеристики шкалы
«Восприятие социальной поддержки» (n = 245)

Пункты и статистические оценки				Cronbach's α шкалы без пункта
Каково отношение окружающих людей к Вам?	Среднее	Стандартное отклонение	Корреляция пункт-шкала	
1. Мешают — Поддерживают	2.86	1.25	0.771	0.520
2. Несправедливы — Справедливы	4,57	1,59	0,429	0,789
3. Обессиливают — Воодушевляют	3.08	1.11	0.642	0.348
4. Агрессивны — Дружелюбны	4,76	1,31	0,335	0,739
5. Жестоки — Добры	2.81	1.12	0.728	0.470
6. Бесчувственны — Чувствительны	4.29	1.28	0,567	0,763
7. Упрощающие — Усложняющие	1,23	1,92	0,251	0,789
Примечание: общие статистики шкалы: $Mx = 3.63$, $SD = 0,688$, α -Кронбаха — 0,733				

¹ Zinbarg R. E., Revelle W., Yovel I., Li. W. Cronbach's Alpha, Revelle's Beta, McDonald's Omega: Their relations with each and two alternative conceptualizations of reliability // Psychometrika. 2005. № 70. Pp. 123–133.

На основе анализа статистик ответов можно сделать вывод о том, что категории оценки отношения окружающих № 2, 4, 6 и 7 не могут рассматриваться в качестве составляющих единой шкалы. Категории № 1 «Мешают — поддерживают», № 3 «Обессиливают — воодушевляют» и № 5 «Лживы — правдивы» обладают лучшими дескриптивными характеристиками ответов. Распределение ответов по ним в диапазоне $\pm 2\delta$ не выходит за пределы шкалы, согласованность находится в диапазоне α -Кронбаха — 0,711.

Анализ согласованности шкалы самооценки показывает удовлетворительный уровень (α -Кронбаха = 0,69). Однако другие статистические показатели свидетельствуют о недостаточном психометрическом качестве отдельных пунктов.

Исходя из средних значений, видно, что ответы на пункты № 1, 5, 7 отклоняются от ожидаемых в шкале средних значений. Это может быть объяснимо их связью с самооценкой, обуславливающей завышение значений по критериям уникальности, самоуверенности, самоценности.

Несмотря на высокую корреляцию между этими пунктами ($r = 0,71$), их использование в генеральной совокупности не даст возможности выявить лиц с колебаниями самооценки.

Таблица 3 — Характеристики шкалы
«Самооценка взаимодействия» ($n = 245$)

Пункты и статистические оценки	Статистические оценки			Cronbach's α шкалы без пункта
	Среднее	Стандартное отклонение	Корреляция пункт-шкала	
1. Безликим — Особенным	4,86	1,25	0,571	0,720
2. Заблуждающимся — Проницательным	3,66	0,88	0,452	0,578
3. Ошибающимся — Правильным	3,73	0,99	0,931	0,437
4. Запутанным — Ясным	3,76	1,31	0,635	0,739
5. Неуверенным — Уверенным в себе	4,32	1,48	0,678	0,786
6. Запутанным — Последовательным	3,29	1,28	0,567	0,763
7. Ненужным — Ценным	4,42	1,24	0,630	0,717
Примечание: общие статистики шкалы: $Mx = 4.43$, $SD = 1,21$, α -Кронбаха — 0,69				

Группа пунктов № 2, 3 и 6 обладает нормальными характеристиками распределения ответов, не выходящими за пределы $\pm 2\delta$ диапазона. Поскольку такие критерии отличаются большей симметричностью распределения ответов, можно полагать, что в генеральной совокупности они сохраняют такое распределение. Скорее всего, данные

пункты обладают достаточным дискриминативным потенциалом для дифференциации людей, по-разному видящих себя во взаимодействии с окружающими людьми.

Важно отметить, что оценка их согласованности по отношению друг к другу удовлетворительна (α -Кронбаха = 0,601). Данное значение считается приемлемым для опросников и к тому же обусловлено небольшим количеством пунктов, что повышает влияние дисперсии ответов на их согласованность.

Таблица 4 — Характеристики шкалы
«Управление взаимодействием» (n = 245)

Пункты и статистические оценки				Cronbach's α шкалы без пункта
Как складываются Ваши взаимоотношения с окружающими людьми?	Среднее	Стандартное отклонение	Корреляция «пункт-шкала»	
1. Оставляю неизменными — постоянно изменяю	3,22	0,88	0,579	0,585
2. Стараюсь подстраиваться — стараюсь управлять	4,66	1,23	0,556	0,578
3. Не меняю отношения — постоянно перестраиваю	3,06	1,01	0,453	0,419
4. Не планирую менять — думаю о будущем отношений	3,79	1,21	0,407	0,661
5. Не обращаю внимания — полностью отвечаю	4,22	0,76	0,263	0,748
6. Отношения независимы — под моим влиянием	3,29	1,28	0,567	0,763
7. Отношение стабильно — отношения пересматриваю	3,50	0,95	0,393	0,660
Примечание: общие статистики шкалы: Mx = 3,49, SD = 0,65, α -Кронбаха — 0,71				

Общая характеристика ответов обследуемых показывает приемлемую согласованность пунктов в первичном варианте шкалы (α -Кронбаха = 0,69). Вместе с тем, изучение средних значений пунктов № 2 и 5 демонстрирует тенденцию анкетированных к завышению ответов на них.

По видимому, стремление управлять отношениями, планировать их будущее и приписывание себе ответственность за них может быть объяснено желанием контролировать окружение, присущим большинству обследуемых. Поэтому более эвристичными являются пункты, которые описывают стремление субъекта изменять отношения с окружающими, перестраивать и пересматривать свое взаимодействие с ними. Можно увидеть, что пункты № 1, 3 и 7, изучающие эти представления, вносят весомый вклад в согласованность шкалы, поскольку при их извлечении

уровень согласованности всей шкалы существенно снижается. Анализ межпунктовых корреляций указывает на сильную связь между пунктами и шкалой.

Подводя итоги рассмотрения надежности пунктов и шкал, можно отметить удовлетворительную согласованность ответов (0,73, 0,69, 0,71), достаточно сильную корреляцию внутри пунктов внутри шкал, а также соответствие распределения ответов на пункты нормальному закону распределения (либо приближенному к нему). Проведенный нами анализ позволяет выделить группы пунктов, обладающие наилучшими показателями надежности и связи для дальнейшей оценки структурных характеристик шкал и отношений между ними.

Структурная валидность шкал. Для оценки согласованности шкал использовался эксплораторный факторный анализ. Он проводился двумя методами. Метод максимального правдоподобия (Maximum likelihood) использовался для оценки потенциально возможных линейных зависимостей между пунктами опросника¹, а метод минимизации остатков (Minimum residuals) использовался для конструирования структуры, оптимально соответствующей корреляционным связям между пунктами².

Факторные структуры, полученные этими методами были сопоставлены друг с другом для выявления потенциальных различий во взаимодействии компонент.

Общим для всех методов факторизации метод вращения был выбран «облимин», поскольку предполагалось что восприятие личностью социального окружения взаимосвязано с самооценкой, соответственно отношения между представлением личности о других людях и о себе не будут ортогональными. Результаты анализа представлены в таблице 5.

Можно видеть, что факторные нагрузки, полученные разными методами факторного анализа, очень похожи. По-видимому, полученная факторная структура является стабильным и единственно возможным вариантом связи пунктов при косоугольном вращении.

---

¹ Бучнев О. С. Применение метода максимального правдоподобия для поиска скрытых нелинейных зависимостей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и Технические Науки. 2020. № 3. С. 89–94.

² Горяинова Е. Р., Шалимова Ю. А. Снижение размерности многомерных показателей с нелинейно зависимыми компонентами // Бизнес-информатика. 2015. № 3 (33). С. 24–33.

Таблица 5 — Факторная структура показателей методики ($n = 203$)

Метод извлечения	Показатели	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Максимальное правдоподобие (вращение облимин)	«Мешают-поддерживают»	85		
	«Обессиливают-воодушевляют»	74		
	«Жестoki — добры»	63		
	«Заблуждающийся — проникательный»			56
	«Ошибающийся — правильный»			69
	«Запутанный — последовательный»			51
	«Неизменны — изменяю»		61	
	«Сохраняю — перестраиваю»		72	
	«Стабильно — пересматриваю»		49	
Объясняемая дисперсия		20,1 %	17,2 %	13,3 %
Статистики модели RMSEA = 0,0282, 90 % CL 0,00 — 0,07; TLI — 0,984 Тест модели $\chi^2 = 14,1$, $df = 12$, $p = 0,294$.				
Минимальные остатки (вращение облимин)	«Мешают — поддерживают»	86		
	«Обессиливают — воодушевляют»	74		
	«Жестoki — добры»	63		
	«Заблуждающийся — проникательный»			57
	«Ошибающийся — правильный»			68
	«Запутанный — последовательный»			53
	«Неизменны — изменяю»		62	
	«Сохраняю — перестраиваю»		72	
	«Стабильно — пересматриваю»		50	
Объясняемая дисперсия		20,0 %	17,1 %	13,4 %
Статистики модели RMSEA = 0,0303, 90 % CI 0,00 — 0,07; CFI — 0,982 Тест модели $\chi^2 = 14,4$, $df = 12$, $p = 0,275$				

Примечание: χ^2 — значение статистики хи-квадрат, df — число степеней свободы, CFI — сравнительный индекс соответствия, RMSEA — корень среднего квадрата ошибки аппроксимации, рассмотренный в 90 %-ном доверительном интервале. Выделены значимые факторные веса более 0,4; ноли и запятые опущены. Критерий Бартлетта $\chi^2 = 444$ $df = 36$, $p < 0,001$; КМО всех пунктов = 0,715.

На завершающем этапе с помощью конфирматорного факторного анализа нами моделировались структурные отношения между шкалами.

Видно, что пункты группируются друг с другом внутри предполагаемых шкал и не образуют связей между шкалами. Это свидетельствует о сохранении структуры шкал, принятой на первоначальном этапе разработки опросника, а также об их одномерной организации. Представленные в шкалах вопросы способны измерять только область своего предназначения и не охватывают области измерения других шкал. Опираясь на результаты эксплораторного анализа, можно считать группировку пунктов в шкалах инвариантной в выборке исследования и, вероятно, в генеральной совокупности.

Вторым этапом исследования выступило изучение организации шкал, основывающееся на теоретических представлениях о связи самооценки и оценки отношения к окружающим людям, а также связи между воспринимаемым отношением социального окружения и стремлением к изменению отношений.

Конфирматорный анализ выполнялся путем воспроизводства теоретической модели через отнесение пунктов к соответствующим им факторам, а затем оценкой показателей соответствия группировок эмпирическим данным.

Рассчитывались показатели: индекс согласия модели эмпирическим данным (Comparative fit index, CFI), значение квадратного корня ошибки аппроксимации (Root mean-square error of approximation, RMSEA). Результаты конфирматорного факторного анализа подтвердили соответствие эмпирических данных теоретической структуре модели. Индексы соответствия модели эмпирическим данным превысили необходимые критерии ($CFI > 0,95$; $p < 0,05^1$).

Поскольку вторая гипотеза исследования предполагала, что шкалы опросника могут быть организованы иерархически и допускала наличие латентного фактора второго порядка, подчиняющего себе шкалы и пункты, мы предположили наличие двух моделей:

1) одноуровневой модели без соподчинения факторов (F1–F3) латентному фактору;

2) иерархической модели с латентным генерализованным фактором, подчиняющим себе все первичные факторы (F1–F3).

Оценка связей между компонентами иерархической модели и ковариаций факторов в однородной модели показывает, что наиболее адекватной собранным данным является однородная модель (табл. 6).

Таблица 6 — Статистики моделей структуры и связей шкал (n = 445)

Вид модели	Факторы	Оценка	z-значение	p-уровень
Иерархическая модель $\chi^2 = 51,1$ $df = 24$, $p = 0,001$ RMSEA = 0,059, 90 % CI 0,01 — 0,09; CFI = 0,967	F1	1,358	2,712	0,07
	F2	1,032	5,104	0,001
	F3	2,308	2,269	0,023
Однородная модель $\chi^2 = 37,8$ $df = 24$, $p = 0,04$ RMSEA = 0,049, 90 % CI 0,01 — 0,08, CFI = 0,971	F1->F2	0,123	2,68	0,009
	F1->F3	0,541	8,78	0,002
	F2->F3	0,173	2,02	0,043

Примечание: χ^2 — статистика хи-квадрат, df — число степеней свободы, CFI — сравнительный индекс соответствия, RMSEA — корень среднего квадрата ошибки аппроксимации, рассмотренный в 90 %-ном доверительном интервале.

¹ Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. The Guilford Press: New York, London. 2006

Преимущество однородной модели над иерархической проявляется в лучшем соответствии данных структурной организации (в первую очередь, уменьшением объема ошибок). С точки зрения классической теории теста однородная модель обладает лучшими психометрическими показателями. В то же время, она противоречит теоретическим представлениям, поскольку предполагает независимость процессов социального познания, самооценки и оценки взаимодействия с окружающими друг от друга. Конечно, разделяемость данных процессов может обсуждаться лишь на уровне концепций, поскольку генетически они подчинены сознанию субъекта, а функционально базируются на едином категориально-понятийном фундаменте.

Иерархическая модель соответствует когнитивной парадигме, связывающей процессы социальной перцепции и социальной интеракции личности в единое целое (рис. 1). Будучи подчиненными самосознанию, все они генетически и функционально сопряжены, что неоднократно отмечено в ставших классическими теоретических и эмпирических исследованиях социального познания и межличностного взаимодействия (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, В. А. Лабунская, Н. Н. Обозов, А. А. Реан). Таким образом, наличие латентного фактора, обобщающего переменные первого уровня, предсказано теоретически. Его выявление его в ходе конфирматорного анализа поддерживает теоретическую гипотезу работы о комплексном представлении личности о социальном взаимодействии с окружающими.

Ковариации факторов с латентным фактором указывают на подчиненность представлений о поддержке окружающих эффективности взаимодействия с ними и вовлеченности во взаимодействие с ними.

Следует заметить, что модель разработана на основе положений классической теории тестов и методологии эксплораторного / конфирматорного факторного анализа.

Такая методология предполагает признание повторяющихся значений более ценными, чем специфичные. В рамках процедуры, мнения обследуемых о разных сторонах своего взаимодействия с обществом были обобщены и, в некотором смысле, редуцированы к типичным (в т. ч. усредненным) значениям. Существенным недостатком примененной методологии является нечувствительность к индивидуальным, специфичным ответам, что в процессе опроса выражается в непонимании опрашиваемым пунктов опросника, несоответствием представлений опрашиваемого стимульному материалу.

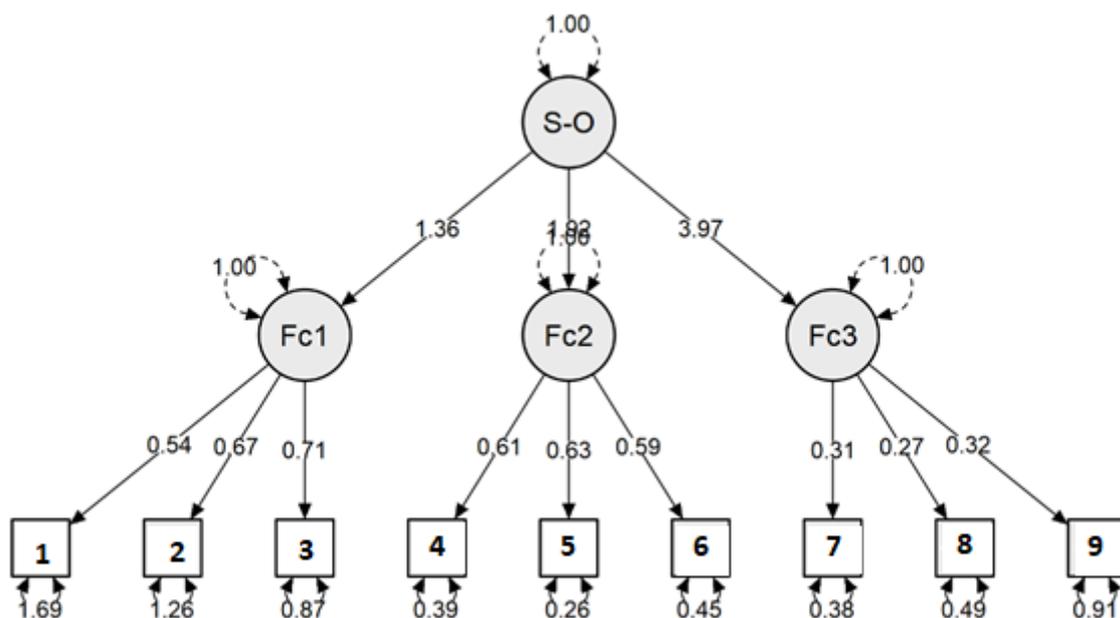

Рис. 1. Иерархическая модель опросника

Примечание: (1) фактор третьего порядка (S-O) является обобщающей переменной, факторы второго порядка (Fc1, Fc2, Fc3) в опроснике являются шкалами, переменные третьего уровня (1-9) в опроснике являются пунктами.

(2) Связи между переменными модели являются регрессионными, ковариации факторов опущены, ошибки представлены для переменных-индикаторов.

Осознавая эту особенность, мы видим ограничения в применении шкал опросника оценкой социального взаимодействия в таких областях как атрибуция социальной поддержки, самооценка взаимодействия и влияния на окружающих.

Методика не может применяться в отношении людей не способных оценивать себя и отношение других людей к себе. Кроме того, ее использование может быть ограничено следующими критериями:

- возрастной диапазон ее применения 14–65 годами;
- показатель вербального интеллекта обследуемого на момент обследования должен быть не менее 85 баллов по шкале IQ;
- обследуемый должен иметь опыт взаимодействия с окружающими людьми не менее полугода.

Сформулируем основные выводы:

1. Разработанный комплекс пунктов статистически достоверно группируется в три вида шкал (факторов):

- а) воспринимаемую субъектом социальную поддержку;
- б) самооценку эффективности взаимодействия;
- в) влияние на социальное окружение.

2. Наиболее устойчивым к ошибкам измерения является вариант опросника с однородной (неиерархической) структурой компонент.

2. Дискриминантная валидность опросника. Оценка данных видов валидности проводилась с помощью опросников измеряющих смежные феномены — социальную поддержку и доверие к окружающим. Использовался следующий инструментарий:

1. Многомерная шкала восприятия социальной поддержки (The Multidimensional Scale of Perceived Social Support — MSPSS) (в адаптации В. А. Кузнецова, Г. С. Пушкарева, Е. И. Ярославской)¹. Опросник измеряет воспринимаемую субъектом поддержку социального окружения и дифференцирует ее в зависимости от предоставляющего субъекта — близкого человека, друзей и членов семьи (родственников).

2. Оценка самооценки методом Дембо-Рубинштейн. Применялся модифицированный нами вариант, предполагающий оценку субъектом себя в контексте четырех ситуаций взаимодействия (в семье, с друзьями, в коллективе, с незнакомыми людьми). Рассматривался суммарный балл, объединяющий оценку четырех показателей (α -Кронбаха = 0,89).

Выборка исследования формировалась из числа лиц, обучающихся на 1–4 курсах юридического и психологического факультетов Уральского государственного педагогического университета. Возраст обследуемых — 17–20 лет, (68 % — женщины). Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 7.

Таблица 7 — Корреляция показателей шкал социального взаимодействия с социально-психологическими переменными (n = 112, p < 0,05)

Показатели методики оценки социального взаимодействия	Методики оценки восприятия и самооценки			
	Многомерная шкала восприятия социальной поддержки (MSPSS)			Самооценка (Дембо-Рубинштейн)
	Близкий человек	Семья	Друзья	
Восприятие социальной поддержки	0,31	0,32	0,30	0,44
Самооценка взаимодействия	0,23	0,22	0,22	0,57
Управление взаимодействием	0,18	0,19	0,10	0,32

Результаты свидетельствуют о связи показателей опросника с показателями ожидаемой социальной поддержки, а также уровнем самооценки во взаимодействии с окружающими людьми. Шкалы опросника

¹ Кузнецов В. А. Пушкарев Г. С. Ярославская Е. И. Надежность и валидность русскоязычной версии многомерной шкалы восприятия социальной поддержки (MSPSS) // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 41. С. 10.

характеризуют атрибуцию помощи и поддержки, однако не могут различать субъектов, которые ее оказывают. Показатель оценки эффективности взаимодействия с окружающими предсказуемо связан с показателем самооценки, измеренным методом Дембо-Рубинштейн. Это подтверждает возможность шкалы измерять и оценивать один из аспектов самооценки — способность быть эффективным во взаимодействии с окружающими.

Подводя итоги исследования валидности шкал отметим, что полученный комплекс корреляций между ними и внешними опросниками подтверждает их способность к измерению субъективных представлений о взаимодействии.

Конвергентная валидность опросника. Образное восприятие отношений с социальным окружением входит в представление личности о социальном пространстве. Данный образ включает в себя людей, с которыми взаимодействует субъект, социальные группы, в которые он включен. Изучение отношений между образом социального взаимодействия и его параметрическим описанием позволяет проверить конвергентную валидность методики.

О конвергентной валидности должна свидетельствовать схожесть образного и параметрического описаний представления личности о социальном пространстве. Для ее проверки был проведен рисуночный идеографический тест на тему методика «Я и мое окружение», нацеленный на изучение субъективного представления об отношениях личности с социальным окружением.

Применение такого метода репрезентации обосновано концепциями «социальных сетей» и «ментальных карт», утверждающих способность человека представлять взаимодействие с социальным окружением в виде системы связей и отношений (описания методов представлены в главе 2 данной монографии).

Следует отметить, что рисуночный метод основывается на идеографической методологии измерения, а параметрический метод — на основе номотетического.

Рисуночный метод предполагает, что обследуемый произвольно воссоздает на листе бумаги свои отношения с социальным окружением. Рисуя, он конструирует образ социального окружения, включая в него определенных людей, группы и сообщества. Ограничением метода выступает неполнота охвата социального окружения из-за внимания к конкретным людям и группам, представляющим для него интерес. Рисунки репрезентируют контактное взаимодействие обследо-

емого с близкими, друзьями и упускают формальные социальные связи — с сотрудниками, руководителями и др.

Параметрический метод, реализованный в исследовании в форме самоотчета, уже содержит категории для оценки социального взаимодействия. Обследуемый оценивает взаимодействие с окружающими, используя предложенные категории и шкалы оценки. Недостатком данного метода выступает высокая степень обобщения картины взаимодействия, приводящая к тому, что обследуемый смешивает в единое целое свои отношения, оценки, мнения по поводу разных людей и социальных групп.

Таким образом, и рисуночный и параметрический метод обладают недостатками, отчасти компенсируемыми друг другом. Графический метод позволяет детализировать области взаимодействия, а параметрический — полностью описать характер данного взаимодействия, оценивая наиболее важные его параметры.

Вследствие сказанного, выяснение отношений между двумя методами оценки обладает не только способом валидации, но и имеет методологическое значение. Отсутствие каких-либо отношений между ними может свидетельствовать о непригодности одного из методов к исследованию субъективной картины взаимодействия личности с социальным окружением. Проверка этого вопроса также проведена в нашем исследовании.

Целью исследования выступало изучение отношений между параметрическим и образным методами репрезентации социального взаимодействия.

Процедура исследования заключалась в рисовании людей и групп, образующих социальное окружение личности. Для рисования использовался чистый лист бумаги с отмеченной позицией центра. После рисования людей и групп обследуемые характеризовали каждый нарисованный элемент по трем параметрам:

— уровень *поддержки*, воспринимаемой субъектом при взаимодействии (например, их помощью в трудных ситуациях);

— состояние *самочувствия* при взаимодействии с этими людьми и группами (например, хорошего настроения, удовлетворенности),

— возможностей субъекта *влиять* на поведения этих людей и групп (например, предложить определенную деятельность, организовать взаимодействие, совместно достичь цели).

Описание этих характеристик проводилось в форме оценивания. Обследуемым необходимо было указать уровень воспринимаемой

поддержки, своего самочувствия и возможностей влияния. Использовалась пятибалльная шкала оценки, где «1» — символизировало минимальные значения поддержки, самооценки и влияния, а «5» — максимальные. После проведения рисования обследуемые заполняли бланк опросника, оценивающего социальное взаимодействие параметрическим способом.

Методом обработки данных выступали:

1. Категориальный контент-анализ рисунка, в котором изучались показатели:

— количество объектов (людей и групп), отмеченных субъектом в социальном окружении;

— оценка поддержки, самочувствия и влияния, воспринимаемые субъектом при взаимодействии с этими группами.

2. Оценка шкал опросника социального взаимодействия, характеризующего поддержку социального окружения, самооценку во взаимодействии с ними, возможность управления взаимодействием.

Методом тестирования гипотезы о связи графических и параметрических характеристик представления о социальном взаимодействии выступил корреляционный анализ (по Спирмену). Его применение обосновано несоответствием распределения параметров нормальному закону, а также то, что большой объем выборки не позволил применить более чувствительные критерии оценки статистической связи.

Выборкой исследования выступала группа из 215 студентов, обучающихся на первом курсе гуманитарного университета, по программам высшего образования юридической и психологической направленности. Средний возраст опрошенных = 18,7 лет, 47 % из них — мужчины.

Результаты исследования.

В исследовании было получено 215 графических образов взаимодействия. Они были упорядочены по критериям: а) количества областей взаимодействия и б) уровня воспринимаемой социальной поддержки, самочувствия и способности оказывать влияние. Результаты применения этих критериев и количественная оценка по ним представлены в таблице 8.

В целом, среднее количество выделяемых областей взаимодействия составляет 4,4 единицы ($SD = 1,57$). Типичными областями взаимодействия выступают семейные взаимоотношения (81,2 %) и учебная деятельность (87,4 %). Значительную часть составляют области неформального взаимодействия: дружеское (70,6 %), досуговое (40,1 %), интимное (17,2 %). Из полученных результатов следуют выводы о том, что:

Таблица 8 — Характеристики графического образа взаимодействия с социальным окружением ($n = 215$)

№ п/п	Области взаимодействия	Кол-во указаний, их доля от общего числа %		Характеристики взаимодействия					
				Поддержка		Самочувствие		Влияние	
				<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
1	Семейные	175	81,2	4,7	0,61	4,4	0,87	4,8	0,58
2	Учебные	188	87,4	3,3	1,14	3,3	1,14	3,4	1,11
3	Дружеские	152	70,6	4,6	0,78	4,1	0,9	4,3	0,82
4	Досуговые	86	40,1	4,17	0,96	3,74	1,28	3,78	1,2
5	Интимные	37	17,2	4,8	0,51	4,5	0,71	4,8	0,5
6	Случайные	30	13,2	3,72	0,96	3,07	1,10	3,14	1,03
Всего: 215, ср. кол-во: 4,4, <i>SD</i> = 1,57				4,31	0,51	3,93	0,71	4,03	0,67

Примечание: *M*- среднее значение, *SD* — стандартное отклонение; наименование областей приведено исходя из описаний в рисунках, доля в % превышает 100 % поскольку обследуемые могли указывать несколько видов взаимодействия.

— метод графической репрезентации взаимодействия позволяет охарактеризовать области взаимодействия личности с социальным окружением. Структура рисунков типична: области и отношения личности с социальным окружением совпадают у 80 % опрошенных, что свидетельствует о совпадении видов взаимодействий у данной группы опрошенных;

— указываемые в рисунках области реконструируют образ студенческой жизни. Наиболее свойственными ему видами взаимодействия являются учебная деятельность, а также связи с членами семьи. Области неформального взаимодействия представлены дружеским, досуговым и интимным взаимодействием;

— все взаимодействия соотнесены с конкретными социальными структурами (семейной, учебной и др.). Доля неструктурированных взаимодействий (отнесенных к категории «случайные») составляет 13,2 %. Репрезентация взаимодействий в социальных структурах предполагает, что опрошенные воспринимают себя и других, исходя из их позиции в структуре, а также функций и ролей, которые эти структуры предписывают своим участникам;

— представлению личности о взаимодействии с социальным окружением характерен высокий уровень атрибуции поддержки, самочувствия и способности оказывать влияние.

Преобладающая часть взаимодействия описывается опрошенными нами респондентами позитивно, некоторые негативные оценки присваиваются отдельным людям либо группам и характеризуют локальные проблемы взаимодействия.

В целом, представленное на рисунках социальное взаимодействие характеризуется уверенностью в получении помощи и поддержки, положительным самочувствием и удовлетворенностью взаимодействием. Высокие значения присваиваются семейным, дружеским и интимным областям взаимодействия. Наименьшие оценки даются взаимодействиям в учебной, досуговой областях, а также взаимодействиям, отнесенным к категории «случайные».

Различия в оценках между этими взаимодействиями обусловлены, по нашему мнению, двумя факторами:

1. Ожиданиями действий от участников взаимодействия объясняется их позиция в социальной структуре (например, ожидание поддержки от членов семьи и друзей объясняется отнесением этих людей к категории семьи и друзей). Данная гипотеза объясняет также низкий уровень ожидаемой поддержки от незнакомых людей (относимых к категории «случайного» взаимодействия).

2. Реальными поступками и действиями участников в отношении личности. Из полученных результатов видно, что в ситуациях учебной деятельности, досуговом взаимодействии атрибуция поддержки, самочувствия и влияния снижена. В учебе и досуге участники исследования не получают ожидаемой ими от окружающих поддержки. Как следствие, разница между ожиданием и результатами негативно влияет на восприятие человеком своего взаимодействия с социальным окружением.

Подводя итоги, отметим, что методом рисунка нами были описаны базовые виды взаимодействия личности с социальным окружением и установлены его типовые характеристики. Анализ показал, что взаимодействие репрезентируется личностью посредством указания социальных структур, к которым оно может быть отнесено. Параметры поддержки, самочувствия и способности к влиянию на окружающих, приписываются всем участникам взаимодействия, однако их уровень варьируется.

Видя, что графические образы адекватно и полно описывают взаимодействие, мы соотнесли их с параметрами самоотчета, оценивающего характеристики социального взаимодействия. С этой целью между показателями графического и параметрического представлений социального взаимодействия был рассчитан коэффициент корреляции R-Спирмена (см. табл. 9).

В таблице представлены результаты корреляционного анализа отношений между двумя способами репрезентации социального

взаимодействия — образного и параметрического. Следует отметить, что данные методы построены на разных теоретических основаниях, выражающихся в разном представлении предмета оценивания.

Коэффициенты корреляции показывают наличие связи между показателями методики, что свидетельствует о пригодности данных методов для изучения представления личности о социальном взаимодействии а также об их конвергентной валидности по отношению друг к другу.

Таблица 9 — Связи показателей образного и параметрического методов измерения представлений личности о социальном взаимодействии (n = 212)

Показатели параметрического представления	Характеристики графического представления			
	Кол-во элементов	Самочувствие	Влияние	Поддержка
Восприятие социальной поддержки	-0,19	0,17	0,19	0,26
Самооценка взаимодействия	-0,15	0,22	0,16	0,17
Управление взаимодействием	0,20		0,14	

Примечание: приведены корреляционные коэффициенты с уровнем значимости выше $p < 0,05$.

Рассматривая результаты корреляционного анализа, опишем значение полученных связей.

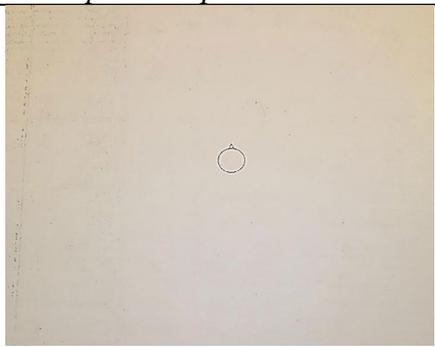
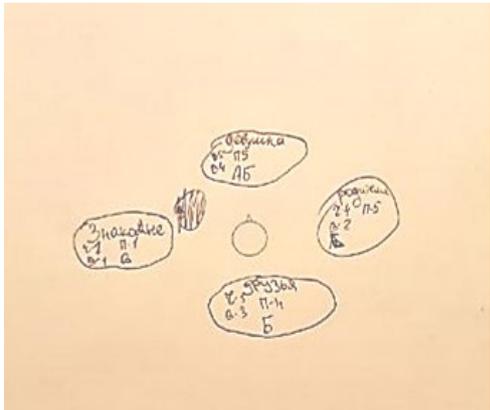
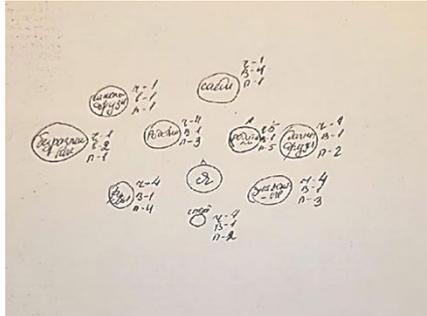
1. Показатель «Количество элементов» характеризует количество людей и социальных групп, указываемых обследуемыми в системе социального взаимодействия (Среднее значение показателя по выборке составляет 4,4). Изменение количества элементов положительно связано с возможностью личности управлять своим взаимодействием и отрицательно — с показателями воспринимаемой поддержки и самооценки взаимодействия. Эти связи подтверждают предположение о влиянии оценки взаимодействия на включение человека или группы в систему взаимодействия.

По-видимому, опрошенные нами студенты описывают свое взаимодействие лишь с теми, кто способен помогать им и поддерживать, а также тех, общение с которыми приносит радость и удовлетворение. Людей, чьи действия негативно влияют на них — затрудняют или мешают, ухудшают самочувствие — опрошенные не включают в свое социальное окружение. Соответственно, рисуночный метод измерения социальных отношений личности может некорректно отображать долю лиц и групп, взаимодействие с которыми негативно оценивается человеком.

В то же время показатель «Управление взаимодействием» положительно коррелирует с описанием элементов социального взаимодействия. Способность управлять, то есть контролировать, регулировать поведение других людей и групп, повышает вероятность их описания в системе социального взаимодействия. Неуправляемость и бесконтрольность социального окружения приводит к тому, что опрошенные не указывают их в числе своего социального окружения.

Для иллюстрации в табл. 10 приведены отношения между образным представлением социального взаимодействия и его параметрическим описанием, полученным путем заполнения самоотчета.

Таблица 10 — Сопоставление характеристик образного и параметрического методов представления взаимодействия личности с социальным окружением

	<i>Образное представление</i>	<i>Описание</i>
1		<p>Характеристики рисунка: Не представлены области взаимодействия и не охарактеризованы отношения с социальным окружением</p> <p>Параметрическая оценка: Низкая оценка социальной поддержки, высокая самооценка эффективности взаимодействия, слабая возможность управлять социальным окружением</p>
2		<p>Характеристики рисунка: Описаны четыре области взаимодействия: семейная, интимная и две неформальные, различающиеся на дружеские и межличностные отношения. Отношения в семейной и интимной областях характеризуются наибольшим уровнем поддержки, а в неформальных — наименьшим</p> <p>Параметрическая оценка: Низкая оценка социальной поддержки и самооценки эффективности собственного взаимодействия с окружающими. Средние оценки возможности управлять социальным окружением</p>
3		<p>Характеристики рисунка: Описаны девять областей социального взаимодействия: учебную, спортивную, досуговую и интимную сферы.</p> <p>Отношения в каждой области различаются по уровню поддержки людей, оценки эффективности взаимодействия с ними</p> <p>Параметры взаимодействия: Средние значения воспринимаемой социальной поддержки, собственной оценки эффективности и способности управлять социальным окружением</p>

Завершая обсуждение, отметим, что связи показателя «Количество элементов» рисуночной методики и параметрических показателей самоотчета в целом подтверждают ранее сформулированное нами предположение об избирательности графического способа репрезентации социального взаимодействия.

2. Получены статистически значимые корреляционные связи между показателями образного и параметрического представления.

Показатель «*Восприятие социальной поддержки*» положительно коррелирует с показателями самочувствия ($R = 0,17$, $p < 0,05$), влияния ($R = 0,19$, $p < 0,01$) и поддержки ($R = 0,26$, $p < 0,001$), полученными из методики образного представления. Эти связи подтверждают способность шкалы, во-первых, измерять представление личности о помощи и поддержке окружающих, во-вторых, демонстрирует связь с другими характеристиками взаимодействия — самочувствия и влияния.

Данные выводы поддержаны эмпирическими исследованиями воспринимаемой социальной поддержки, выполненными зарубежными авторами. К примеру, в модели социальной поддержки и копинга, предложенной К. Хеллер и Б. Лейки, вероятность получения поддержки зависит от четырех параметров, среди которых упоминается структура социальных связей между друзьями¹. Изучая причины подростковой агрессивности, Х. Самадифарт и Д. Е. Садри приходят к выводу о том, что воспринимаемая социальная поддержка и социальное принятие являются важными факторами, влияющими на возникновение или отсутствие агрессии подростков². Используя множественный регрессионный анализ для предсказания агрессии, они сообщают о 64 % доле реакций, объясняемых недостаточной поддержкой окружающих и их отказом в помощи.

Показатель «*Самооценка взаимодействия*» положительно коррелирует с показателями графической методики: самочувствия ($R = 0,22$, $p < 0,001$), влияния ($R = 0,16$, $p < 0,05$) и поддержки ($R = 0,17$, $p < 0,01$).

Высокие корреляции с показателем самочувствия объясняются совпадением предмета оценивания и свидетельствуют о способности

---

¹ Heller K., Lakey B. Perceived Support and Social Interaction Among Friends and Confidants // Social Support: Theory, Research and Applications. Springer, Dordrecht. 1985. Pp. 287-289.

² Samadifard H. R., Sadri D. E. The relationship between perception of social interaction, perceived social support and social acceptance with aggression among adolescents // Journal Research Health. 2018. № 8 (1). Pp. 38–46.

данной шкалы измерять отношение личности к собственным действиям через призму отношения окружающих.

Считая данную оценку «отраженной», зарубежные исследователи указывают в качестве источников ее формирования мнение окружающих людей о соответствии действий человека его социальной позиции¹, а также собственное мнение относительно эффективности действий². Полученные нами связи соответствуют их идеям о возникновении самооценки, однако расширяют их взгляды, поскольку показывают, что самооценка не просто является медиатором социальной информации³, но и, как мы видим, участвует в построении образа социального взаимодействия.

Показатель «Управление взаимодействием» коррелирует только с одним показателем графической методики — оказываемым личностью влиянием на социальное окружение. Наличие связи между ними свидетельствует о валидности данного показателя его предназначению — измерению убеждения личности о способности влиять на свое социальное окружение, управлять отношениями, изменять и перестраивать существующие взаимоотношения.

Подводя итоги изучения отношений между параметрическим и образным методами репрезентации социального взаимодействия, сформулируем основные выводы.

1. Полученные корреляционные связи свидетельствуют о конвергентной валидности параметрического метода изучения социального взаимодействия. Шкалы воспринимаемой социальной поддержки, самооценки взаимодействия и управления взаимодействием статистически значимо связаны с соответствующими им по значению показателями.

2. Методологическим значением корреляционных связей является подтверждение гипотезы о соответствии образного и параметрического методов измерения представления личности о социальном взаимодействии. Принадлежащие к разным методологическим подходам — идеографическому и номотетическому — результаты этих методик могут

---

¹ Jaret C., Reitzes D.C., Shapkin A. N. Reflected Appraisals and Self-Esteem // Sociological Perspectives. 2005. № 48(3). Pp. 403-419.

² Hu C., Yue C., He H., Yang D. (2014). Relationship among self-appraisals, others' actual appraisals and reflected appraisals on the teachers' teaching ability of normal college students // Psychology of Educational Development. № 30. Pp. 520–526.

³ Asencio E. K. Self-Esteem, Reflected Appraisals, and Self-Views: Examining Criminal and Worker Identities. // Social Psychology Quarterly. 2013. № 76(4). Pp. 291–313.

быть соотнесены друг с другом при изучении социального взаимодействия. В частности, параметрическая оценка социального взаимодействия способна объяснить конфигурацию образа социального пространства: малое количество элементов, отсутствие некоторых областей взаимодействия, присущее слабой поддержке, низкой самооценке и неспособности управлять взаимодействием с окружающими.

Образная оценка социального взаимодействия способна объяснить средние значения показателей поддержки и эффективности взаимодействия наличием неструктурированных социальных взаимоотношений, наличием в социальном пространстве гетерогенных социальных структур.

3. Представление о социальном взаимодействии может быть изучено путем оценки личностью помощи и поддержки окружающих, самооценкой взаимодействия с ними, а также своей способностью управлять взаимодействием.

Полученные результаты обогащают и расширяют знания о том, как люди представляют себе систему своего взаимодействия с социальным окружением.

4. Особенности представлений личности о социальной поддержке, самооценке взаимодействия и влияния на социальное окружение в разных условиях социальной регламентации.

Изучение свойства методики оценивать восприятие социальных условий жизнедеятельности проводилось путем сопоставления выборок трудящихся, обучающихся и лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Предполагалось, что условия трудовой деятельности, обучения и отбывания наказания отличаются регламентацией социального взаимодействия. Под регламентацией понимались социальные условия, регулирующие взаимодействие людей посредством предписания им видов и способов деятельности, а также ограничений во взаимоотношениях и взаимодействии.

Существенная регламентация жизнедеятельности присуща учреждениям исправительной, военизированной, правоохранительной, образовательной направленности. К примеру, в исправительных учреждениях ФСИН России регламентация взаимодействия выражаются в ограничении лиц, с которыми может общаться отбывающий наказание, видами деятельности, которой он может заниматься, периодичности встреч и их длительности. В психологических исследованиях восприятие регламентации описывается понятиями *«пенитенциарный*

стресс»¹, «личностная дезадаптация»² «подчинительно-бездеятельностное поведение»³, раскрывающими влияние регламентации взаимодействия на отношение осужденных к себе, окружающим и обществу. В большинстве из них отмечаются присущие осужденным переживания одиночества, изоляции и беспомощности.

Другой вид регламентации взаимодействия характерен для образовательных организаций, готовящих специалистов для сферы обороны и правоохранительной деятельности. Распорядок учебного дня подобных организаций предполагает постоянное вовлечение обучающихся в учебную и служебную деятельность. Время для личных нужд, как правило, выделяется в завершении дня, вечером, но оно занято бытовыми хлопотами и подготовкой к следующему учебному дню. Помимо учебной работы, обучающиеся привлекаются к служебной деятельности (хозяйственному обеспечению и техническому обслуживанию образовательных организаций, охране общественного порядка). Интенсивная и разнообразная деятельность ограничивает самостоятельность курсантов и слушателей, существенно сужая возможности взаимодействия внутри образовательной организации и за ее пределами.

Психолого-педагогические исследования описывают трудности адаптации студентов к этим условиям в вузах Министерства обороны⁴, правоохранительных органов⁵, системы ФСИН России⁶. Условия образовательной среды заставляют обучающихся корректировать собственные ценности, мировоззрение и самооценку, перестраивать модели

---

¹ Чирков А. М. Пенитенциарный стресс // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 4 (8). С. 47–55.

² Ларина Т. Н., Волков А. А. Психологическая деформация смысловой сферы юношей, находящихся в условиях следственного изолятора (СИЗО) // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5, № 1. С. 60–67.

³ Рогач В. Г. Психология переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы на разных этапах отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 70–75.

⁴ Камышев А. А. Современные проблемы адаптации курсантов к обучению в высшем военном учебном заведении [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5709 (дата обращения: 21.09.2020).

⁵ Рябова М. Г., Отраднава А. С. Индивидуально-психологические особенности курсантов в процессе адаптации к образовательной среде вуза МВД России // Педагогическое образование в России. 2016. № 6. С. 206–210.

⁶ Ивашко Н. Н. Адаптация курсантов к образовательной среде вуза ФСИН России: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2009. 20 с.

поведения¹. Следует предполагать, что трудности, вызванные ограничениями образовательной среды, рассматриваются препятствием во взаимодействии с окружающими.

Для проверки способности методики дифференцировать лиц, находящихся в разных условиях социальной регламентации жизнедеятельности, нами была собрана выборка лиц, занятых трудовой деятельностью в различных социальных сферах (рабочие, государственные служащие). Нами предполагалось, что эта категория людей находится в наименее регламентированных условиях, не ограничивающих общение и кооперацию, позволяющих удовлетворять потребности.

Выборка исследования:

1) *отбывающие наказание* ($n = 195$) — осужденные решением суда и находящиеся в исправительных учреждениях УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области;

2) *обучающиеся* ($n = 209$) — студенты образовательных организаций, подведомственных правоохранительным органам;

3) *трудящиеся* ($n = 215$) — рабочие и служащие, занимающиеся трудовой деятельностью.

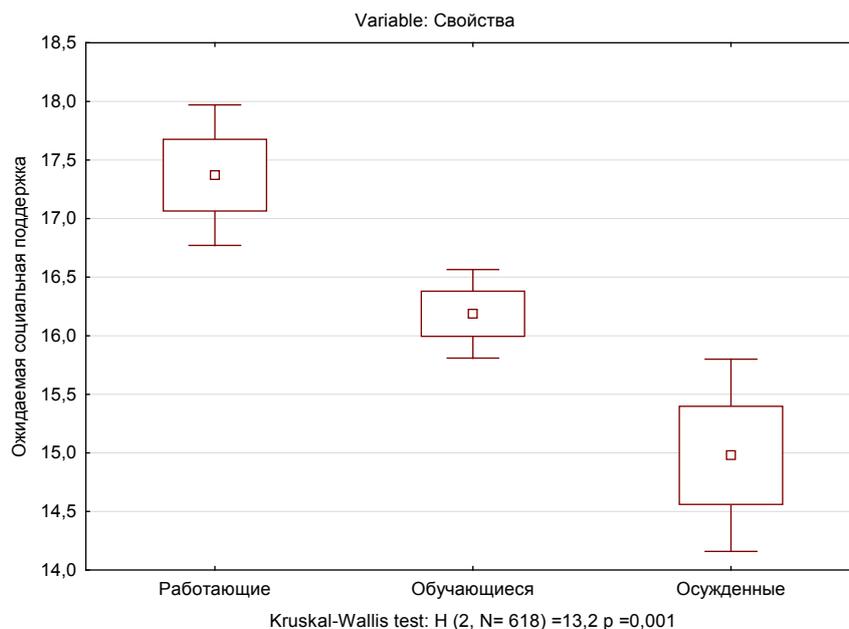
Выборки сбалансированы по возрасту (ср. знач. = 19,2 лет, SD = 1,2) и полу (во всех выборках доля мужчин составляет 40–45 %).

Метод обработки данных. В каждой из выборок было проведено анкетирование комплексом шкал опросника. Результаты измерений сопоставлялись посредством Н-критерия Краскела-Уоллиса. Его выбор обусловлен, во-первых, гетерогенностью распределения значений по шкалам, препятствующим использованию однофакторного дисперсионного анализа, во-вторых, наличием трех групп для сравнения, т. е. исключая применение U-критерия Мана-Уитни. Вместе с тем, данный критерий позволяет сравнивать средние значения и медианы между несколькими группами, оценивая неслучайность различий между ними. Полученные результаты представлены на рис. 2, 3, 4).

Наибольшие и статистически значимые различия в представлении о социальном взаимодействии в обследованных нами группах сосредоточены в области ожидаемой социальной поддержки (рис. 2) и самооценки способности управлять социальным взаимодействием (рис. 3).

---

¹ Земцова Е. М. Адаптация курсантов к обучению в военном вузе средствами пропедевтического курса физики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2004. 21 с.

Рисунок 2. Различия в оценке социальной поддержки в условиях регламентации

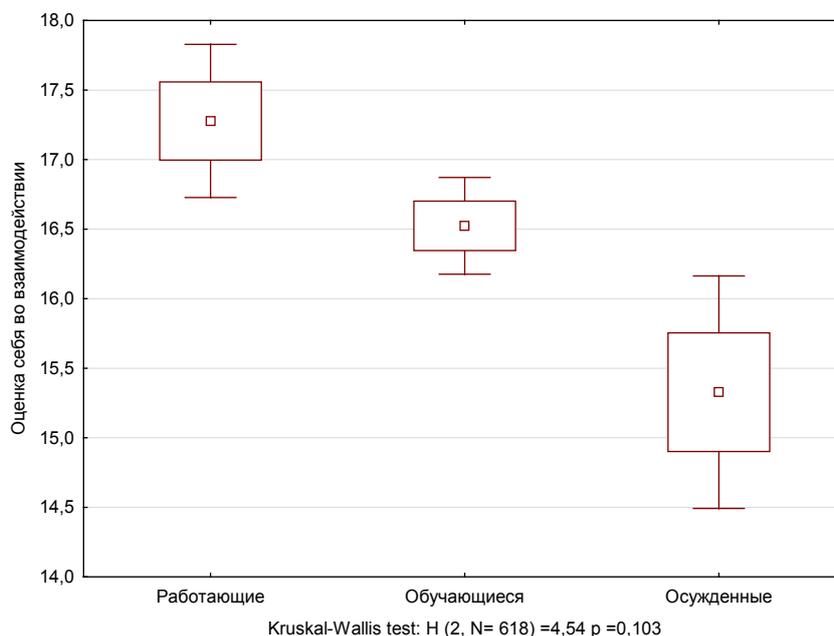
1. Шкала восприятия социальной поддержки (рис. 1) демонстрирует способность к дифференциации лиц, находящихся в разных условиях регламентации взаимодействия. Различия в средних значениях между группами соответствуют теоретическим описаниям сложностей во взаимодействии.

2. Группа работающих и служащих атрибутирует социальное окружение поддерживающим и одобряющим, а группа осужденных — затрудняющим и мешающим. Можно полагать, что применение данной шкалы позволяет изучать и оценивать представления об отношении окружающих людей к субъекту, их готовности помогать и поддерживать.

3. Шкала оценки эффективности взаимодействия. Изучение представлений об эффективности взаимодействии с окружающими людьми проводится нами через обращение к самооценке действий. Обследуемые оценивают себя в терминах эффективности — последовательности, точности, правильности, результативности действий. Рассматривая эти оценки, даваемые людьми, находящимися в разных социальных условиях (рис. 2), можно видеть различия в самооценке эффективности.

Статистически самооценка взаимодействия различается в группах работающих и осужденных (Kruskal-Wallis test: $H_{(1, N = 423)} = 4,52$, $p = 0,03$), но не различается в группах обучающихся и отбывающих наказание (Kruskal-Wallis test: $H_{(1, N = 303)} = 2,93$ $p = 0,08$). Объяснение

этому видится во влиянии социальных условий, ограничивающих отдельные виды взаимодействия, отбывающим наказание и предписывающих определенные виды деятельности обучающимся.

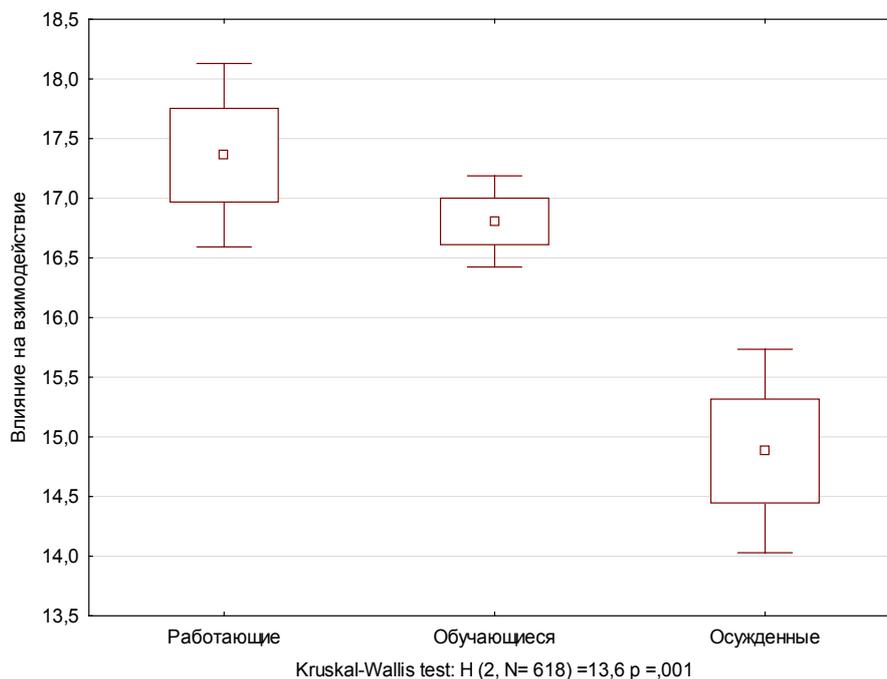
Рисунок 3. Различия в самооценке эффективности взаимодействия с окружающими в условиях социальной регламентации

Несмотря на различия социальных условий, их влияние выражается в снижении самооценки взаимодействия. Наименьшую оценку своей эффективности дают осужденные, среднюю — обучающиеся, высшую — работающие и служащие. Анализируя содержание высказываний видно, что у осужденных преобладают суждения о непоследовательности, неточности, ошибочности действий, а у рабочих и служащих большинство оценок описывает взаимодействие последовательным, правильным и точным.

Завершая обсуждение данной шкалы, отметим, что оценка эффективности собственных действий различается в условиях социальной регламентации взаимодействия. Это свидетельствует о валидности шкалы не только для измерения аспектов самооценки, но и условий взаимодействия, в которых личность по независящим от нее обстоятельствам демонстрирует разную эффективность действий.

2. Шкала влияния на взаимодействие с окружающими обращена к субъективным представлениям личности о возможности создавать, развивать и изменять отношения с другими людьми. Как отмечал Н. Н. Обозов, будучи разнообразными по глубине и функциям, отношения расширяют социальные возможности личности и, вместе с тем,

налагают на нее определенные обязательства¹. Способность устанавливать отношения и регулировать их — важная социальная способность, от которой зависят возможности и обязательства личности.

Рисунок 4. Различия в оценке способности управлять взаимодействием в условиях регламентации

Тестирование шкалы методом сопоставления выборок, находящихся в разных социальных условиях, показывает перспективы ее применения для изучения представлений о взаимодействии. В частности, на рисунке 4 представлены статистически значимые различия между группами работающих и обучающихся по сравнению с группой осужденных. Объяснить данный результат можно тем, что осужденные не стараются влиять на свои отношения с окружающими. Участники групп из числа работающих и студентов перестраивают отношения, планируют и думают об их развитии и изменении. Полученные различия между группами показывают возможности шкалы к изучению субъективного влияния на взаимоотношения с окружающими. Можно заключить, что шкала пригодна для оценки представлений личности относительно создания и развития отношений. Конечно, она не способна различить виды отношений, не может характеризовать их более подробно. Вместе с тем, она позволяет измерять представления субъекта о своем влиянии на окружающих и возможности управлять отношениями с ними.

¹ Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений. Киев: Наука, 2006. 191 с.

Выводы параграфа.

1. Разработана методика диагностики представления личности о социальном пространстве, измеряющая три параметра взаимодействия с социальным окружением:

- а) воспринимаемую человеком поддержку социального окружения;
- б) самооценку во взаимодействии с социальным окружением;
- в) влиянии личности на взаимодействие с окружающими.

2. Анализ структуры пунктов, шкал и отношений между шкалами показывает удовлетворительную согласованность и связность компонент опросника. Связи между шкалами устойчивы — они воспроизводятся у мужчин и женщин, подростков и молодежи, находящихся в разных социальных условиях регламентации взаимодействия. Все это свидетельствует о приемлемой надежности измерения.

3. Конструктивная валидность обоснована наличием связей с близкими по значению опросниками — ожидаемой социальной поддержки и самооценки. В пользу конструктивной валидности свидетельствуют измерения представления о взаимодействии в условиях его социальной регламентации.

4. Методика может применяться для изучения представления о социальном взаимодействии у мужчин и женщин в возрасте от 14 до 70 лет, относимых к разным социальным, профессиональным группам.

3.2. Разработка методики исследования представления личности о стратегиях социального влияния

В параграфе обсуждаются субъективные представления о стратегиях влияния, используемых людьми в ситуациях социального взаимодействия. Интерес к теме обусловлен противоречивыми и неполными научными знаниями о стратегиях влияния, задействующих статусно-структурные характеристики индивида.

Проблема, лежащая в основе исследования, заключается в том, что под средствами влияния в психологической науке, как правило, понимаются индивидуальные особенности оказывать влияние на других людей. Соответственно, влияние рассматривается преимущественно в контексте межличностных отношений, и изучается через призму коммуникативных способностей, харизмы, опыта и других индивидуальных характеристик субъекта.

Социально-структурный контекст взаимодействия собеседников зачастую не принимается во внимание. Вместе с тем, статус, социальная роль, отношения внутри социальных структур (семейных, трудовых,

неофициальных) обладают потенциалом воздействия. Их влияние может быть более сильным, чем способность субъекта убеждать или внушать. Выбор стратегий влияния, основанных на использовании структурно-функциональных характеристик объекта, слабо изучен в социальной психологии, несмотря на то, что исследования социальных структур и возможностей их влияния проводятся в социологии и социальной психологии с начала 40-х годов XX века.

Одним из первых о влиянии статусных характеристик на поведение людей писал К. Левин. Рассуждая о способности взрослого изменять поведение детей в своем присутствии, он применяет понятие «поле власти». Способности к власти зависят от характеристик поля, в котором происходит взаимодействие людей. Поэтому, изучение взаимодействия людей должно учитывать роль жизненного пространства личности — малых групп, участником которых является человек; знаний, которыми обмениваются их участники; влияния, которое они оказывают друг на друга¹. В дальнейшем, сторонники этого подхода продолжили разрабатывать идеи социальной власти, рассматривая их на уровне взаимоотношений групп внутри общества. Однако идеи теории поля применимы и на уровне межличностного взаимодействия людей, поскольку учитывают множественность и неоднородность влияния, оказываемого разными социальными группами, сообществ на их отношения².

В рамках параграфа обсуждаются теоретические предпосылки и методология изучения представлений личности об использовании стратегий социального влияния. Описывается традиционная модель исследования межличностного влияния, а также стратегии влияния, обусловленные социально-структурным взаимодействием. Представляются этапы разработки нового опросника, изучающего предпочтение субъектом стратегий социального влияния, представляются сведения о его надежности и валидности.

Цель исследования — изучение субъективных предпочтений в выборе стратегий социального влияния.

Теоретические представления о социальном влиянии. В социальной психологии изучение влияния основано на двух видах методологии — психологической и социологической. Несмотря на то, что

---

¹ Bargal, D. Personal and intellectual influences leading to Lewin's paradigm of action research // Action Research. 2006, № 4. Pp. 367–388.

² Martin J. L. What is field theory? American Journal of Sociology, 2003. № 109(1). Pp. 1–49.

методологии исследования социального влияния опираются на разные теоретические положения, их синтез может расширить научное знание о стратегиях влияния, позволит глубже понять причины их выбора субъектами.

Психологические исследования социального влияния.

В настоящее время в психологической науке сформировались две области исследования социального влияния — свойстве оказывать влияние на окружающих и свойстве, показывающем подверженность влиянию. В каждой из областей представлено несколько предметов исследования.

В первой области исследования способность к влиянию представляется через различные свойства и качества личности — авторитетности¹, популярности и влияния лидера², обаяния³. Во второй области исследования способность личности подвергаться влиянию рассматривается через свойства внушаемости⁴, конформности⁵, дисциплинированности⁶, повинности⁷, приверженности⁸.

Анализируя данные области, можно прийти к выводу, что влияние определяют в терминах, относимых к разным уровням организации личности — индивидуально-типологическим особенностям, социально-психологическим качествам. К тому же, влияние рассматривается

---

¹ Stepkin Y. P. Social psychology of the phenomenon of personal authority // Psychology in Education. 2019. № 1. Pp. 249-257.

² Шахназарян Н. В. Социально-психологические и личностные характеристики лидеров студенческих групп: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1984. 21 с.

³ Агеичева О. И. Оценка обаяния телеведущего телезрителями с разными личностными качествами: автореферат дис. канд. психол. наук: 19.00.05. М.: Моск. гуманитар, ун-т, 2007. 25 с.

⁴ Бакеев В. А. Исследование внушаемости в общей структуре личности // Вопросы внушающего воздействия в педагогике. Пермь, 1972, т. 88, С. 26–46.

⁵ Чудновский В. Э. О некоторых исследованиях конформизма в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 164–173.

⁶ Прядеин В. П., Воротникова Н. В., Дорфман Л. Я., Лядов В. Н. Определение и измерение дисциплинированности: теоретические предпосылки, психометрические и эмпирические свидетельства // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2015. № 1. С. 126–144.

⁷ Ершова Р. В. «Повинность» как предмет социально-психологического исследования (повторение эксперимента А. Поскоцила в России) // Современная экспериментальная психология / под ред. В. А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2011. Т. 2. С. 417–427.

⁸ Чернякевич Е. Ю. Приверженность организации как ценностно-нравственная установка личности: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / РГБ. М., 2010.

в конкретных ситуациях социального взаимодействия, что с одной стороны расширяет область его изучения, а с другой стороны — способствует накоплению противоречий между его концептуализациями.

К настоящему времени психологические исследования охватывают широкий диапазон ситуаций влияния, обращаются к их последствиям. Известны исследования информационного влияния и его социально-политических эффектов (Е. Л. Доценко¹, Ю. А. Ермаков²), межличностного влияния и его последствий (Е. В. Сидоренко³, С. А. Хаслам⁴), влиянии группы на индивида (Г. М. Андреева, А. В. Петровский, В. Э. Чудновский) и индивида на группу (А. Л. Журавлев, Б. Д. Парыгин, Л. И. Уманский), влиянии группы на группу (В. С. Агеев, А. И. Донцов, Д. Кэмпбелл, Т. Г. Стефаненко, М. Шериф). Отдельная линия исследований посвящена экспериментальному изучению механизма влияния (Ф. Зимбардо⁵, С. Милгрэм⁶, А. Л. Свенцицкий⁷) и условий, в которых оно осуществляется (А. И. Донцов⁸, В. С. Мухина⁹, А. В. Петровский¹⁰) и др.

Обсуждая социально-психологические концепции влияния, следует охарактеризовать их обобщенные характеристики: модель влияния, цель влияния и его результаты.

---

¹ Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: Юрайт, 2000. 344 с.

² Ермаков Ю. А. Социально-политические манипуляции личностью: сущность, технологии, результаты: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.10. Екатеринбург, 1995. 252 с.

³ Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь. 256 с.

⁴ Haslam, S.A., Reicher, S. 50 Years of «Obedience to Authority»: from blind conformity to engaged followership / S.A. Haslam, S. Reicher // Annual Review of Law and Social Science. 2017. № 13. Pp. 59–78.

⁵ Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние / пер. с англ. Н. Мальгиной, А. Федорова; под ред. А. Свенцицкого. СПб.: Питер, 2011. 448 с.

⁶ Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль / пер. с англ. Г. Ястребов. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с.

⁷ Свенцицкий А. Л. Социальная психология. М.: Проспект, 2004. 336 с.

⁸ Токарева М.Ю., Донцов А.И. Меньшинство как источник социального влияния // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 50–61.

⁹ Мухина В. С. Человек под прессингом малой группы: конформизм, негативизм, самостоятельность // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. А. В. Петровского. 26–26 октября 2011. М.: МГППУ, 2011. С. 4–11.

¹⁰ Петровский А. В. Психологическая теория коллектива: монография. М.: Педагогика, 1979. 240 с.

Теоретическая модель влияния описывает прямое воздействие вида «субъект-объект», при этом предметом исследований выступают психологические предпосылки влияния. Модель влияния предполагает взаимодействие субъекта и объекта, под которыми чаще всего подразумеваются два индивида. Конечно, все возможные модели социального влияния предполагают как минимум четыре варианта отношений субъекта и объекта: «индивид — группа», «группа — индивид», «индивид — индивид» и «группа — группа». При этом, групповое влияние рассматривается не только в прямой форме коммуникации или интеракции между ее участниками, но и опосредованной. В этом случае влияние группы опосредуется правилами, нормами, а также ожиданиями определенных действий от участника группы.

Наиболее изученным является вариант межличностного влияния, где субъект, путем применения приемов внушения и убеждения к объекту, добивается определенных изменений в его состоянии, поведении, восприятии окружающей действительности или мышлении.

Психологическим признаком влияния в научной литературе называется его результат — *«изменение в поведении, мышлении, эмоциональном состоянии объекта влияния (личности, социальной группы), происходящие вследствие воздействия»*¹, либо: *«воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека»*², или *«воздействие на другого человека побуждающим, сдерживающим либо другим развивающим образом, изменяя поведение, взгляды, мотивы, сознание и даже характер»*³, *«изменение убеждений, установок или поведения человека (являющегося объектом воздействия) вследствие действий другого человека (являющегося субъектом)»*⁴.

Важно отметить различие между воздействием и влиянием. Социальное влияние, по мнению Е. Н. Волкова, предполагает широкое и продолжительное воздействие, последствия и эффекты которого

---

¹ Немов Р. С. Социальная психология / Алтунина И. Р., Немов Р. С; под ред. Р. С. Немова. Москва: Юрайт, 2015. 427 с.

² Сидоренко Е. В. Личностное влияние и противостояние чуждому влиянию / Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 125.

³ Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

⁴ Raven B. H. A power / interaction model of interpersonal influence: French and Raven thirty years later // Journal of Social Behavior & Personality. 1992. № 7(2). Pp. 217–244.

выходят за пределы конкретного действия¹. Экспериментальные ситуации, как правило, моделируют воздействие, а не влияние. Акцент в них делается на краткосрочном и ограниченном условиями эксперимента манипулировании стимулами, воздействующими на эмоциональное состояние собеседника: экзаменатора и экзаменуемого, продавца и покупателя, сотрудника полиции и преступника (Р. Чалдини).

Целью влияния выступает изменение представлений, отношений или поведения объекта, а факторами, посредством которых становится возможным влияние, выступают индивидуально-психологические особенности как субъекта, так и объекта. Соответственно, возможность влиять и подвергаться влиянию рассматривается через призму психологических факторов. Так, Ф. Зимбардо называет их качествами убедительности субъекта, внушаемости и конформности объекта².

В целом, межличностное влияние характеризует прямое воздействие субъекта на объект, нацеленное на изменение чувств, мнений собеседника, посредством имеющихся у него коммуникативных и интерактивных способностей. Данная стратегия влияния основана на личном опыте поведения в схожих ситуациях. Ее применение подкрепляется уверенностью в собственных возможностях воздействия на другого человека — харизме, лидерстве, коммуникативных умениях.

Однако, межличностное влияние в представленном нами обобщении не всегда соответствует контексту ситуации взаимодействия. Как правило, ситуации опосредованы социальными ролями их участников, статусно-позиционными атрибутами и другими характеристиками. Эти социально-структурные характеристики могут усиливать или ослаблять влияние, несмотря на психологическую предрасположенность объекта к нему.

Например, следователь органов внутренних дел, проводя опрос свидетеля, рассматривает общение как необходимую часть следственного действия. Его внимание сосредоточено на высказываниях собеседника, а взаимодействие подчинено задаче проверки факта преступления. В такой социально-структурной позиции следователь не подвержен влиянию манипулятивных приемов внушения или убеждения.

---

¹ Волков Е. Н. Стратегии и технологии социального воздействия в превенции девиантного поведения // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, 28–29 октября 2010. 2 т. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. Т. 1. 300 с. С. 5–9.

² Зимбардо Ф., Лайппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2001. 448 с.

Но остается восприимчивым к мнению людей, располагающихся с ним в одной социальной структуре, связанных с ним функционально, наконец, имеющими более высокий статус. В этом примере социально-структурный контекст нейтрализует межличностные способы влияния, поскольку социальная роль, определенная для индивида в конкретной ситуации, обладает приоритетом над межличностным влиянием.

Следовательно, не только индивидуально-психологические особенности собеседников, но и их отношение к социальным структурам может влиять на поведение, отношение или представления индивида. Конечно, множественность социальных структур, в которые вовлечены люди — профессиональных, семейных, дружеских — повышает восприимчивость к их влиянию. Таким примером может являться влияние родственников, друзей и других субъективно значимых лиц, чьи интересы или просьбы зачастую более приоритетны, чем собственные желания.

Данный пример показывает, что социально-структурные характеристики субъекта могут усиливать подверженность влиянию других людей, также как и их индивидуально-психологические особенности. Поэтому способность влиять или подвергаться влиянию должна изучаться с учетом факторов, образующих контекст влияния. Ими могут быть социальные сообщества, участником которых является субъект, а также его статус в этих сообществах.

Несмотря на очевидное значение, социально-структурный контекст влияния не получил столь же подробного освещения как индивидуально-психологические или межличностные характеристики. Данный контекст, как правило, рассматривается наряду с другими средовыми характеристиками и выносится «за скобки» типичных моделей влияния. Считая все же необходимым понять его значение, обобщим теоретические представления о влиянии, представленных в социально-структурном подходе к организации социального взаимодействия.

Социально-структурный подход в исследовании влияния личности на социальное окружение. Структурный подход относится к базовым научным гипотезам, используемым социологической наукой для изучения социальных процессов и сообществ.

Образ общества в глазах теоретиков структурализма представляет собой совокупность дифференцированных групп, сообществ, слоев (классов), участники которых отличаются друг от друга многими характеристиками — видом профессиональной деятельности, уровнем культуры и образованием, доступом к политическим, социальными и экономическим возможностям. Несмотря на то, что принципы

структурирования общества являются предметом продолжающихся дискуссий, сама идея структурирования не подвергается сомнению.

Структурный взгляд на общество обосновывается необходимостью распределения ролей между участниками трудовой деятельности, исходя из их участия в производстве. В масштабе общества такое разделение труда приводит к возникновению социальных классов — людей, объединенных общим социально-экономическим и культурным статусом. Участники разных социальных классов участвуют в разных этапах производства, обмена и распределения результатов труда. Социальные классы ограничены в распоряжении результатами своей деятельности и потреблении ресурсов, что отражается на их позиции в социальной иерархии, построенной исходя из возможности доступа к различным ресурсам¹.

Социальные классы общества воспроизводят определенный образ жизни — соответствующий их возможностям и ограничениям, а также социальному статусу. На уровне социальных групп эта принадлежность закреплена социальными представлениями о данной группе в обществе. Стандарты, ценности, нормы и правила, составляющие содержание этих представлений нередко обобщаются термином культура (культура «среднего класса», культура «бедности»), что в целом не противоречит сути этих представлений — отражение обособленности социальной общности от других социальных сообществ, классов и пр.

На уровне индивида (представителя обособленной социальной общности), класса, социального слоя или группы это выражается в картине мира (совокупности особых ценностей и установок, представлений и убеждений), взаимосвязанной с образом жизни, характерным для всех представителей этого класса — потребностями, интересами и жизненными перспективами². Соответственно, поступки и решения представителей разных классов общества структурированы их позицией в общественной иерархии.

Разность позиций для классов предполагает неравные возможности для удовлетворения жизненных потребностей. Неравенство прав и возможностей является важным обстоятельством для понимания причин социальной активности индивидов. Субъективно неравенство воспринимается как недостаток ресурсов для удовлетворения потреб-

---

¹ Wright E. O. *Approaches to Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 4–31.

² Шкаратан О. И. Сергеев Н. В. Реальные группы, концептуализация и эмпирический расчет // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 22–38.

ностей, переживается в виде стресса и фрустрации (в терминах Ф. Е. Василюка)¹, социального напряжения (в трактовке Л. Козера)², осознается людьми в виде несправедливости распределения ресурсов между социальными классами³.

Очевидно, что преодоление неравенства и его последствий становится одной из целей взаимодействия индивидов внутри социальных групп, сообществ, слоев и классов. Целями взаимодействия становится восполнение недостающих ресурсов, снижение уровня стресса и фрустрации, контроль над распределением ресурсов.

В социально-структурном подходе возможность влиять на процессы распределения объясняется с помощью понятий «власть» и «капитал». Власть определяется как способность индивида контролировать поведение других людей и групп, а понятие капитал описывает вид власти, которым субъект может пользоваться для контроля над поведением.

Капиталом считаются социальные, экономические или культурные ресурсы, которыми распоряжается субъект⁴. В качестве социального капитала выступают люди из числа социального окружения, способные оказать помощь, либо своим высоким статусом влиять на собеседника. Экономическим капиталом выступают материальные средства, передавая которые объекту, можно изменить его поведение. Культурным капиталом выступают символические значения предметов (например, религиозные святыни), духовные ценности и пр., с помощью которых можно влиять на мировоззрение индивидов и социальных групп.

С позиций социально-структурной модели общества, социальные классы, сообщества и группы обладают разными возможностями власти и разными запасами капитала. Даже внутри социальных групп их участники различаются по этим параметрам. Как правило, лидеры групп (руководители) обладают наибольшим потенциалом власти, сосредотачивая в своих руках и социальные, и экономические ресурсы. Аутсайдеры, в свою очередь, имеют наименьшие возможности влияния на окружающих. Возможность удовлетворения потребностей воспринимается участниками групп через призму позиций в группе.

---

¹ Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. С. 35–39.

² Козер Л. Враждебность и напряженность в конфликтных отношениях // Психология деловых конфликтов. Самара, 2007. С. 367–382.

³ Каменская М. В. Феномен социальной несправедливости: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. М.: 2009. 193 с.

⁴ Woolcock M. The place of social capital in understanding social and economic outcomes // Canadian Journal of Policy Research. 2001. № 2. Pp. 11–17.

Для личности, вовлеченной во множество групп и сообществ, совокупность полученных в них социально-структурных характеристик обозначает возможности социального влияния, объемы доступного им капитала. Кроме того, люди чувствительны к проявлениям влияния не только из-за субординированной организации общества, но и из-за ощущаемого дефицита этих ресурсов.

Распоряжаясь доступной им властью или капиталом, люди зачастую испытывают их недостаток, что заставляет обращаться к социальному окружению. Способность использовать властные возможности окружающих, накапливать и привлекать социальный, экономический и культурный капитал окружающих расширяют возможности удовлетворения потребностей.

В целом, положения социально-структурного подхода позволяют заключить, что социальное влияние является одной из форм взаимодействия людей в обществе, а его сущность заключается в применении социальной власти и капитала. Вместе с тем, виды влияния еще недостаточно концептуализированы.

Наиболее идейно близкой к социально-структурной модели влияния является концепция властного взаимодействия, предложенная Б. Рейвенем¹. Согласно ей, осуществление влияния является целенаправленным и спланированным процессом. Субъект располагает шестью видами побуждающего воздействия на индивида, называемого объектом. Ими являются — информирование, вознаграждение, принуждение, легитимизация, экспертиза действий и референция. Данные мотивы разрабатывались для отношений с уже распределенными ролевыми позициями «начальник — подчиненный» и ограничено применимы к неструктурированным социальным сообществам. Впрочем, в более поздней работе Бертран Рейвен описывает их в качестве универсальных стратегий влияния².

Предложенный им теоретический механизм является одним из немногих детализированных описаний процесса влияния. В его представлении осуществление влияния включает в себя совокупность последовательных действий: а) анализ мотивов оказания влияния и использования властных ресурсов; б) выбор стратегии влияния на объект; в) подгото-

---

¹ Raven B. H. A power/interaction model of interpersonal influence: French and Raven thirty years later // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1992. № 7. Pp. 217–244.

² Raven B. The Bases of Power/Interaction Model of Interpersonal Influence // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2008. № 8. Pp. 1–22.

вительные действия для мобилизации избранных властных инструментов; г) осуществление властного воздействия; д) модификацию цели воздействий в ходе анализа ситуации и состояния объекта; е) необходимую корректировку; ж) выбор будущей стратегии влияния.

К настоящему времени неясными остаются многие вопросы социального влияния: связь образа ситуации с выбором конкретного вида влияния, причин предпочтения стратегии влияния из тех, чем располагает субъект, социально-культурные предпосылки выбора стратегий влияния. Для получения ответов на эти вопросы нами описываются стратегии социального влияния, учитывающие социально-структурный контекст взаимодействия.

Стратегии социального влияния. Рассматривая влияние через призму социально-структурного подхода, отметим, что от межличностного влияния его отличают средства влияния. Как отмечалось ранее, средство влияния — это способ изменения поведения, представлений, эмоционального состояния объекта в целях достижения результата, необходимого субъекту.

Средствами социального влияния выступают требования норм и правил, которые должен соблюдать участник группы (сообщества), просьбы и обращения других людей, чей статус в конкретной социальной структуре выше, чем у объекта, а также через вовлечение значимых для объекта лиц из его социального окружения.

Перечень средств влияния подразделяется нами на группы нормативных и неформальных средств влияния.

Нормативным средством влияния выступает применение правил и норм для регламентации поведения участника социальной группы (сообщества). Типичными формами нормативного воздействия являются призывы соблюдать правила поведения, требования законов, кодексов и пр. Члены группы изменяют свое поведение, подчиняясь требованиям, поскольку осознают свою принадлежность к группе, опасаются санкций за нарушение ее правил и норм. Применение нормативной стратегии также обосновано регулятивным потенциалом статуса в субординированных сообществах. Наличие субординации говорит о способности высоко статусного субъекта влиять на поведение подчиненного ему лица.

Выбор субъектом нормативной стратегии основывается на убеждении в том, что объект влияния идентифицирует себя с данной структурой, а также о том, что его поведение действительно отклоняется от предписанных норм. Предположение об эффективности нормативного

влияния обусловлено знанием архитектуры группы (сообщества), между участниками которого происходит взаимодействие.

Неформальные средства влияния предполагают влияние на членов семьи и родственников, друзей и референтных лиц для изменения поведения объекта.

Такой вид социального влияния основан на признании исключительной значимости отношений родства, дружбы, пережитых событий, превышающей интересы отдельных индивидов. Источниками неформального влияния выступают социальные представления о значении семьи, ценности дружбы и различных форм товарищества (например, воинского братства, землячества).

Следует разделять возможности влияния мнений членов семьи от влияния друзей и иных референтных лиц.

Значение семьи и родственников в жизни индивида предписано социально-культурными, религиозными и этническими стандартами. Ценность семьи и рода культивируется в культурах разных народов мира и закрепляется на неосознаваемом уровне (К. Г. Юнг), закрепляется в виде семейных сценариев и мифов (Э. Берн, А. А. Нестерова). Ценность дружеских и товарищеских отношений формируется посредством тесных неформальных связей с участниками группы, что выражается в идентификации (А. В. Сидоренков), доверительных отношениях, установках на поддержку и взаимопомощь (Н. А. Котелевцев).

Сила семейного влияния на индивида может отличаться от влияния друзей и товарищей еще и вследствие индивидуального отношения к ним. Однако выбор в качестве средства влияния во многом раскрывают представления субъекта о возможностях воздействия, которыми обладают данные социальные структуры.

Сопоставляя нормативные и неформальные средства влияния, отметим, что неформальные средства влияния выступают альтернативой нормативной, поскольку участники данных групп целенаправленно образуют их для своей защиты, оказания взаимной помощи, а также координации своих усилий в совместной деятельности¹.

По сравнению с нормативной стратегией влияния, неформальные стратегии носят опосредованный характер, поскольку субъект взаимодействует с конкретными лицами из социального окружения (родственниками, членами семьи, друзьями, коллегами), рассчитывая

---

¹ Гудков Л., Дубин Б. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3 (59). С. 28-29;

посредством их воздействия изменить поведение, мнения или представления объекта.

Общим результатом применения средств социального влияния выступает эффект социально-нормативной регуляции объекта (разрешения, согласования либо ограничения, запрета); эффект социальной фасилитации объекта (усиления значимости (статуса) субъекта, медиации, стимулирования).

Выполненное нами деление средств влияния на нормативные и неформальные является предельно обобщенным. Оно не учитывает стратегии влияния, воздействующие на мировоззрение личности (духовное, нравственное), исключает экономические инструменты влияния. Рассмотренные средства влияния являются социально-психологическими, поскольку их применение основано на манипуляции, но не самим субъектом, а опосредованно, путем вовлечения лиц из числа социального окружения и использования их возможностей воздействия.

Выбор стратегий социального влияния. При описании стратегий влияния нами было установлено, что использование любого влияния — от межличностного до социального — определяется индивидуальными предпочтениями субъекта. Конечно, предпочтение стратегий может зависеть от множества факторов — знаний и опыта субъекта, стоящих перед ним целей, образа ситуации и поведения лица, на которого направлено влияние. Вместе с тем, выбор стратегии является осознанным и ориентированным на достижение цели действием, в основе которого лежит уверенность субъекта в его эффективности. Полагая, что стратегия влияния в представлении субъекта отражает его имплицитные представления о социальном взаимодействии, мы ограничиваем выбор стратегий четырьмя типовыми средствами влияния. В связи с отсутствием инструментов, позволяющих оценивать выбор стратегий социального влияния, нами была разработана модель, включающая межличностную, нормативную и неформальную стратегии влияния. Воплощению модели было посвящено эмпирическое исследование, процедура и результаты которого описываются нами далее.

Методология исследования — методологическими основаниями исследования выступила классическая теория тестов. Ее положения о способе измерения психологических явлений использовались для разработки ситуаций социального взаимодействия, предусматривающих выбор оптимальной стратегии влияния на другого человека,

анализ и оценку результатов опроса. Классическая методология предполагает следующие этапы исследования:

1) оценку согласованности ответов на стимульный материал, характеризующую надежность методики;

2) корреляционный анализ ответов для оценки конструктивной валидности методики;

3) выявление дивергентной и конвергентной валидности методики.

Участники. Всю выборку ($n = 722$ человек) составили рабочие, служащие, а также частные предприниматели Санкт-Петербурга, Свердловской области, Республики Башкортостан. Мужчин 29,91 %, женщин 70,1 %, возраст обследуемых — от 17 до 64 лет ($M = 20,3$, $SD = 8,33$). Вид занятости — профессиональная деятельность (62,3 %), образовательная деятельность (34,1), не указали (4,4 % обследуемых).

— первая для проверки распределения ответов, выбора пунктов и оценки степени их согласованности (722 человека);

— вторая для проверки конвергентной и дивергентной валидности (445 человек);

Процедура. Респонденты заполняли анкеты в виде бланка (бумажной формы) либо электронной формы, посредством средства интернет-тестирования — Google Form. Время заполнения не ограничивалось, условия заполнения не контролировались.

Стимульный материал.

Для изучения стратегий влияния был сконструирован комплекс из пяти заданий, предполагающих общую модель взаимодействия с различием в сюжете. Конструкция задания предполагала, что субъект не мог самостоятельно достичь намеченной цели (сдать экзамен, получить справку от врача, нанять сотрудника и пр.). Для успешного разрешения ситуации по условию задачи он мог воспользоваться помощью социального окружения, оказав дополнительное воздействие на своего антагониста.

Предлагались четыре стратегии социального влияния:

1) действовать самому; 2) принуждать, используя нормы закона, влияние руководителя; 3) влиять через членов семьи, родственников, 4) влиять используя дружеские отношения.

Конструкция всех задач предполагала, что результат может быть достигнут посредством применения любой из этих стратегий. Предметом измерения выступал выбор стратегии влияния.

Чиновник Коля очень долго делает для Васи справку. Вася думает, как повлиять на Колю. Можно попробовать такие варианты: Колин начальник — строгий и справедливый Петр. С Колей в отделе работает Васина сестра Оля. На Колю влияет его друг, имеющий долг перед Васей. Какой из вариантов ускорит Колю?

- 1. Уговоривать Колю самому.*
- 2. Повлиять на Колю через руководителя.*
- 3. Повлиять на Колю через сестру.*
- 4. Повлиять на Колю авторитетом друга.*

Рисунок 5. Образец задания

Методы сбора данных. Сбор данных осуществлялся методами самоотчета, включающими в себя комплекс заданий на выбор стратегии социального влияния, комплекс опросников, изучающих черты и свойства личности, копинг-стратегии.

Методы обработки данных. Использовались статистические пакеты программ Statistica 10.1 и Jamovi 1.2.27. С их помощью решались задачи оценки надежности, согласованности, структурной, дивергентной и конвергентной валидности.

Результаты и их обсуждение.

1. Надежность, внутренняя согласованность и изменчивость. Оценка надежности предполагала изучение: частот распределения ответов, связи между показателями стратегий, соответствия ответов при ретестировании, специфики половых, возрастных, социально-демографических показателей.

1.1. Оценка распределения ответов. Распределение ответов по вариантам решения задач является важной характеристикой качества стимульного материала. Его проверка основана на предположении о том, что различия в распределении ответов указывают на тенденциозность ответов, влияние условий задачи на принятие решения относительно выбора стратегии, неспособность заданий учитывать весь объем мнений респондентов. Наличие различий в частотах ответов означает, что задания должны быть переформулированы или исключены. Отсутствие различий указывает на эквивалентность заданий друг другу и возможность обобщения ответов в виде показателей. Полученные распределения ответов представлены в таблице 11.

Оценка распределения ответов показывает относительно равномерное распределение ответов респондентов по стратегиям, отсутствие игнорирования одних стратегий в пользу других. Сформулированные задания обладают способностью статистически равномерно дифференцировать ответы обследуемых по четырем стратегиям.

Таблица 11 — Распределение ответов обследуемых при выборе стратегий социального влияния $n = 722$

Вид задания	Распределение ответов по стратегиям							
	Стратегия 1: «Личное влияние»		Стратегия 2 «Нормативно-позиционное влияние»		Стратегия 3 «Семейно-родственное влияние»		Стратегия 4 «Дружеское влияние»	
	Кол-во	Доля, %	Кол-во	Доля, %	Кол-во	Доля, %	Кол-во	Доля, %
Задание 1	209	28,9 %	282	39,1 %	81	11,2 %	150	20,8 %
Задание 2	219	30,3 %	259	35,9 %	132	18,3 %	111	15,4 %
Задание 3	302	41,8 %	202	28,0 %	110	15,2 %	108	15,0 %
Задание 4	230	31,9 %	271	37,5 %	92	12,7 %	129	17,9 %
Задание 5	221	30,6 %	255	35,3 %	119	16,5 %	127	17,6 %
Суммарное распределение ответов по стратегиям								
Средние распределения ответов	236,2	32,7 %	253,8	35,2 %	106,8	14,8 %	125	17,3 %
Стандартное отклонение	37,5	5 %	30,8	4 %	20,5	3 %	16,8	2 %

Следует отметить, что сумма ответов по стратегиям 3 и 4 соответствует количеству ответов по стратегиям 1 и 2. Поскольку данные стратегии отнесены нами к неформальным средствам социального влияния, то при количественной обработке ответы респондентов по 3 и 4 стратегиям целесообразно объединять, представляя в виде общего показателя

Однако, при изучении моделей социального взаимодействия, на наш взгляд, их следует рассматривать самостоятельно, отделяя друг от друга. Объяснение видится в том, что обращение к членам семьи и родственникам является обыденной практикой решения проблем, конфликтов и затруднений. Семейное окружение рассматривается надежным ресурсом помощи и поддержки в широкого спектра затруднений — материальных, профессиональных, семейных, социально-образовательных и пр. Негативные свойства семейной поддержки проявляются в антиобщественной направленности, выражаясь в деструктивном влиянии на социальные и профессиональные сообщества¹.

Стратегия использования дружеских, товарищеских, «земляческих» видов отношений наряду с семейной широко практикуется в различных социальных и профессиональных сообществах. Совместная учеба, занятия спортом или увлечения, служба в вооруженных силах,

¹ Иванова Е. Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5. С. 42–50.

опыт сотрудничества на различных этапах карьеры рассматриваются условием, облегчающим взаимодействие. Подобный человек считается пригодным к сотрудничеству, считается «надежным», «проверенным», воспринимается компетентным специалистом в своей области. Обращение к этому человеку воспринимается гарантией решения проблемы.

Таким образом, описанные стратегии влияния представлены в социальных отношениях и выступают альтернативными по отношению к стратегии самостоятельных действий или стратегии влияния посредством нормативно-правовых механизмов.

1.2. Оценка отношений между стратегиями социального влияния. Оценка согласованности структуры опросника проводилась нами посредством изучения статистической связи между показателями стратегий влияния. Предполагалось, что корреляционная связь между показателями стратегий описывает отношения, обуславливающие распределение ответов респондентов. Наличие статистической связи оценивалось как показатель согласованности показателей, а отсутствие — их рассогласованность.

Таблица 12 — Связи между показателями выбора стратегий социального влияния

Показатели	Описательные характеристики		Корреляции стратегий влияния				
	Ср. знач	Станд. отклон	1	2	3	4	5
Стратегия 1 «Личное влияние»	2,15	0,91	–	–0,49	–0,35	–0,39	–0,57
Стратегия 2 «Нормативно-позиционное влияние»	1,93	0,84		–	–0,31	–0,26	–0,44
Стратегия 3 «Семейно-родственное влияние»	1,42	0,68			–	–0,15	0,65
Стратегия 4 «Дружеское влияние»	1,50	0,69				–	0,66
Стратегия неформального влияния (стратегия 3 и 4)	1,92	0,89					1,00

Примечание, для всех корреляционных связей $p < 0,001$ при $n = 722$.

Полученные корреляции показывают, что распределения ответов респондентов статистически значимо связаны между собой — отсутствуют корреляционные связи, сильно связанные между собой, либо «выпадающие».

Отметим что отрицательный знак корреляции характеризует способ оценки показателей и не имеет психометрического значения.

1.3. Ретестовые показатели предпочтений стратегий социального влияния. Проверка ретестовой надежности выполнялась путем двухкратного опроса с интервалом 2 месяца. Оценка ретестовой надежности проводилась методом сравнения результатов первого и второго измерений, различия выявлялись по показателям стратегий с помощью рангового непараметрического критерия Вилкоксона. Его применение обусловлено отсутствием нормального распределения показателей первого и второго измерений. Отсутствие изменений между первоначальным измерением и результатом ретестирования рассматривалось как подтверждение ретестовой надежности. С этой целью нами была собрана выборка объемом — 66 человек (четыре учебные группы). В выборку ретестирования были включены студенты 3–4 курсов высших учебных заведений г. Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, ср. возраст 20,2 года, SD = 1,12 лет, 31 % мужчины.

Результаты свидетельствуют об отсутствии статистически значимых изменений в показателях, полученных в интервале ретестирования. Этот факт подтверждает гипотезу о стабильности субъективных представлений относительно стратегий социального влияния и позволяет изучать предпочтения в их использовании.

Таблица 13 — Сопоставление выборов стратегий в ходе ретестирования (n = 66, интервал — 2 месяца)

Показатели	Описательные характеристики		Статистики Вилкоксона			
	Ср. знач	Станд. отклон	n	T	z	p
Стратегия 1 «Личное влияние»	2,05	0,12	66	678,5	1,37	0,17
Стратегия 2 «Нормативно-позиционное влияние»	2,10	0,37	66	678,5	1,37	0,17
Стратегия 3 «Семейно-родственное влияние»	1,12	0,22	66	612,5	1,13	0,25
Стратегия 4 «Дружеское влияние»	1,34	0,31	66	1205,0	0,61	0,54
Стратегия неформального влияния (стратегия 3 и 4)	2,41	0,25	66	911,5	0,54	0,58

Конечно, ограничения результатов ретестирования могут быть обусловлены небольшой выборкой или специфическим контингентом — студентами, чьи представления относительно устойчивы в силу неизменных социальных условий. С этой целью влияние фактора пола и социальных условий взаимодействия изучалось нами специально.

1.4. Влияние пола на выбор стратегий социального влияния. Теоретическими предпосылками исследования выступали представления о влиянии пола на социальное взаимодействие. Так, в социальной психологии дифференцируют «мужской» и «женский» стили социального взаимодействия¹, описывают их проявление в групповых взаимоотношениях² и стратегиях лидерства³. Закономерно полагать, что стратегии социального влияния могут различаться. Для проверки предположений о предпочтении стратегий социального влияния мужчинами и женщинами нами проведено эмпирическое исследование. Выборка была сформирована посредством объединения выборки оценки надежности ($n = 722$ человека) и выборки оценки валидизации ($n = 191$ человек).

Для повышения статистической мощности выводов исследование влияния пола изучалось во всех возрастных группах. Для выявления различий применялся непараметрический критерий различий U-критерий Мана-Уитни. Полученные результаты представлены в таблице 14.

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии различий в выборе стратегий социального влияния между мужчинами и женщинами. Наши результаты соответствуют выводам, полученным в ходе изучения уровня макиавеллизма у мужчин и женщин (В. В. Знаков, 2005) и отношении к манипуляции мужчин и женщин (О. А. Руслина, 2008)⁴. Можно заключить, что в условиях российской культуры делового взаимодействия не различаются мужские и женские модели поведения. Соответственно, культурные стандарты социального взаимодействия не предусматривают особую «мужскую» и «женскую» стратегии влияния.

---

¹ Carli L. Gender, Interpersonal Power, and Social Influence // *Journal of Social Issues*. 2002. № 55. Pp. 81–99.

² Sagrestano L. M. (1992) Power strategies in interpersonal relationships. The Effects of Expertise and Gender // *Psychology of Women Quarterly*. 1992. № 16. Pp. 481–495.

³ Бендас Т.В. Гендерные исследования лидерства // *Вопросы психологии*. 2000. № 1. С. 87–95.

⁴ Руслина А. О. Возрастные, половые и профессиональные различия в понимании манипуляции: автореф. дисс. ... к. психол. н. Москва, МГОУ. 2008. 24 с.

Таблица 14 — Половые различия в предпочтении стратегий социального влияния

Пол	Объем, человек	Распределение ответов по стратегиям							
		Стратегия 1: «Личное влияние»		Стратегия 2 «Нормативно-позиционное влияние»		Стратегия 3 «Семейно-родственное влияние»		Стратегия 4 «Дружеское влияние»	
		Ср.знач	Станд. Отклон	Ср.знач	Станд. Отклон	Ср.знач	Станд. Отклон	Ср.знач	Станд. Отклон
Женщины	547	2,14	0,87	1,98	0,85	1,39	0,65	1,48	0,66
Мужчины	296	2,13	1,00	1,87	0,88	1,46	0,71	1,54	0,73
Все группы	843	2,14	0,92	1,94	0,86	1,42	0,67	1,50	0,69

Следует отметить, что эти выводы отчасти противоречат другим результатам гендерных исследований взаимодействия. Например, А. А. Сергеев описывает склонность мужчин зрелого возраста к манипулятивному поведению по сравнению с женщинами этого же возраста¹. В. Л. Погольша, изучая стратегии личного влияния мужчин и женщин, приходит к выводу о существенных различиях между ними². Анализ аналогичных работ показывает, что влияние пола отсутствует, если исследователи изучают его, оценивая различия между мужчинами и женщинами в уровне стратегий социального взаимодействия.

Рассматривая противоречия между этими фактами, можно обнаружить, что модели влияния обоих полов имеют специфику, обусловленную социальным контекстом взаимодействия. Внутри нее значе-ние будут иметь факторы, предписывающие «мужские» и «женские» стратегии влияния в конкретных видах совместной деятельности (например межличностном, семейном, профессиональном и др.). В таком случае применение влияния мужчинами и женщинами основывается не столько на факторе пола, сколько гендера, то есть социально-культурных стандартов поведения, ожидаемого от мужчин и женщин. План исследования, игнорирующий влияние этих факторов, будет сглаживать половые различия, а результаты — показывать сходство

¹ Сергеев А. А. Влияние половозрастных, гендерных и профессиональных различий на склонность к манипулятивному поведению // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология. 2012. № 4 (109). С. 113–118.

² Погольша В. М. Социально-психологический потенциал личного влияния: дис. ... канд. психол.наук. СПб., 1998.

стратегий представителей разных полов. План исследования, в котором изучаются модели влияния в условиях действия факторов воспитания, профессии, религии, этноса и пр., несомненно будут выявлять такие различия. В нашем исследовании игнорирование социально-культурного контекста показало отсутствие различий, что совпало с результатами исследований, построенных по первому варианту плана.

В то же время с психометрической точки зрения тестируемый стимульный материал методики показал устойчивость к влиянию фактора пола на выбор стратегий социального влияния при отсутствии контроля за другими факторами. При изучении локальных контекстов применения стратегий социального влияния мужчин и женщин в группах, в разных профессиях, в социальных ситуациях подобные различия, скорее всего, будут найдены. Их обнаружение следует рассматривать не как недостатки инструментария, а как новые проявления пола (возможно и гендера) в социальном взаимодействии.

Выводы. Тестирование характеристик надежности методики стратегий социального влияния показало удовлетворительную внутреннюю согласованность, зафиксировало ретестовую воспроизводимость результатов на промежутке двухмесячного интервала, продемонстрировало схожесть предпочтений представителей мужского и женского полов. Можно заключить, что методика изучения стратегий социального влияния обладает достаточным уровнем надежности, а полученные сведения о выборах стратегий могут использоваться в качестве нормативных показателей при проведении дальнейших исследований.

2. Валидность методики.

Изучение валидности методики проводилось в нескольких направлениях. Важно подчеркнуть, что методики исследования стратегий социального влияния не представлены в отечественной психодиагностической практике, и поэтому валидизация проводится нами изучением отношений с близкими (смежными) конструктами.

Наиболее близкими с функциональной точки зрения выступают методики, измеряющие свойства личности. Поскольку свойства личности определяют предпочитаемый личностью стиль взаимоотношений с окружающими людьми, изучение отношений между свойствами личности и стратегиями социального взаимодействия позволяет выявить предпосылки выбора определенных стратегий либо их игнорирования.

Вторым предметом, смежным по отношению к стратегиям социального влияния, выступают стратеги совладания с жизненными трудностями. Совладание определяется как способ поведения, ослабляющий

или исключаящий неблагоприятное воздействие ситуации на индивида. Стратегии совладания разделяются на индивидуальные, предполагающие использование собственных возможностей и ресурсов субъекта, и социальные, в которых субъект обращается за помощью к окружающим людям (С. А. Хазова)¹. В таком разделении стратегии совладания максимально близки к стратегиям социального влияния, поскольку выбор конкретной стратегии обоснован представлением субъекта об их эффективности. На этом основании изучение отношений стратегий социального влияния и совладания может прояснить функциональные отношения между влиянием и совладанием. Итак, основными направлениями валидизации опросника выступили:

1. *Изучение связи свойств личности и стратегий социального влияния.* Изучалось влияние личностных особенностей на предпочтение стратегий влияния. Использовались методики «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ, Л. Н. Собчик)² и «Фрайбургский личностный опросник» (FPI-B, Р. Хэмпел, Дж. Фаренберг в адаптации А. А. Крылова, и Т. И. Ронгинской)³. Выбор данных методик обусловлен измеряемой ими предметной областью (типологические черты личности — свойства, обуславливающие социальную адаптацию), различающейся методологией конструктора методики (типология психопатических черт Крепелина — факторная теория свойств личности).

2. *Изучение отношений между стратегиями социального влияния и видами совладающего поведения (копинг-стратегиями).* Связи стратегий социального влияния с моделями поведения, направленными на решение жизненных затруднений (копинг-стратегиями). Применялся опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire — WCQ), разработанный Р. Лазарусом, С. Фолкман, адаптированный Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой). Методика включает 50 утверждений, сгруппированных в восемь субшкал, которые соответствуют таким способам совладания как: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие

---

¹ Хазова С. А. Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Основной выпуск. 2013. Т. 19, № 5. С. 188–190.

² Собчик Л. Н. СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. СПб.: Речь, 2009. 224 с.

³ Практикум по экспериментальной и практической психологии: учеб. пособие / Л. И. Вансовская, В. К. Гайда, В. К. Гербачевский и др.; под ред. А. А. Крылова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. 312 с.

ответственности, избегание, решение проблемы и позитивная переоценка ситуации¹.

1. Выбор стратегии социального влияния под влиянием свойств личности. Выборка исследования состояла из 159 студентов высших учебных заведений, обучающихся по программам психолого-педагогической направленности.

Результаты корреляционного анализа показывают, что стратегии социального поведения связаны с различными чертами личности. Характер связи вероятно раскрывает личностные особенности субъекта, стабильно избирающего конкретные стратегии. Учитывая, что сила корреляционной связи мала, их значение имеет вероятностный характер.

Стратегия 1 связана с показателем импульсивности (4 шкала, психопатия Pd), что характеризует предпочтение данной стратегии влияния высокой импульсивностью, низкой чувствительностью к социальному окружению, напористости и готовности к риску.

Стратегия 2 не показала статистически значимых связей с чертами личности, что свидетельствует об отсутствии отношений между типологическими чертами и ориентацией на нормативную стратегию влияния.

Таблица 15 — Корреляционные связи выбора стратегий социального влияния и черт личности (СМИЛ, n = 159, R-Спирмена, показатели стандартизованы)

Показатели методики	Стратегия 1: «Личное влияние»	Стратегия 2 «Нормативно-позиционное влияние»	Стратегия 3 «Семейно-родственное влияние»	Стратегия 4 «Дружеское влияние»
Шкала 1. Сверхконтроля	0,01	0,06	0,09	-0,18
Шкала 2. Пессимистичности	0,02	0,00	0,18	-0,19
Шкала 3. Эмоциональной лабильности	0,04	-0,00	0,07	-0,12
Шкала 4. Импульсивности	0,18	-0,04	-0,02	-0,14
Шкала 5. Мужественности	-0,02	0,00	0,09	-0,06
Шкала 6. Ригидности	0,07	-0,10	0,18	-0,12
Шкала 7. Тревожности	-0,01	-0,01	0,11	-0,08
Шкала 8. Индивидуалистичности	0,00	0,01	0,19	-0,18
Шкала 9. Оптимистичности	0,11	-0,08	-0,13	0,08
Шкала 0. Интроверсии	-0,04	0,01	0,13	-0,08

Примечание: выделены значимые коэффициенты при $p < 0,05$.

¹ Крюкова Т. Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк // Журнал практического психолога. М.: 2007. № 3. С. 93–112.

Стратегия 3 образовала связи с показателями «пессимистичность» (2 шкала — депрессия D), «ригидность» (6 шкала — паранойя Pa), «индивидуалистичность» (8 шкала — шизоидность, Sh). Повидимому, такая стратегия присуща лицам пассивным и зависимым от близкого окружения, стремящимся избегать неудач и чрезмерно сосредоточенных на решении проблемы, социально отчужденным. Реализация подобной стратегии основана на признании важной роли окружения и нахождении в ситуации зависимости от родственников.

Стратегия 4 образовала отрицательные связи с показателями «сверхконтроля» (1 шкала — ипохондрия), «пессимистичности» (2 шкала — депрессия D), «индивидуалистичности» (8 шкала — шизоидность, Sh). Характер этих связей противоположен значению черт личности, сопряженных с выбором стратегии влияния с помощью членов семьи и родственников. Субъект, использующий влияние референтных лиц, характеризуется социальностью, оптимистичностью и чувствительностью к статусу и авторитету. Способность применять такое влияние требует непринужденности и независимости, гибкости мышления и не критичности самоотношения, высокой самооценки.

Отметим, что для обобщенного показателя неформального влияния статистических связей получено не было, что объясняется противоречивостью личностных черт, связанных с рассмотренными стратегиями влияния.

В целом, рассматривая стратегии социального влияния через призму типологических характеристик, видны образующие их черты личности. Поскольку данные связи рассмотрены применительно к конкретным стратегиям, интерпретация черт личности может отличаться в случае чередования стратегий социального влияния.

Анализ корреляционных связей стратегий социального влияния со свойствами личности, измеренными методикой «Фрайнбургский личностный опросник», показал наличие нескольких свойств, сочетающихся с выбором одних стратегий и отрицанием других (см. табл. 16).

Видно, что стратегия 1 и стратегия 2 связана с общительностью и экстраверсией. При этом, стратегия 2 сочетается со спонтанной агрессивностью и высокой экстравертированностью, в то время как стратегии 1 характерен низкий уровень экстравертированности.

*Таблица 16 — Корреляционные связи выбора стратегий
социального влияния и свойств личности
(FPI-B, n = 159, R-Спирмена, показатели стандартизованы)*

Показатели методики	Стратегия 1 «Личное / влияние»	Стратегия 2 «Нормативно- позиционное / влияние»	Стратегия 3 «Семейно- родственное влияние»	Стратегия 4 «Дружеское влияние»
Невротичность	-0,01	0,09	-0,12	-0,01
Спонтанная агрессивность	-0,08	0,25	0,07	0,07
Депрессивность	0,01	-0,02	-0,01	0,03
Раздражительность	-0,11	-0,05	0,24	0,23
Общительность	0,23	0,25	-0,03	-0,03
Уравновешенность	-0,10	0,10	0,09	0,09
Реактивная агрессивность	-0,03	0,01	0,03	0,24
Застенчивость	0,03	-0,00	0,04	0,09
Открытость	-0,04	-0,03	0,07	0,08
Экстраверсия	-0,23	0,24	0,04	0,15
Эмоциональная лабильность	0,12	-0,11	-0,21	0,06
Маскулинность	-0,14	0,01	0,04	0,21

Примечание: выделены значимые коэффициенты при $p < 0,05$.

Подводя итоги, отметим что предпочтение стратегий социального влияния связано с определенными свойствами личности, раскрывающими особенности их применения.

Стратегия личного влияния предполагает использование способности к общению при сочетании с низкой экстравертированностью. Стратегия нормативного поведения используется людьми, обладающими высокой общительностью и экстравертированностью.

2. Стратегии социального влияния и совладание с жизненными трудностями. Изучение связей между показателями стратегий социального влияния и копинг-стратегиями обосновано тем, что использование помощи окружающих людей является наиболее распространенным способом совладания с трудными жизненными ситуациями. Стимульный материал заданий содержит описание затруднений, преодоление которых может восприниматься обследуемым как ситуация обращения за помощью. Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 17.

Таблица 17 — Корреляционные связи выбора стратегий социального влияния и копинг стратегий ($n = 209$, R -Спирмена, показатели стандартизованы)

Показатели методики	Стратегия 1 «Личное влияние»	Стратегия 2 «Нормативно-позиционное влияние»	Стратегия 3 «Семейно-родственное влияние»	Стратегия 4 «Дружеское влияние»
Конфронтационный копинг	-0,15*	-0,05	-0,03	0,06
Дистанцирование	-0,15*	0,08	0,07	-0,01
Самоконтроль	-0,06	-0,15*	-0,03	-0,01
Поиск социальной поддержки	-0,11	-0,06	0,14	0,05
Принятие ответственности	-0,15*	-0,07	0,04	0,10
Бегство — избегание	-0,12	0,14*	0,02	0,14*
Планирование решения проблемы	-0,03	-0,19**	0,07	-0,08
Положительная переоценка	-0,07	-0,04	-0,03	-0,02

Примечание: выделены значимые коэффициенты при $p < 0,05$.

Результаты показывают наличие нескольких статистически значимых, но слабых связей между стратегиями совладающего поведения и стратегиями оказания влияния. Их анализ позволяет уточнить значение стратегий влияния в ситуации применения их в качестве копинг-стратегий.

Стратегия 1 «Личное влияние» отрицательно коррелирует со стратегиями конфронтации и дистанцирования, принятием ответственности и избеганием проблемы. Психологический смысл данных связей характеризует стратегию личного влияния активным стремлением субъекта решить проблему при отрицании личной ответственности за ее возникновение.

Предпочтение стратегии личного влияния выражается в разных стратегиях применения копинг-стратегий. Различия между опрошенными с минимальным и максимальным уровнем использования личного влияния установлены по способам поведения в проблеме — «принятие ответственности (F-крит. = 5,29, $p = 0,02$), «поиск социальной поддержки» (F-крит. = 5,59, $p = 0,02$), «бегство-избегание» (F-крит. = 5,57, $p = 0,02$) (рис. в приложении).

По-видимому, минимальное использование стратегии личного влияния характеризуется принятием ответственности, поиском помощи и игнорированием либо избеганием проблемы. Максимальное использование стратегии личного влияния характеризуется активным стремлением решить проблему, отказом от ответственности за нее и помощи окружающих.

Стратегия 2 «*Нормативно-позиционное влияние*» положительно коррелирует со стратегией бегства-избегания, отрицательно связана с самоконтролем и планированием решения проблемы. Оценка использования копинг-стратегий у опрошенных с минимальным и максимальным уровнями применения нормативного влияния показывает различия. Различия установлены по стратегиям «поиск социальной поддержки» (F-крит. = 3,09, $p = 0,05$) и «бегство — избегание» (F-крит. = 3,52, $p = 0,04$) (рис. в приложении). Предпочтение нормативного влияния сочетается с высокими уровнем поиска социальной поддержки, а также игнорирования проблемы.

Стратегия 3 «*Семейно-родственное влияние*» характеризуется связью с поиском социальной поддержки, а стратегия 4 «*Дружеское влияние*» — избеганием проблемы, что совпадает с содержанием действий при обращении к родственникам и друзьям. При оценке влияния данных стратегий влияния на способы совладания с проблемой не установлено значимых статистических различий в предпочтении копинг-стратегий. Объяснение этому видится в том, что использование неформальных отношений с родственниками и друзьями не рассматривается специфической стратегией преодоления проблем и затруднений. Как правило, взаимодействие с кругом близких людей неразрывно связано с получением разных форм поддержки (когнитивной, эмоциональной и др.), поэтому, использование подобной стратегии уже подразумевает поиск социальной поддержки.

Завершая анализ отношений между стратегиями социального влияния и копинг-стратегиями, сформулируем различия между ними.

В исследовании выявлено частичное сопряжение стратегий социального влияния и копинг стратегий. Когда социальное влияние используется для преодоления жизненных затруднений они сопряжены с копинг-стратегиями, а в других жизненных ситуациях — различаются. Их совпадения следует ожидать в ситуации, когда целью влияния является привлечение помощи и поддержки других людей. При этом, предпочтение человеком одних стратегий влияния другим сопровождается применением разных стратегий совладающего поведения, что еще раз указывает на их несоответствие друг с другом.

Данные различия могут основываться на характере взаимоотношений с другими людьми, отражающих их способность помогать, поддерживать, либо просто подчиняться и действовать по указанию. В целом, выводы актуализируют необходимость дальнейшего исследования отношений между стратегиями влияния и копинг-стратегиями.

3. Представление о стратегиях социального влияния под влиянием условий социального взаимодействия.

Целью исследования выступала оценка различий в стратегиях социального влияния, обусловленных социальными стандартами взаимодействия. Полагая, что социально-культурные факторы могут влиять на субъективные предпочтения стратегий влияния, нами были рассмотрены четыре вида социальных условий, различающихся по критерию регламентации взаимодействия. Рассматривались социальные условия обучения в высших учебных заведениях общегуманитарной и правоохранительной направленности, условия отбывания наказания в местах лишения свободы и условия обычной социальной жизни. В соответствии с этим была собрана выборка исследования.

Выборка исследования:

1) *обучающиеся* — курсанты образовательных организаций высшего образования, подведомственных правоохранительным органам ($n = 200$, ср. возраст 20,3 года, $SD = 1,99$ лет, 48 % мужчины);

2) *обучающиеся* — студенты образовательных организаций высшего образования гуманитарной направленности ($n = 200$, ср. возраст = 21,2 года, $SD = 2,13$ лет, 45 % мужчины);

3) лица, *отбывающие наказание* — осужденные решением суда и находящиеся в исправительных учреждениях УФСИН России по Свердловской области ($n = 214$, ср. возраст = 24,8 года, $SD = 1,13$ лет, 55 % мужчины);

4) *трудящиеся* — лица, занимающиеся трудовой деятельностью в сферах производства, образования, здравоохранения, предпринимательства ($n = 214$, ср. возраст = 25,3 года, $SD = 2,54$ лет, 55 % мужчины).

Гипотеза исследования:

Общей гипотезой выступало предположение о том, что в каждой из социальных сред различаются представления об оптимальных стратегиях социального влияния. Соответственно, в разных условиях социального взаимодействия, одни стратегии влияния будут предпочтительнее других.

Так, выборке обучающихся в высших учебных заведениях правоохранительной направленности и осужденных должна быть свойственна

направленность на нормативную стратегию влияния, поскольку характер отношений в социальной среде предусматривает субординативно-нормативную модель взаимодействия.

Для выборки участников, погруженных в обычную социальную жизнь — занимающихся трудовой деятельностью и обучающихся в высших учебных заведениях гуманитарной направленности — по нашему мнению, должны быть характерны различные виды стратегий влияния.

Методы анализа. Тестирование гипотезы предполагало выявление различий в выборах стратегий социального влияния у представителей разных выборок. Методом сопоставления выступал Н-критерий Краскела-Уоллиса. Он применялся, поскольку сопоставляемые группы различаются по гомогенности дисперсий, что не позволяет использовать дисперсионный анализ. Кроме того, дизайн проверки предполагает сравнение нескольких уровней показателя для каждой из групп выборок, что исключает применение рангового критерия Мана-Уитни.

Результаты. Тестирование гипотез проводилось путем сравнения статистик предпочтения каждой из стратегий влияния в группах выборки (см. табл. 18).

Таблица 18 — Предпочтение стратегий социального влияния в зависимости от социальных условий (n = 828)

Виды стратегий	Характеристики сопоставления групп			
	Группа	Сумма рангов	Ср.знач ранга	Результаты сопоставления групп
Стратегия 1: «Личное влияние»	Курсанты	221 753,5	585,1	H = 69,1, p = 0,001. Наиболее игнорируемая стратегия в группе курсантов (медианный тест, $\chi^2 = 51,7$ df = 3 p = 0,0001)
	Студенты	493 848,0	788,9	
	Трудящиеся	114 077,0	691,4	
	Осужденные	209 282,5	772,3	
Стратегия 2 «Нормативно-позиционное влияние»	Курсанты	291 780,0	769,87	H=29,4, p =0,001 Наиболее игнорируемая стратегия в группе трудящихся (медианный тест, $\chi^2 = 7,87$; df=3 p = 0,05)
	Студенты	467 012,0	746,03	
	Трудящиеся	98 767,0	598,59	
	Осужденные	181 402,0	669,38	
Стратегия 3 «Семейно-родственное влияние»	Курсанты	270 564,5	713,9	H=12,6, p =,0054 Наиболее предпочитаемая стратегия в выборке трудящихся (медианный тест, $\chi^2 = 7,88$, df = 3; p = 0,048)
	Студенты	450 073,0	719,0	
	Трудящиеся	132 568,5	803,4	
	Осужденные	185 755,0	685,4	
Стратегия 4 «Дружеское влияние»	Курсанты	279 453,5	737,3	H=15,2, p =0,0016 Наиболее игнорируемая стратегия в выборке осужденных (медианный тест, $\chi^2 = 14,49$, df = 3; p = 0,023)
	Студенты	468 339,0	748,1	
	Трудящиеся	113 816,0	689,8	
	Осужденные	177 352,5	654,4	

Результаты сопоставления приводят к выводу, что стратегии социального влияния различаются и, как можно предположить, вследствие воздействия социальных условий, в которых находятся участники. Подтверждение этому обнаруживается в предпочтениях стратегий, которые делают участники, схожие по возрасту и полу, но находящиеся под влиянием разных социальных условий. Однако, этот эффект не является прямым, скорее всего, он опосредован и иными переменными, не учтенными в данном исследовании. Вместе с тем, полученные различия могут быть объяснены характером социальных представлений о стратегиях влияния, культивируемых социальной средой, к которой принадлежит выборка. Обратимся к различиям.

Выбор стратегии личного влияния группой курсантов учебных заведениях правоохранительной направленности минимален по сравнению с остальными группами участников, а максимальное значение он имеет в выборке студентов.

При сопоставлении значений групп t-критерием Стьюдента, различия статистически значимы (t-крит. = 8,11, $p = 0,001$). По видимому, представление студентов о способности личным влиянием на окружающих людей добиваться результатов более выражено, чем в группе курсантов. Оно целенаправленно культивируется педагогическим сообществом, в совокупности с другими социальными качествами, образующими желаемый профиль выпускника¹. К ним относится способность к автономности, самомотивации, коммуникабельности, готовности к риску, формированию собственной харизматичности, построению имиджа и приобретению навыков влияния.

Сформированное таким новообразование описывается О. А. Антоновой термином «активная жизненная позиция», предполагающим «изменение и преобразование общественных условий жизни в соответствии с ее убеждениями, взглядами и совестью»².

В отличие от студентов, курсанты не считают необходимым использовать стратегию личного влияния, предпочитая ее стратегии нормативно-позиционного влияния. Поскольку ранг этой стратегии для группы курсантов максимален, по сравнению с другими выборками, можно полагать, что этот вид социального влияния является составной частью социальных представлений обучающихся в образовательных

---

¹ Максимова Ж. С. Цели воспитания в современной России: социальное содержание в социальном контексте // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 5. С. 18–24.

² Антонова О. А. Формирование активной жизненной позиции у будущего педагога-психолога в гуманитарном вузе: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. 305 с.

организациях правоохранительной направленности. Предпочитая эту стратегию другим стратегиям влияния, курсанты воспроизводят формируемое у них в ходе профессионального воспитания представление о превосходстве правовой регуляции над другими видами социальных регуляторов¹.

Анализируя выбор стратегии влияния через близких и родственников, отметим, что трудящиеся предпочитают ее чаще, чем группы студентов, курсантов и осужденных. При сопоставлении данных с помощью t-критерия Стьюдента статистические различия установлены по отношению ко всем обследуемым группам ($p < 0,001$). Объяснение подобному предпочтению видится в том, что для лиц, вошедших в выборку трудящихся, семья и родственники входят в сферу повседневного взаимодействия, выступая источником забот и, одновременно, становясь доступным ресурсом удовлетворения личных потребностей. Погружаясь в решение семейных проблем, респонденты получают от родственников помощь в решении собственных проблем.

Выбор стратегии дружеского влияния студентами и курсантами отличается большей частотой в сравнении с другими группами ($p < 0,001$). Объяснение этому видится в социальных условиях студенческой жизни, в которой межличностные отношения со сверстниками выступают ресурсом поддержки и помощи в учебе, работе, досуге. Сеть друзей, товарищей и просто знакомых становится своеобразным социальным капиталом, а обладание ею повышает социальный статус в неформальных группах сверстников. М. С. Короткова приходит к подобным выводам, изучая субъективные компоненты социального статуса студента, обнаруживая что портрет высокостатусного студента включает в себя позиции в группах, сопутствующих учебной деятельности — неформальных отношениях с любимым человеком, вторичную занятость, вовлечение в группы по интересам и пр.²

Таким образом, предпочтение стратегии дружеского влияния обусловлено социально-структурными условиями жизни и деятельности студентов (курсантов). Отсутствие ее выбора в группах трудящихся и осужденных может быть объяснено этими же основаниями. Образ жизни и нормы социального взаимодействия снижают эффективность

---

¹ Бородавко Л. Т. Профессиональное воспитание сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД России: дисс.... д-ра пед. наук. СПб., 2005.

² Короткова М. С. Социальный статус московского студенчества: векторы изменений // 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 2016. 279 с.

дружеского участия, выдвигая на первый план стратегии нормативного воздействия и участия родственников.

Подводя итоги, отметим что исследование подтверждает гипотезу о роли индивидуально-психологических свойств личности на выбор стратегии влияния, обнаруживая связи между свойствами личности и стратегиями.

Подтверждена гипотеза о том, что люди осознанно предпочитает одни стратегии другим, основываясь на представлении об их эффективности. Однако результаты исследования дополняют научные представления об основаниях выбора стратегий влияния. В частности, показывая, каким образом субъект учитывает социально-структурные характеристики объекта воздействия, а также использует ресурсы влияния, релевантные ситуации взаимодействия.

Завершая обсуждение результатов апробации методики выбора личностью стратегии социального влияния, конкретизируем выводы.

1. Разработка методики основана на разделении стратегий социального влияния от межличностного (психологического) влияния.

2. Определено, что стратегия социального влияния является целенаправленным взаимодействием субъекта с другими людьми, группами и обществом, нацеленным на изменение поведения, эмоционального состояния и представлений конкретного объекта (в качестве которого выступают индивиды и социальные группы).

3. Установлено, что социальное влияние осуществляется двумя видами воздействия: прямым и социально-опосредованными.

В рамках проведенного исследования прямое воздействие описано в терминах «личное», а к социально-опосредованным отнесены «нормативно-позиционное», «семейно-родственное» и «авторитетно-дружеское» средства воздействия.

4. Стратегия социального влияния предполагает устойчивое предпочтение одного средства воздействия, несмотря на изменяющийся контекст ситуации.

5. Предпочтения стратегий зависят от социальных и культурных условий жизнедеятельности, изменяются в разных условиях социального взаимодействия.

Разработанная методика выбора стратегий социального влияния апробирована на репрезентативной выборке, продемонстрировала удовлетворительную надежность и валидность. Ее применение допустимо в исследовательских целях при изучении взаимодействия индивидов, опосредованного социально-структурными характеристиками.

Выводы третьей главы

1. Конструкт методики «Оценки социального взаимодействия личностью» описывает основные аспекты взаимодействия личности с социальным окружением. Структурно в методику входят три шкалы: «Восприятие социальной поддержки», «Самооценка взаимодействия», «Управление взаимодействием».

2. Психометрические испытания методики показывают удовлетворительные характеристики надежности и валидности. Они были тестированы путем изучения внутренних отношений между пунктами и шкалами, корреляционных связей с методами и методиками изучающими сопряженные конструкты — социальную поддержку и самооценку. Внешняя валидность и дискриминативная способность методики подтверждалась в выборках, образ жизни которых подчинен разным условиям регламентации социального взаимодействия. Полученные в ходе оценки надежности и валидности результаты методики дополняют существующие представления о социальном пространстве личности сведениями о его организации и социально-психологических механизмах образования — роли самооценки и социальных структур в репрезентации социального взаимодействия в сознании личности.

3. Апробирована рисуночной методики «Я и мое окружение», применяемой для изучения образных характеристик социального взаимодействия личности, а также его базовых параметров: «социальной поддержки», «самочувствия», «влияния на окружающих». Ее применение в качестве инструмента валидизации основной методики позволило собрать новые сведения о областях взаимодействия, а также видах социальных отношений. Стандартизация этих показателей позволяет применять ее в исследовательских целях при решении задач описания социального взаимодействия личности.

4. Разработана и частично валидизирована методика выбора личностью стратегий влияния. Основанная на гипотезе о множественной детерминации социального влияния, методика изучает представления личности об оптимальном способе воздействия на собеседника — прямом или социально-опосредованных. Апробация методики на выборках лиц, находящихся в разных социальных условиях, показала, что предпочтения стратегий обусловлены социально-культурными характеристиками ситуации воздействия.

Разработанный и апробированный в главе инструментарий далее будет использоваться нами для исследования представлений преступников о социальном пространстве.

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИЯ И СВОЙСТВА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕСТУПНИКОВ

В главе рассматриваются субъективные представления правонарушителей и преступников о социальном пространстве. Постановка исследования основывается на тезисе А. М. Столяренко о роли социальной перцепции в обусловленности преступного поведения человека — неадекватной оценке социальных и собственных возможностей, приводящих к убеждению в невозможности удовлетворить жизненные потребности правомерным способом¹. Проведенное нами исследование развивает данный тезис, дополняя его новыми данными об организации социального взаимодействия преступников и правонарушителей.

Все обсуждаемые факты и выводы получены изучением представлений лиц, отнесенных к категории преступников и правонарушителей на основании применения к ним мер уголовной или административной ответственности. Выборка собиралась автором в исправительных учреждениях ФСИН России по Северо-Западному и Уральскому федеральным округам Российской Федерации, а также подразделениях по делам несовершеннолетних г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области². Для сравнения с группой преступников и правонарушителей была собрана выборка лиц, эквивалентная по социально-культурным и экономическим характеристикам выборке правонарушителей.

В группу были включены лица с правопослушным поведением — обучающиеся кадетских классов школ и суворовских училищ, абитуриенты и обучающиеся образовательных организаций системы МВД России, федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, профессорско-преподавательский состав и обучающиеся педагогических университетов республики Башкортостан, Свердловской и Ульяновской областей, Хабаровского края.

Дизайн всех представленных в главе исследований — сопоставительный. Процесс исследования был стандартизирован единством

---

¹ Столяренко Л.М. Прикладная юридическая психология / под ред. проф. А. М. Столяренко. Москва., 2001. С. 76.

² Автор искренне признателен за помощь в сборе эмпирического материала Власову Андрею Эриховичу, Ильянской Екатерине Ивановне, Недилько Марии Сергеевне, Попинако Екатерине Андреевне и Распопину Евгению Владимировичу.

примененных во всех эпизодах исследования методов, соблюдением единообразия процедуры и условий проведения. Эквивалентность групп в каждом его эпизоде обеспечивалась соответствием параметров правопослушной группы в соответствии с возрастными, социально-культурными критериями лиц, отнесенных к группе преступников и правонарушителей.

В первом параграфе обсуждаются интерактивные характеристики социального пространства преступников и правонарушителей. Анализируется объем социальных связей, барьеры взаимодействия с другими людьми и обществом, единообразие (гомогенность) социального окружения, наличие референтных лиц. Выясняются типичные характеристики социального взаимодействия правонарушителей и преступников, указывающие на ограниченность межличностного пространства, гомогенность входящих в него лиц, восприятие регламентации взаимодействия.

Второй параграф главы описывает восприятие социального пространства преступниками и правопослушными. Их сравнение показывает различия между этими группами, в части ожиданий помощи и поддержки окружающих людей, разницы в самооценке собственных действий, возможностей влиять на других людей — управлять их поведением.

Третий параграф главы раскрывает представление преступников о недостатках социального взаимодействия. Посредством формализованного контент-анализа выявляются группы лексики, описывающие проблемы взаимодействия преступников и правопослушных, раскрывающие сходства и различия между ними.

4.1. Параметрические характеристики социального пространства в представлении правонарушителей и преступников

Представленное в параграфе исследование нацелено на описание характеристик системы социальных связей преступников с социальным окружением. Нами выдвигается и эмпирически проверяется предположение о различиях в организации социальных связей, присущих преступникам и отсутствующим у правопослушных граждан. Научный интерес к этому предмету сопровождает психологическую науку с момента ее возникновения. Первые социально-психологические исследования были посвящены изучению отношений участников малой группы. В последние десятилетия социальные связи изучались в качестве существенного условия жизнедеятельности человека, оказывающего прямое

влияние на личность¹. Были описано то, как социальные связи влияют на чувство удовлетворения жизнью², раскрыта роль социальных связей в преодолении трудных жизненных ситуаций³. Социальные отношения изучались посредством описания разных видах сообществ — производственных, спортивных, военизированных, неформальных группах.

Конечно, наряду с этими группами рассматривались и группы асоциальной направленности — преступников и девиантов⁴. В данных исследованиях изучалась состав и структура преступной группы и роли ее участников. Описывались особенности их взаимоотношений и взаимодействия, анализировалась специфика внутригрупповых отношений несовершеннолетних и взрослых преступников. Данные исследования носили внутригрупповой характер и не всегда анализировали социальные отношения участника преступной группы за ее пределами, оценивали весь объем связей индивида с обществом, то есть вне преступной группы, с другими группами и сообществами.

Исследование системы социальных связей позволяет дополнить теоретические модели взаимодействия преступника с социальным окружением новой информацией.

Основным и наиболее распространенным направлением анализа социальных связей является исследование структур социальных отношений внутри криминальных сообществ — молодежных банд⁵. В нем изучаются формальные характеристики взаимодействия внутри преступных сообществ, для чего анализируется количество их участников и интенсивность общения между ними. Методология исследований строится на обработке внутригрупповых статусов участников групп, частоты контактов между ними, способе коммуникации, релей

---

¹ Tabassum S., Pereira F. S. F., Fernandes S., Gama J. Social network analysis: An overview // WIREs Data Mining and Knowledge Discovery, 2018. № 8(5).

² Clark J. L., Algoe S. B., Green M. C. Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection // Current Directions in Psychological Science. 2018. № 27. Pp. 32–37.

³ Valente T. W. Ego- and personal-networks effect // Social networks and health: models, methods, and applications. Oxford University Press, New York, 2010. Pp. 61–80.

⁴ Ушатиков А. И. Прикладная криминальная психология: учеб. пособие / А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев, Г. К. Корнеева. — Рязань: Академия ФСИН России, 2012. 595 с.

⁵ Kreager D. A., Schaefer D. R., Bouchard M., Haynie D. L., Wakefield S., Young J., Zajac G. Toward a criminology of inmate networks // Justice Quarterly. 2016. № 33(6). Pp. 1000–1028.

и участия в преступлениях¹. На основе полученных данных выстраиваются визуальные отображения интерактивных структур криминальных групп.

Вторым направлением исследований выступает анализ влияния социального окружения на криминальное поведение подростков и молодежи. В них рассматривается роль близких родственников, друзей и сверстников в побуждении к различным преступлениям — кражам и убийствам², а также сетевым практикам распространения наркотических средств³. Методология базируется на обобщении автобиографических сведений, портрета социального окружения и ретроспективы совершенных преступлений. Результатом исследований выступает раскрытие значения, которое оказывает семья, отдельные родственники, близкие друзья или дворовые группы на вовлечение в преступление и формирование преступного образа жизни.

Третьим направлением изучения социальных связей выступает гипотеза о его способности регулировать криминальное поведение молодежи⁴. Предметом исследования выступает роль, которую близкие преступнику люди играют в решении субъекта об отказе от совершения преступлений. Предполагается, что социальные связи могут сдерживать или перенаправлять криминальную активность молодежи на социально-полезные цели. Методология исследований основывается на изучении отношения личности к лицам из своего социального окружения, анализа атрибуций относительно мнений референтных лиц о преступлении.

Анализ состояния научных знаний этих направлений показывает, что система социальных связей влияет как на принятие молодежью решения о преступлении, так и отказе от преступных действий. При этом, видно, что общим фактором построения социальных связей, в равной мере влияющим на решения и поступки личности, является

---

¹ Berlusconi G., Calderoni F., Parolini N., Verani M., Piccardi C. Link Prediction in Criminal Networks: A Tool for Criminal Intelligence Analysis // PLoS One. 2016. № 11(4). Pp. e0154244. DOI: 10.1371/journal.pone.0154244.

² Papachristos A. V. The network structure of crime // Sociology Compass, 2014. № 8(4), pp. 347-357. DOI: 10.1111/soc4.12147.

³ Bichler G., Malm A., Coope T. Drug Supply Networks: A Systematic Review of the Organizational Structure of Illicit Drug Trade. // Crime Science, 2017. № 6(2). Pp. 1–23. DOI: 10.1186/s40163-017-0063-3.

⁴ Sierra-Arévalo M., Papachristos A.V. Social Networks and Gang Violence Reduction // Annual Review of Law and Social Science, 2017. № 13 (1). Pp. 373–393. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-110615-085017.

представление личности о социальном окружении. Будучи самостоятельной в построении социальных связей молодежь избирательна в образовании устойчивых отношений с окружающими ее людьми.

Более того, как показывают наши ранние исследования, связи делинквентной молодежи с социальным окружением отличаются от правопослушной молодежи¹, однако специфика этих различий не изучена в полной мере, особенно относительно русской молодежи. Исходя из дефицита знаний о характере социальных связей делинквентной молодежи, а также ее отношении к социальному окружению, целесообразно исследовать эти вопросы эмпирически. Поэтому актуальным предметом изучения является представление делинквентной молодежи о системе социальных связей и отношении к социальному окружению.

С этой целью нами используются характеристики социальных связей (рассмотрены ранее в главе 3). В рамках данного исследования ими выступают традиционно изучаемые показатели социальных связей (например — объем, стабильность, гомогенность), а также уровень референтности мнений социального окружения².

Характеристика выборки. Выборка делинквентов ($n = 195$, ср. возраст = 16,8 лет, $SD = 1,5$ года, 78,9 % — мужчины), формировалась по признаку нахождения на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних. Отметим, что 57,7 % лиц осуждены к лишению свободы либо обучаются в специализированных учебно-воспитательных учреждениях г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, г. Екатеринбург, Свердловской обл. 60,5 % опрошенных совершали кражи (из них 48,4 % — осуждены), 19,3 % — грабеж и разбой.

Выборка молодежи с правопослушным поведением ($n = 295$, ср. возраст = 17,1 лет, $SD = 1,11$ лет, 56,2 % мужчины). Все обследуемые обучаются в средних общеобразовательных школах г. Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, на момент обследования не совершали правонарушений (преступлений), не состоят на профилактическом учете в городских подразделениях по делам несовершеннолетних.

---

¹ Zlokazov K.V., Tagiltseva Y.R. Youth Notion About Social Space: Interactive, Reflective, and Receptive Components. Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). DOI:10.2991/assehr.k.200509.111.

² Roman C.G., Cahill M., Lachman P., Lowry S., Orosco C., McCarty C. Social Networks, Delinquency, and Gang Membership: Using a Neighborhood Framework to Examine the Influence of Network Composition and Structure in a Latino Community. 2012. PsycEXTRA Dataset. DOI: 10.1037/e552162012-001.

Результаты статистической оценки. Результаты описаны последовательно — в начале приводятся значения показателей социальных связей, а затем — статистические различия между группами делинквентной и правопослушной молодежи.

1. Описательные характеристики системы социальных связей делинквентной молодежи и ее отличия от правопослушной молодежи представлены в таблице 19.

Таблица 19 — Различия в субъективных характеристиках социальных связей делинквентной и правопослушной молодежи

ПОКАЗАТЕЛЬ	ДЕЛИНКВЕНТНАЯ МОЛОДЕЖЬ (n = 195)			ПРАВОПОСЛУШНАЯ МОЛОДЕЖЬ (n = 295)		
	Mean	SD	Median	Mean	SD	Median
Объем	2,1	1,7	2	5,9	1,9	5
Стабильность	4,1	0,7	4	4,5	0,6	4
Гомогенность	4,4	1,2	4	2,5	1,9	3
Подчиненность	2,1	1,3	2	2,4	1,2	2
Референтность	2,3	1,4	2	5,1	1,1	5

Примечание: Mean — среднее значение, SD — стандартное отклонение, Median — медиана.

2. Сравнение представлений делинквентной и правопослушной молодежи относительно социальных связей показало статистические различия по: а) объему (Н крит. (1, n = 219) = 94,7; p = 0,001, $\epsilon^2 = 0,13$); б) гомогенности (Н (1, n = 219) = 14,65, p = 0,001, $\epsilon^2 = 0,05$), конфликтности (Н крит. (1, n = 219) = 15,4; p = 0,001, $\epsilon^2 = 0,05$) и референтности (Н крит. (1, n = 219) = 12,02, p = 0,001, $\epsilon^2 = 0,05$).

Показатели стабильности социальных связей и подчиненности статистически не различаются в группах делинквентной и правопослушной молодежи (Н крит. (1, n = 219) = 1,29; p = 0,28 и Н крит. (1, n = 219) = 1,17; p = 0,28). Объяснение этому видится в специфике возрастного и социального развития, общего для обеих групп обследуемых.

Характеристика взаимоотношений. Объем взаимодействия с окружающими ограничен малой группой людей для 77,5 % обследованных, для 37,9 % — это диады и триады. 14,2 % сообщают об одиночестве и только 6,5 % — взаимодействии с несколькими группами.

Сопоставляя эти результаты с полученными другими исследователями, можно сделать вывод о том, что предпочтение микрогрупп малым социальным группам отражает особенности взаимоотношений преступников с социальным окружением. В частности, схожие результаты были

получены в восьмилетнем исследовании социальных связей осужденных несовершеннолетних, выполненных Н. А. Звекер с соавторами. Ими установлено, что социальные связи в группе преступников и правонарушителем являются небольшими и замкнутыми на них самих. Средний объем участников составляет всего 1,8 человек¹.

Конечно, в абсолютных значениях, наши результаты отличаются, поскольку в иностранной выборке 20 % обследуемых были одиноки или имели дружеские отношения только с одним человеком. Кроме того, в обследуемой нами группе большинство указало на связи со сверстниками, а участники зарубежного исследования — членов семьи. Несмотря на различия в качествах участников социальных отношений, их небольшой объем отмечается в аналогичных исследованиях².

Сопоставление групп преступников и правопослушных показывает, что объем взаимодействия статистически различается (Kruskal-Wallis test: $H(1, n = 423) = 94,7, p = 0,001$). 75,8 % обследованных правопослушных подростков и юношей указывают на объем двух-трех малых групп, а об одиночестве говорит лишь 1,2 % опрошенных. Микрогрупповое взаимодействие присуще только 22,7 % обследованных, в отличие от 37,9 % у правонарушителей.

В целом, результаты сопоставления показывают, что социальное взаимодействие несовершеннолетних преступников и правонарушителей ограничено и, как следует полагать, не только образом жизни (условиями проживания, регламентацией взаимодействия), но и субъективными установками и предпочтениями. Для проверки этой гипотезы нами оценивается референтность социального окружения.

Референтность социального окружения. Изучение значимости социального окружения проводится нами через определение отношения к мнению других людей и оценки степени его предпочтения для личности (по А.В. Петровскому). Измерение референтности проводилось количественным способом на основе субъективной оценки количества лиц, чье мнение интересует опрашиваемого.

---

¹ Zweeker N. A., Harrison A. J., Welty L. J., Teplin L. A., Abram K. M. Social Support Networks among Delinquent Youth: An 8-Year Follow-up Study // Journal of offender rehabilitation. 2018. № 57(7). Pp. 459–480.

² Roman C. G., Cahill M., Lachman P., Lowry S., Orosco C., McCarty C. Social Networks, Delinquency, and Gang Membership: Using a Neighborhood Framework to Examine the Influence of Network Composition and Structure in a Latino Community. PsycEXTRA Dataset. 2012.

Полученные результаты показывают, что объем референтных лиц 69,3 % опрошенных нами преступников и правонарушителей ограничен малой группой. Лишь 3,6 % перечислили более одной средней группы.

Можно заключить, что объем референтных лиц примерно соответствует объему взаимоотношений несовершеннолетних и, как правило, сфокусирован на круге близких им лиц. Об этом говорит и показатель интереса к мнению окружающих людей. У половины выборки правонарушителей он слабый (43,2 %) или вовсе отсутствует (11,2 %). Лишь 36,7 % считают для себя полезным знать, что о них думают окружающие люди.

Изучение референтности в группе правопослушных указывает на статистические отличия в атрибуции референтности с группой правонарушителей (Kruskal-Wallis test: $H(1, N = 423) = 16,97$ $p = 0,001$). Правопослушные называют большее количество людей, чье мнение для них интересно — в среднем, объем референтной группы приближается к 15 человекам, в то время как у правонарушителей он составляет 5 и менее лиц.

Существенны различия в интересе к мнению окружающих людей между правопослушными и преступниками (Kruskal-Wallis test: $H(1, N = 423) = 12,02$, $p = 0,05$). Правопослушные заинтересованы в мнении окружающих людей, о чем говорит 50,2 % обследованных. Не хотят знать мнения других людей лишь 5,3 %, в то время, как у правонарушителей так считает каждый девятый опрошенный нами.

Результаты анкетирования показывают незаинтересованность правонарушителей в мнении окружающих относительно их самих, что подтверждается эмпирическими исследованиями, но объясняется разнородными причинами: психической дезадаптацией (Б. Н. Алмазов), низким социальным статусом (Ю. Б. Гиппенрейтер), свойствами личности делинквентных подростков (Е. Б. Кириллова).

В рамках проводимого нами исследования выдвигается социально-психологическая гипотеза о том, что ограничения взаимодействия обусловлены *нежеланием преступников формировать отношения с окружением вследствие необходимости регулировать собственное поведение в соответствии со стандартами социального окружения.*

Данная гипотеза базируется на выявленных эмпирических фактах в ограниченности объема социального взаимодействия и числа референтных лиц, а также сниженной потребности в социальной оценке у несовершеннолетних преступников и правонарушителей.

Изучение социально-психологической специфики диад и триад позволяет глубже понять особенности взаимоотношений правонарушителей с окружающими. К особенностям микрогрупп относят: функциональные и межличностные основания формирования¹, опосредование социальных норм межличностными и индивидуальными установками². Образование микрогрупп более простой и быстрый процесс, сравнимый с организацией малых групп на диффузном и кооперативном уровне (А. В. Петровский, Л. И. Уманский).

Предпочтение малых групп микрогруппам неоднократно описывалось как характеризующий признак подростков с девиантным и делинквентным поведением. Исследователи объясняют такой тип взаимоотношений личностными качествами — тревожностью и заниженной самооценкой³, импульсивностью⁴, слабым самоконтролем⁵, асоциальными ценностными установками⁶.

Соглашаясь с данными точками зрения, можем заключить, что микрогруппы позволяют несовершеннолетним удовлетворять потребности в наиболее простой форме кооперации с окружающими, основанной на факторах межличностных отношений — симпатии, харизме, а не деловых характеристиках.

Вторым аргументом является устойчивость микрогрупп на фоне стихийности и нестабильности взаимоотношений несовершеннолетних преступников. Предпочтение микрогрупп социальным группам позволяет рассчитывать на помощь и поддержку сверстников, относимых к кругу «близких», «семьи».

---

¹ Горбатенко А. С., Горбатенко Т. М. Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 112–118.

² Сидоренков А. В. Микрогрупповая концепция // Российский психологический журнал. 2006. № 1. С. 21–40.

³ Валицкас Г. К. Гиппенрейтер Ю. Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 45–54.

⁴ Купченко В. Е., Ратанина О. В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2016. № 2. С. 36–41.

⁵ Реан А. А. Характерологические особенности подростков-делинквентов // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 139–144.

⁶ Ощепков А. А. Особенности ценностной структуры микрогрупп подростков с девиантной ориентацией // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. № 4. С. 181–186.

Третьим аргументом выступает содержание отношений в микрогруппе, характеризующееся большей интимностью, а не формальностью. Вследствие этого, микрогруппы обеспечивают максимальное взаимопонимание участниками друг друга, других людей и социальных событий. Такое сходство обеспечивает основания для обобщенных форм социального познания — понятий и категорий. Таким образом, микрогруппы обеспечивают лучшее познание и объяснение социальных событий.

Можно прийти к выводу, что микрогруппы являются оптимальной формой взаимодействия преступников и правонарушителей с окружающими, снижая неопределенность в отношениях, повышая субъективную уверенность в помощи и поддержке окружающих.

Гомогенность социального окружения. Показатель гомогенности социального окружения описывает воспринимаемую меру близости, схожести людей, с которыми взаимодействует несовершеннолетний. Высокая гомогенность приписывается людям с похожими целями, ценностями и установками, а низкая гомогенность (т. е. гетерогенность) — людям с абсолютно различающимися. Дополнительной характеристикой гомогенности является противоречивость взглядов и идей в социальном окружении, повышение которой приводит к конфликтности социального окружения. Характеристики рассчитывались на основе оценки обследуемыми схожести их окружения и вероятности противоречий между ними¹.

Социальное окружение воспринимается несовершеннолетними правонарушителями преимущественно однородным, о чем сообщили 60,4 % опрошенных. 23,1 % указали на сильные отличия между людьми, входящими в зону их повседневного общения, а 14 % отметили полную непохожесть. Эти результаты соответствуют выводам D. L. Hania, сделанным в 2002 году по результатам исследований социального окружения американских подростков-правонарушителей. В ее работе оценивалась роль социального окружения делинквентных и правопослушных подростков в побуждении к криминальному поведению. По данным ее исследования, делинквентные подростки составляют половину от общего числа социальных связей будущих правонарушителей, образуя идеологически непротиворечивую среду формирующую криминальные убеждения.

---

¹ Показатели оценки удовлетворительны: α -Кронбаха=0,55, корреляция между ними значима ($r = 0,38, p < 0,05$).

Оценка гомогенности социального окружения правопослушных подростков показывает различия с правонарушающими. Наибольшие отличия видны по критерию полной похожести людей, с которыми взаимодействуют правонарушители и правопослушные (21,9 % и 3,9 % соответственно). Менее яркие различия существуют в мнениях по критерию «сильные различия между людьми», составляющие 23,1 % от ответа правонарушителей, и 37,0 % ответа правопослушных. Можно видеть, что правопослушные подростки описывают знакомых им лиц разнообразными по взглядам и убеждениям, в отличие от правонарушителей.

Будучи статистически значимыми эти различия характеризуют разнообразие ценностно-целевой специфики окружения (Kruskal-Wallis test: $H_{(1, n=423)}=15,4$ $p=0,001$). В силу возрастных особенностей подростки и юноши восприимчивы к влиянию других людей, но его ценностная однородность не оставляет возможности правонарушителям выйти за пределы ценностей, разделяемых их окружением.

Вторым направлением изучения гомогенности выступила оценка противоречий в ценностях и убеждениях лиц, составляющих круг общения.

В среде правонарушителей уровень конфликтов убеждений среди социального окружения низок, о чем сообщают 72,8 % обследуемых. Только 27 % считают свой круг общения потенциально конфликтным, предвидя противоречия между его участниками. Эти взгляды определяют значимость статистических различий между группами правонарушителей и правопослушных (Kruskal-Wallis test: $H(1, N = 423) = 14,65$, $p = 0,001$).

Правопослушные подростки в большинстве отрицают возможность конфликтов своего социального окружения (96,1 % обследованных), лишь 3,1 % предполагают противоречия между взглядами знакомых им лиц. Можно полагать, что различия внутри социального окружения правопослушных подростков не приводит к конфликтам между ними из-за а) отсутствия предмета противоречий, б) способности к решению противоречий неконфликтным путем¹. Исходя из этих конфликтологических представлений, социальное окружение правонарушителей более конфликтно.

Отметим, что оценка гомогенности указывает не только на реальное сходство целей, ценностей и установок, но и характеризует восприятие подростками окружающих их людей². Неспособность к оценке

---

¹ Плешица С. Г. Основы конфликтологии. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 229 с.

² Чеснокова О. Б., Субботский Е. В. Социальный интеллект в условиях сложных социальных систем // Национальный психологический журнал. 2010. № 2, Т. 4. С. 22–29.

либо ее неадекватность неоднократно отмечалась исследователями в числе атрибутов деликта несовершеннолетних. Так, в работе А. Л. Плотниковой, О. Г. Родионова было показано как недостатки социального интеллекта мешают делинквентному подростку представить контекст ситуации и наметить модель действий в нем¹, В. В. Московченко указал на влияние недостатка ориентировки в ситуации у делинквентных подростков на иррациональность принимаемых ими решений². Развитие отдельных аспектов социального интеллекта (рациональности решений, прогнозирования социальных отношений) используется для профилактики делинквентного поведения³.

Эмпирическая оценка согласованности представлений о гомогенности и противоречиях социального окружения в выборках правонарушителей и правопослушных выявила различия.

В представлении правонарушителей мнения относительно гомогенности и конфликтности социального окружения не сопряжены друг с другом (V -Крамера = 0,34, различия между показателями значимы $\chi^2 = 22,8$, $df = 9$, $p < 0,007$). Соответственно, различия в убеждениях людей, составляющих их социальное окружение, не являются причиной конфликтов. Анализ мнений правопослушных приводит к противоположным выводам. Их суждения о гетерогенности и конфликтности сопряжены (V -Крамера = 0,12, различия между показателями незначимы $\chi^2 = 12,6$, $df = 9$, $p < 0,181$). Другими словами, правопослушные связывают между собой ценностно-целевые различия и возможность противоречий, а правонарушители — нет.

По-видимому, группе правопослушных характерна более глубокая и последовательная оценка социального поведения окружающих их людей, а правонарушителям — поверхностная и разобщенная. Можно заключить, что дальнейшее изучение искажений в представлении о социальном окружении может продемонстрировать недостатки механизма социальной перцепции несовершеннолетних правонарушителей,

---

¹ Плотникова А. Л., Родионова О. Г. Особенности социального интеллекта несовершеннолетних правонарушителей, употребляющих курительные смеси // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11 (55). С. 518–528.

² Московченко В. В. Эмпирическое исследование факторов принятия решений у делинквентных подростков // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 140–153.

³ de Vries S., Hovee M., Asscher J. J., Stams G. The Long-Term Effects of the Youth Crime Prevention Program "New Perspectives" on Delinquency and Recidivism. *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2018. № 62(12). Pp. 3639–3661.

обнаруженных нами только в одном из аспектов познавательной деятельности.

Восприятие социальной регламентации поведения и отношение к ней. Для оценки степени регламентированности нами использовались ответы на вопросы об источниках правил поведения и количестве людей, руководящих обследуемым в течении дня.

Ответы на эти вопросы хорошо согласуются, что позволяет рассматривать их значение взаимодополняющим (α -Кронбаха = 0,73, корреляция между ними значима ($r = 0,57, p < 0,01$)).

В научно-педагогической публицистике восприятие норм и правил, регулирующих поведение рассматривается в качестве индикатора правосознания¹, а при проведении опытно-экспериментальных исследований — используется для прогноза правового поведения². Поэтому нами сопоставляется восприятие нормативной регуляции поведения, и отношение к подчинению в выборках правонарушителей и правопослушных.

Отношение к социальной регламентации поведения различается в выборках правопослушных и правонарушителей. Анализ отношения правонарушителей к правилам показывает, что сами устанавливают правила своего поведения 32,0 % обследуемых, а еще 31,4 % стараются изменять существующие правила в свою пользу. В противовес к ним, лишь 26,6 % правопослушных считают, что сами устанавливают правила поведения и только 13,3 % изменяют их в свою пользу.

Несмотря на то, что и правонарушители и правопослушные находятся в схожих условиях регламентации, видна диспропорция в негативном отношении к правилам поведения. Для большей части опрошенных нами правопослушных лиц свойственно признавать действие норм и правил, регламентирующих их поведение (58,2 % ответов), для сравнения с ними доля лиц, признающих внешнюю регламентацию в выборке правонарушающих составляет лишь 35,6 %. Статистическая оценка различий между группами подтверждает значимость этих различий, позволяя считать выявленные факты действительно, присущими правонарушителям (Kruskal-Wallis test: $H(1, N=423) = 10,01, p = 0,015$). Конечно, отрицание регламентации собственного поведения является исключительно субъективной реакцией неподчинения. Однако она

---

¹ Еремеев Г. С. Правосознание и особенности формирования делинквентного поведения подростка // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 46-48.

² Гуд М. Б. Педагогическая коррекция правовой интолерантности условно осужденных несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2019. 23 с.

характеризует отношение к социальному контролю, присущее правонарушителям.

Наряду с признанием социальных норм, нами изучалось отношение к внешнему влиянию (родителей, учителей, воспитателей). Результаты показывают отсутствие различий между группами (Kruskal-Wallis test: $H_{(1, N= 423)} = 1,17, p = 0,28$). Изучение содержания ответов правопослушных и правонарушителей показывает сходство структур мнений. Так, 32 % правонарушителей и 31 % правопослушных считают, что их поведение контролируют другие люди, при этом из их числа 8,9 % правонарушителей и только 2 % правопослушных рассматривают такое влияние существенным.

Причинами отрицания влияния могут являться эмансипационные тенденции, выступающие одним из признаков данных возрастных периодов. Желание быть независимым в своих решениях и поступках от взрослых людей по всей видимости проявляется в протесте против внешнего контроля над своими действиями. Сопоставляя субъективное отношение к социальной регламентации поведения с оценкой влияния окружающих можно увидеть противоречие между признанием социальных правил и норм и эмансипационными стремлениями у правопослушных граждан. Отрицая влияние окружающих людей на свое поведение, они выполняют социальные правила и нормы, т. е. их протестное поведение носит персонифицированный, а не асоциальный характер.

В группе правонарушителей нет противоречия между отрицанием социальных норм и протестом против влияния других людей на поведение. Они в равной степени не признают и социальные нормы, и влияние окружающих людей. По-видимому, эта особенность и способствует выбору стратегии противоправного поведения.

Следует отметить разницу во взаимодействии правонарушителей и правопослушных в рамках сформированного ими социального пространства. Полученные нами результаты показали, что правонарушители изменяют свое поведение в зависимости от требований социального окружения. В отличие от них правопослушные склонны к однородному поведению в гетерогенном обществе. Можно полагать, что преступники считают себя зависимыми от других людей и социальных групп, тогда как правопослушные независимы и аутентичны во взаимоотношениях с окружающими. Рассматривая эти результаты с позиции теории социальной организации следует отметить, что правопослушные обладают целостной и неизменной от социального

окружения социальной идентичностью, а преступники — разобщенной, конструируемой применительно к конкретным взаимодействиям с людьми и группами диффузной идентичностью.

Завершая описание результатов исследования, сформулируем основные выводы. Сопоставлением интерактивных характеристик выявлена специфика восприятия социальных взаимоотношений, присущая правонарушающей молодежи. Установлены следующие особенности:

1. Объем социального взаимодействия правонарушителей равен объему малой группы как в аспекте взаимодействия, так и в аспекте референции.

2. Социальное окружение представляется правонарушителям гомогенным, в то время как правопослушные воспринимают его гетерогенным. Конечно, различия могут быть обусловлены нарушениями социальной перцепции, приводящим к тому, что для преступников окружающие их люди кажутся схожими, в то время как правопослушные видят различия в целях, ценностях и убеждениях у своего окружения.

3. Отрицание социальной регламентации поведения, выражающееся в непризнании правонарушителями внешнего контроля и руководства.

Эти особенности социального взаимодействия объясняются нами нежеланием преступников инициировать и поддерживать взаимодействие с социальным окружением, по причине:

а) установки на враждебность, обусловленной агрессивным отношением социального окружения;

б) негативного статуса (стигмы) в социальных сообществах, затрудняющего взаимодействие за пределами существующих социальных связей;

в) необходимости регулировать собственное поведение, подчиняясь социальной регламентации взаимодействия.

Эти выводы базируются на выявленных фактах в ограниченности объема социального взаимодействия и числа референтных лиц, а также низкой референтностью социального окружения преступников по сравнению с группами правопослушных граждан. Поскольку выборка исследования охватывает юношество и молодежь, сделанные выводы имеют существенные ограничения.

Проверке предположений будут посвящены следующие параграфы данной главы.

4.2. Свойства социального пространства в представлении преступников

В параграфе обсуждается восприятие преступниками социального пространства. Социальное пространство личности определяется нами как система взаимодействия с другими людьми, группами и сообществами, опосредованная регулируемыми его правилами и нормами и порождающая статусно-позиционные характеристики личности. Возникновение социального пространства, его преобразование или даже уничтожение отражает характер отношений личности с социальным окружением, а вне его — с обществом, в целом. Конечно, эти отношения в той или иной мере рецептируются личностью, а производимые окружением мнения и оценки становятся частью внутренней картины окружающего мира.

Все воспринимаемые характеристики образуют представление о социальном пространстве — многомерную и многоуровневую совокупность межличностных отношений, присвоенных оценок и предписанных личности социальных ролей.

Конечно, несмотря на сложность и многообразие социальных связей личности с социальным миром, восприятие всей системы отношений может обобщаться субъектом до нескольких наиболее важных характеристик, которые отражают значение окружающих в жизни и деятельности личности. В рамках данного исследования критерием обобщения выступает взаимодействие. Измерение взаимодействия включает оценку отношения окружающих людей к личности (соучастия, помощи и поддержки), самооценку взаимодействия с ними, определение способности управлять отношениями с окружающими людьми.

Как было показано ранее, взаимодействие преступников и правонарушителей характеризуется постоянством связей с другими людьми, группами и сообществами, определенностью выполняемых в них функций и ролей, позиционно-статусных характеристик, присваиваемых личности во взаимодействии.

Изучая восприятие преступниками социального окружения, целесообразно изучить субъективные представления о значении других людей, сообществ, и влиянии, которое они оказывают на удовлетворение потребностей субъекта. Для выявления особенностей, присущих представлению преступников об окружающих, его показатели сопоставляются с представлениями о социальных отношениях, присущих правоуполномоченным гражданам. Для выполнения сопоставления

используются группы, уравновешенные по полу, возрасту, образованию, социальным условиям существования, но отличающиеся по социальному статусу.

Целью исследования выступает выявление различий в репрезентации устойчивых характеристик социального взаимодействия, определяемых нами в качестве **параметров** представления о социальном пространстве.

Предполагалось, что между преступниками и правопослушными гражданами существуют различия в представлении о социальном пространстве, в части составляющих его компонент: (1) свойствах, присущих социальному окружению; (2) самооценке взаимодействия; (3) управления взаимодействием с окружающими людьми.

Взаимодействие изучалось с помощью опросника, оценивающего воспринимаемые характеристики социального пространства: поддержке взаимодействующих лиц, самооценке взаимодействия, возможности управления взаимодействием.

Дизайн исследования. Участники и критерии отбора. Исследование проводилось в выборках двух возрастных категорий — подростково-юношеской и молодежной. Внимание ним обусловлено высокой социальной значимостью профилактики правонарушений и преступлений у представителей подросткового и юношеского возраста, а также специфическими особенностями этих возрастных групп, активностью и психологической готовностью к образованию социальных сообществ, присущей этим возрастам¹. Несмотря на то что на эти возрастные группы приходится 40 % совершенных преступлений², их вовлечение в преступления негативно сказывается на перспективах будущей трудовой деятельности, а также оказывает долгосрочные эффекты на уровень социальной и экономической жизни общества.

Вторым обстоятельством, определившим организацию выборки и дизайн сопоставления, выступил фактор регламентации взаимодействия, присущий исправительным учреждениям УИС ФСИН России. Регламентация ограничивает взаимоотношения между преступником и его социальным окружением, предписывает распорядок дня, работы и отдыха, определяет возможности удовлетворения потребностей.

---

¹ Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20

² Социальный портрет преступности: портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 03.02.2021).

На восприятие социального пространства человеком могут оказывать влияние следующие особенности социальной регламентации:

а) ограничение взаимодействия между лицами, отбывающими наказание и их социальным окружением;

б) ограничения возможности удовлетворения личных потребностей режимно-правовыми нормами¹.

Фактор регламентации существенным образом сказывается на уже сформированных социальных связях и отношениях, трансформирует представление преступника о социальном окружении.

Для контроля эффекта регламентации, влияющего на представление о социальном пространстве, нами были включены группы, находящиеся в условиях ограничения социального взаимодействия. Выборку образовали правопослушные граждане, проходящие обучение в образовательных организациях, подчиненных МВД России. Организация обучения предполагает различные ограничения взаимодействия — отделение от семьи и проживание в казармах (гостинице), ограничение взаимодействия с лицами из привычного круга общения; преобладание служебных и учебных мероприятий и ограничение личного времени; субординативные отношения между обучающимися и их начальниками.

Кроме группы контроля, в исследовании участвовали правопослушные граждане, обучающиеся и проживающие в нерегламентированных условиях. Данную группу входили обучающиеся 9–11 классов общеобразовательных школ, а также трудящаяся молодежь, не относящаяся к военизированным профессиям.

Выборка исследования, составила 6 групп, общим количеством 1448 человек. Характеристика выборки, возрастные и половые особенности представлены в таблице 20.

Методом сбора информации выступил опросник (стандартизированный самоотчет), общим объемом 15 утверждений, обобщенных в три шкалы: (1) социальной поддержки; (2) самооценки взаимодействия; (3) управления взаимодействием с окружающими людьми. Психометрические свойства данного опросника обсуждались в главе 3 данной монографии.

---

¹ Тюгаева Н. А. Адаптация личности осужденных к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении как психолого-педагогическая проблема // Вестник института: преступление, наказание, исправление, 2016. С. 91–94

Таблица 20 — Характеристика выборки

	Группы	Описание	Численность	Возраст	Пол
1	Правонарушающие несовершеннолетние (в регламентированных условиях)	Осужденные или состоящие на учете за совершение правонарушений	180 человек	14,8 лет	75 % муж.
2	Правопослушные несовершеннолетние (в регламентированных условиях)	Обучающиеся в кадетских классах, суворовских училищах	173 человека	15,3 лет	76 % муж.
3	Правопослушные несовершеннолетние (в нерегламентированных условиях)	Обучающиеся в 8-11 классах общеобразовательных школ	163 человека	15,9 лет	69 % муж.
4	Преступники, совершеннолетние (в регламентированных условиях)	Осужденные по решению суда и отбывающие наказание в исправительных учреждениях общего режима Свердловской области	210 человек	25,2 лет	85 % муж.
5	Правопослушные совершеннолетние (в регламентированных условиях)	Обучающиеся по профессии «полицейский» в учебном центре ГУ МВД России по Санкт-Петербургу	156 человек	28,3 лет	70 % муж.
6	Правопослушные совершеннолетние (в нерегламентированных условиях)	Представители различных видов профессий за исключением военизированных, государственные служащие (Республика Башкортостан, Свердловская область)	566 человек	28,3 лет	49 % муж.

Данный опросник предъявлялся в двух формах — бумажной и электронной (Google Form). Время заполнения не ограничивалось. Форма заполнения была индивидуальной. Обследуемым объяснялась суть задаваемых вопросов и цели использования информации. Персональные данные не собирались. Согласием участия в опросе выступало его добровольное заполнение. Участие не оплачивалось.

Для обработки данных применялся Н-критерий Краскела-Уоллиса, дополненный медианным тестом. Необходимость его использования вызвана невозможностью использования однофакторного дисперсионного

анализа из-за разного количества участников в сопоставляемых группах, несоответствия распределения показателей нормальному закону, гетерогенностью дисперсий изучаемых показателей.

Применение критерия позволило установить особенности представлений о социальном пространстве, присущие преступникам.

Результаты исследования. Первичные результаты представлены в таблице 21, содержащей описательные значения показателей по сопоставляемым группам.

Таблица 21 — Параметры представлений о социальном пространстве у преступников и правонарушителей

	Наименования групп	Представление о социальном пространстве					
		Свойства взаимодействия		Самооценка взаимодействия		Управление взаимодействием	
		X	SD	X	SD	X	SD
Несовершеннолетние							
1	Правонарушающие в регламентированных условиях	12,8	3,46	12,4	3,09	12,3	3,61
2	Правопослушные в регламентированных условиях	15,1	4,43	13,9	4,14	13,9	3,71
3	Правопослушные в нерегламентированных условиях	18,1	2,53	18,3	2,51	18,5	2,14
Совершеннолетние							
4	Преступники в регламентированных условиях	15,1	5,01	15,2	4,94	15,3	5,03
5	Правопослушные (в регламентированных условиях)	16,9	3,91	16,7	3,57	16,2	3,89
6	Правопослушные в нерегламентированных условиях	17,5	3,55	18,1	3,98	17,5	4,01

Оценка различий проводилась отдельным сопоставлением возрастных категорий несовершеннолетних и совершеннолетних с помощью H-критерия Краскела-Уоллеса.

1. Представления о социальной поддержке статистически значимо различаются у несовершеннолетних правонарушителей по сравнению с правопослушными, находящимися в нерегламентированных социальных условиях. Различия выявлены по показателям воспринимаемой поддержки со стороны социального окружения (Kruskal-Wallis test: $H_{(1, N=343)} = 157,4$; $p = 0,001$), самооценки взаимодействия (Kruskal-Wallis

test: $H_{(1, N=343)} = 195,3$; $p = 0,001$), возможности управлять взаимодействием (Kruskal-Wallis test: $H_{(1, N= 343)} = 185,7$, $p = 0,001$) (графические различия отображены на рис. 6).

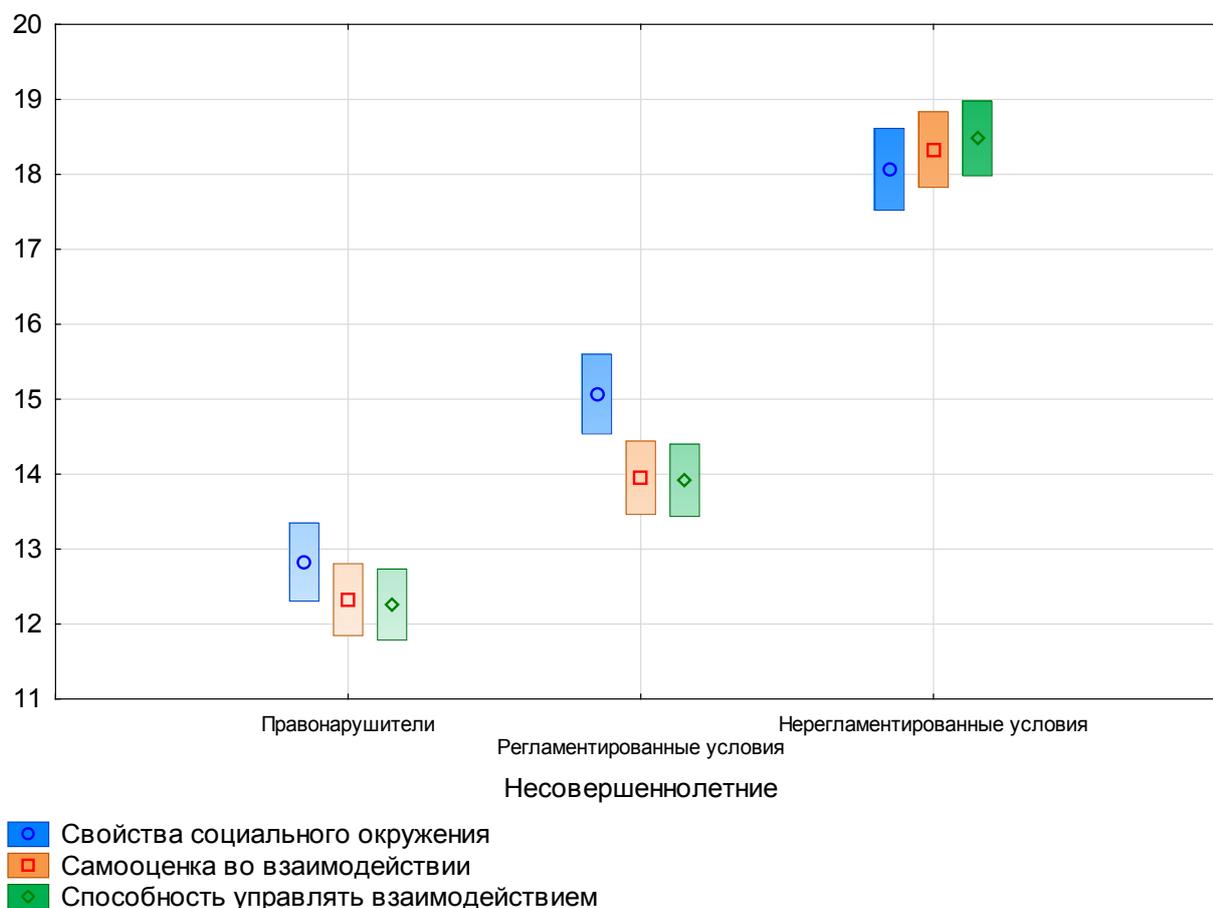
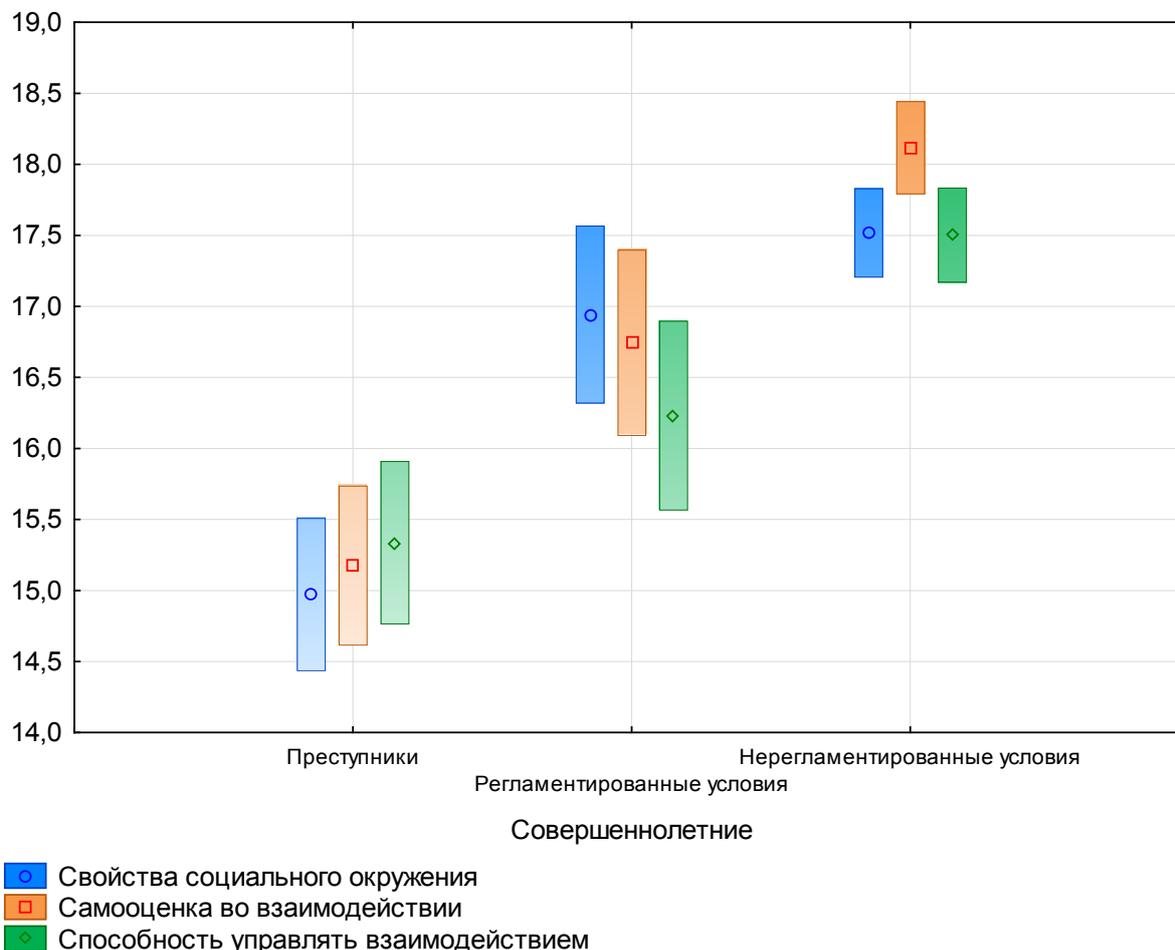

Рисунок 6. Различия в представлении о социальном пространстве в группах правонарушителей (преступников) и правопослушных несовершеннолетних

Полученные факты позволяют сделать вывод о том, что несовершеннолетние правонарушители представляют социальное пространство отягощающим и отталкивающим, взаимодействие с ним считают неуправляемым, низко оценивают самих себя в нем. В сравнении с ними, группы правопослушных несовершеннолетних отличаются более высокими оценками отношения окружающих, возможности управлять взаимодействием с ними и самооценки.

Фактор социальной регламентации оказал влияние на уровень оценок социального пространства в выборках несовершеннолетних. Видно, что условия, ограничивающие возможности взаимодействия, находят свое отражение в представлении о свойствах социального пространства, способности личности влиять на отношения с окружающими и самооценке себя во взаимодействии.

Изучение представлений совершеннолетних преступников о социальном пространстве приводит к выводу о существовании различий между группами преступников и правопослушных (рис. 7).

Рисунок 7. Различия в представлении о социальном пространстве в группах правонарушителей (преступников) и правопослушных совершеннолетних, находящихся в разных условиях социального взаимодействия

Различия между преступниками и правопослушными являются статистически значимыми по всем показателям. Свойства социального окружения оцениваются преступниками хуже, чем правопослушными (Kruskal-Wallis test: $H(1, N=837) = 26,8, p = 0,001$), их самооценка взаимодействия с окружающими ниже (Kruskal-Wallis test: $H(1, N = 837) = 36,5, p = 0,001$), а возможности управлять своим социальным окружением более ограничены (Kruskal-Wallis test: $H(1, N = 837) = 19,2, p = 0,001$).

В целом, совершеннолетние преступники представляют свое окружение нечутким, обременяющим и игнорирующим. Во взаимодействии с окружающими видят себя менее умелыми, свои действия последовательными и эффективными. Полагают, что сложившиеся

с окружающими отношения им лично не удастся изменить, поскольку окружающие их люди не поддаются их управлению.

Представители группы правопослушных дают противоположные по значению ответы. Они оценивают свое социальное окружение заботливым и поддерживающим, чувствительным и помогающим. Себя во взаимодействии с окружающими людьми представляют компетентными, успешными и результативными. Полагают, что способны изменять отношения с другими людьми и управлять взаимодействием с ними.

Обобщение результатов сопоставления показывает, что правонарушители и преступники в целом негативно оценивают свое социальное пространство. По сравнению с другими обследованными группами, социально окружение воспринимается ими более враждебным и бесчувственным.

Вместе с тем, в проведенном сравнении неясным остается то, какие именно люди и отношения характеризуются обследуемыми негативно. Является ли оценка свойств социального пространства отрицательной по отношению ко всем вовлеченным в него субъектам взаимодействия, либо относится к определенным людям, группам, сообществам?

Для ответа на этот вопрос нами проведено дополнительное исследование областей социального пространства правонарушителей и преступников. Целью исследования выступало изучение отношений к различным социальным группам, составляющим личностное пространство. Исследование охватывало субъективные представления об отношении окружающих, их участии в жизни и деятельности личности, поддержке и помощи, которую они оказывают субъекту. Поскольку область взаимоотношений достаточно обширна, для ее обобщения используется термин «свойство».

Под свойствами социального пространства в данном исследовании понимаются способности социального окружения помогать и поддерживать субъекта в деятельности. Выражением свойств выступают возможности, которые другие люди и группы предоставляют личности для достижения целей, реализации своих замыслов. Таким образом, свойства социального пространства выступают производными от отношений между личностью и социальным окружением, выражаются в степени участии окружающих людей в деятельности, обеспечении ресурсов, доступа к средствам достижения целей.

Возникновение представлений личности о свойствах социального пространства обусловлено познанием системы взаимодействия

с другими людьми, группами и обществом в целом. Основу представлений составляет опыт взаимодействия с социальным окружением, понимание их возможностей и ограничений. Следует полагать, что суждения личности относительно свойств неточны, не подкреплены ничем кроме ожиданий или собственного опыта. Зачастую, они представлены в виде атрибуций и ожиданий (экспектаций) относительно действий окружения. Но даже в таком виде они участвуют в регуляции социальной активности личности, участвуют в планировании деятельности и жизни. Изучение представлений лиц, отбывающих наказание, позволяет установить их ожидания относительно свойств социального взаимодействия. Можно полагать, что их суждения раскрывают специфику отношений к другим людям, группам и обществу в целом. Поэтому целью проведенного нами исследования выступило изучение свойств социального пространства в части способности предоставлять возможности для достижения целей, поддерживать преступников различными видами материальных и психологических ресурсов.

Для демаркации областей социального пространства нами использовалась методология измерения социальной дистанции. Ее применение необходимо для разграничения типичных областей взаимоотношений — семьи и родственников, друзей, коллег и других социальных структур. Как указывает Э. Богардус, социальная дистанция является базовой метрикой социального пространства как в реальном виде так и в его репрезентации субъектом. Понятия, используемые для маркирования социальных групп, выполняют функцию категоризации отношений. Причисляя людей к определенным релятивным категориям (например, «семья», «друзья», «коллеги»), субъект не только обобщает множество людей, входящих в эту категорию, но и оценивает взаимоотношения, существующие между ним и этой группой лиц. Аттрактивная оценка была впервые представлена Э. Богардусом в качестве метода изучения дистанции отношений выстраиваемой личностью по отношению к другим людям и социальным группам. В исследованиях А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко, социальная дистанция использовалась для изучения психологической близости людей друг другу. Наиболее близким к нашему взгляду на применение категорий в измерении дистанции выступает способ, предложенный И. А. Николаевой. Она применяла метрику социальной дистанции для изучения того, как подростки воспринимают свое социальное окружение, предлагая распределять его по определенным группам.

В нашем исследовании, категории социальных групп используются для конструирования модели социального пространства личности, упорядочивающей социальное окружение на несколько категорий — семью, друзей, коллег, незнакомых людей. По отношению к каждой из групп нами изучалось субъективное представление обследуемых о возможностях, которые они предоставляют для удовлетворения собственных потребностей и реализации целей.

Методом сбора данных стала специально разработанная анкета, включающая утверждения о качестве социального взаимодействия: «возможность достичь своих целей», «возможность реализовать себя», «возможность получить поддержку». Все пункты анкеты снабжены параметрической шкалой оценки ответов. Градацией шкалы выступали пять категорий социальной дистанции — «в обществе», «в нескольких группах», «в одной группе», «только с близкими людьми», «только с самим собой».

Для обработки результатов использовались процедуры дескриптивной (описательной) статистики — построение таблиц сопряжения для выборок осужденных и правопослушных, расчет относительных значений, а также оценка различий таблиц тестом χ^2 — Пирсона.

Выборкой исследования выступили 112 осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы (100 % из них мужчины, средний возраст 28,3 года). Сопоставляемой с ними выборкой правопослушных лиц выступили 99 человек, по роду деятельности в настоящее время — государственные служащие, наемные рабочие, индивидуальные предприниматели и пр. (100 % мужчины, средний возраст 27,4 года).

Процедура исследования заключалась в заполнении анкеты (для осужденных — в бланковом (бумажном) варианте. Для выборки сопоставления применялся интернет-вариант анкеты, полностью эквивалентный бумажной форме. Обследуемым предлагалось участвовать на добровольной основе.

Результаты исследования. Результаты излагаются в соответствии с гипотезами о специфике восприятия осужденными трех характеристик качества социального пространства — возможности достижения цели, реализации во взаимодействии и ожидания поддержки от окружающих.

1. Возможность достичь своей цели описывается осужденными на всех градациях социального пространства — от близких людей до общества. Существенных различий между выборкой осужденных

и выборкой сопоставления не выявлено ($\chi^2 = 3,2$, $p > 0,05$). Можно полагать, что социальное пространство представляется осужденным доступным для общения и взаимодействия.

2. Представляя себе возможности реализации в социальном пространстве, осужденные ограничиваются одной или несколькими социальными группами. Из ответов следует, что реализовать себя в обществе не предполагает никто (0 % ответов), 43,7 % рассчитывают сделать это в нескольких группах, 31,2 % — в одной группе, а 25 % только с близкими людьми. В выборке сопоставления 21,2 % опрошенных считают возможным реализоваться в обществе, 61,8 % — в нескольких группах, 14,1 % в одной группе и только 2,5 % — с близкими людьми. Статистическая оценка различий в группах значима ($\chi^2=147,2$, $p < 0,001$).

3. Ожидание поддержки от окружающих атрибутируется осужденными неравномерно. Так, поддержку от общества не ожидает никто (0 % ответов), 28,5 % обследуемых рассчитывают получить ее в нескольких группах, 48,2 % — только в одной группе и 23,2 % — только от близких людей.

В то же время, в выборке сопоставления 7 % рассчитывают получить помощь от общества, 51 % — в нескольких группах, 39,9 % — в одной группе и 1 % — только от близких. Статистическая оценка частот ожидания поддержки в группах осужденных и правопослушных указывает на значимость различий ($\chi^2 = 133,5$, $p < 0,001$).

Исследование показало, что представление преступников о социальном пространстве содержит информацию о качестве взаимодействия с окружающими людьми и группами.

Статистическая интерпретация результатов выявила атрибуции преступников относительно возможности достижения целей, реализации себя, получения помощи в сформированном ими социальном пространстве. Преступникам характерна неравномерность распределения данных ожиданий — определенным людям и группам приписываются свойства помощи и поддержки, в то время как другие группы или даже общество в целом оценивается по данному признаку нейтрально или даже негативно.

Соответственно, по качеству взаимодействия, социальное окружение представляется преступникам неоднородным. Это означает, что при описании людей и социальных групп преступником используются категории, разделяющие социальное окружение по признаку его способности помогать в достижении целей, снабжать ресурсами

и поддерживать. Применение этих категорий к окружающим людям сегментируют социальное пространство взаимодействия, разделяя людей и группы на тех, кто способен помочь и поддержать и тех, от кого эту поддержку не получить.

Когнитивным механизмом присвоения категорий выступает атрибуция — приписывание людям и группам когнитивных признаков, указывающих на их способность предоставлять поддержку и помощь.

Используемые атрибуты упорядочивают отношения между преступником и социальным окружением, разделяя людей и группы по этому признаку. В результате, социальное пространство разделяется, разграничивается. Отметим, что в социальной психологии данный феномен рассматривался одним из последствий групповой и межгрупповой динамики. Под понятием барьера понимались нарушения взаимодействия, вызванные снижением статуса члена группы, исключения из группы, социальной изоляции, отчуждения.

Влияние барьеров взаимодействия прослеживаются в искажениях социальной идентичности, Я-концепции и самооценки личности. Восприятие барьеров, по мнению R. F. Baumeister, M. R. Leary побуждает негативные переживания, воспринимается как невозможность кооперации и общения¹.

Социально-психологическими причинами барьеров выступает не только отношение окружающих к личности (выраженных в агрессивном, враждебном несправедливом формах отношения). Установлено, что барьеры взаимодействия могут побуждать к агрессивным и социально-деструктивным действиям. Их примером выступает стремление школьника помешать проведению уроков, затруднить или прекратить деятельность торгового центра, прервать работу вокзала или аэропорта².

Важность изучения барьеров обусловлена не только научным интересом, но и социальной значимостью эффектов, оказываемых субъективными представлениями о барьерах на социальное поведение и взаимодействие в обществе. В частности, расширение психологических знаний о восприятии личностью социального пространства и, в особенности, лиц, совершивших преступные деяния помогает

---

¹ Haslam N. Mental representation of social relationships: Dimensions, laws, or categories? // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. № 67. Pp. 575–577.

² Злоказов К. В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе / К. В. Злоказов // *Педагогическое образование в России*. 2016. № 5. С. 71–81.

разрабатывать программы снижения риска криминального поведения и ресоциализации¹.

Завершая обсуждение, отметим что в представлении преступников их возможности взаимодействия с обществом ограничены. Данные ограничения не являются коммуникативными, не обусловлены трудностями в общении или неспособностью формировать отношения. В представлении преступников окружающие люди не способны помочь им, содействовать или поддержать. Таким образом, ключевым отличием представлений о социальном пространстве преступников и правопослушных являются разные свойства социального пространства. По мнению преступников, социальное пространство является невосприимчивым, жестоким и равнодушным, а по мнению правопослушных — чутким, заботливым и участливым. Такая оценка социального пространства влияет на взаимодействие с ним.

Ранее, при изучении объема социального пространства преступников и правопослушных (первый параграф данной главы) нами уже отмечалось, что преступникам свойственно выстраивать доверительные отношения с небольшим кругом знакомых им лиц, в то время как правопослушные образуют тесные отношения с большим количеством известных им лиц.

Можно предположить, что социальное пространство в восприятии преступников сегментировано атрибутируемым окружающим людям свойством поддержки и помощи. По мнению преступников, все социальное пространство не обладает этими свойствами, и лишь отдельные группы и люди могут ее предоставлять. В отличие от преступников, правопослушные ожидают поддержки окружающих от всех субъектов взаимодействия, включая незнакомых им людей, групп и общества в целом.

В их представлении, социально пространство обладает этими свойствами равномерно. Соответственно, в восприятии преступников взаимодействие с обществом затруднено в той части, где они не получают от людей помощь и поддержку. Существование в таком социальном окружении усложняется, поскольку им приходится либо рассчитывать на собственные ресурсы, либо приложить больше усилий для преодоления отчуждения, привлечь помощь окружающих.

---

¹ Николаева И.А. «Я и другие». Процедура исследования субъективных характеристик социализации личности: учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та, 2004. 80 с.

Важно отметить, что одним из наиболее известных теоретических объяснений сегментации было предложено представителями структурного подхода в социологии — Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. По их мнению, социальная организация общества предполагает закрепление за каждым индивидом определенного статуса — места в системе социального взаимодействия. Статус предоставляет возможности кооперации и оказания воздействия на окружающих. Соответственно, люди имеющие низкий статус в определенной социальной структуре либо вовсе лишенные его имеют минимальные возможности взаимодействия и влияния на окружающих. Потеря или снижение социального статуса может приводить к «выталкиванию» индивида из группы или общества, исключению его из системы социальных отношений.

Итак, с точки зрения социальной организации общества, описанные нами особенности восприятия преступниками взаимодействия с обществом являются следствием их низкого статуса. В тоже время, необходимо подчеркнуть, что нами рассматривались субъективные представления, а не реальный опыт взаимодействия. Таким образом, рассмотренные представления являются в большей степени предвосхищающими, а не реальными оценками барьеров и проблем. Несмотря на то, что субъективной картине мира преступника свойственны убеждения о сложности общения с окружающими людьми и препятствий для совместной деятельности с ними, в реальности данные проблемы таких проблем может и не существовать.

Этот вывод подтверждают исследования Е. В. Распопина, анализировавшего мнения осужденных и их родственников, обсуждавших неудачи ресоциализации и отмены условно-досрочного освобождения¹. Согласно полученным им результатам, основное значение имеют негативные особенности поведения самого бывшего осужденного (лень, праздность, вредные привычки, безответственное поведение и т. п.). Помимо этого, неудачи ресоциализации вызваны негативным поведением людей, с которыми контактирует бывший осужденный (неправильный круг общения, старые связи и знакомые, отсутствие поддержки и т. п.). Только на третьем месте находятся трудности трудоустройства, тяжелое материальное положение и другие факторы, по существу отражающие низкий социальный статус бывших осужденных.

---

¹ Распопин Е. В. Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 7. С. 90–94.

Можно заключить, что изучение представляемых преступником свойств социально пространства дополняет социально-структурную концепцию, показывая, как субъективное восприятие других людей и общества влияет на взаимодействие с ними.

Изучение представлений о свойствах социального пространства имеет важное практическое значение в ресоциализации преступников и профилактике преступлений. Представление о возможности взаимодействия с другими людьми выступает ресурсом для планирования деятельности и принятия решений. Ощущение помощи и поддержки от окружающих воодушевляет и вдохновляет, позволяет строить реалистичные планы. Отсутствие этого ощущения вызывает у субъекта чувство ограниченности, изоляции и обесценивания, что неизбежно сказывается на снижении качества жизни.

Изучение качества социального пространства расширяет социально-психологические знания относительно формирования представления личности о социальном мире и регуляции социального взаимодействия. Изучая представление о социальном пространстве в группе правоуполномоченных совершеннолетних, находящихся в регламентированных условиях, видно влияние, которое она оказывает на личность.

Вторым результатом исследования стало обнаружение эффектов влияния социальной регламентации на представление личности о себе и социальном взаимодействии. В частности, установлено, что социальная регламентация затрудняет взаимодействие внутри сформированного социального пространства личности. Она отделяет субъекта от ранее определенных источников помощи и поддержки в виде друзей, знакомых или родственников. Регламентация взаимодействия изменяет статус личности, изменяет позицию личности в отношениях с окружающими людьми. В результате представление личности о себе в регламентированных условиях может частично или полностью не соответствовать сформированной Я-концепции. Следствием этого может выступать снижение самооценки, наблюдаемое нами в двух группах правоуполномоченных обследуемых, проходящих обучение в условиях образовательной системы МВД России. Их результаты в сравнении с группами, живущими в нерегламентированных условиях отличаются низкой самооценкой взаимодействия с окружающими и низкой оценкой возможности оказывать влияние на отношения с ними.

Таким образом, влияние социальной регламентации распространяется не только на общение и взаимодействие с окружающими. Оно сказывается на субъективной картине социального мира, месте и значении

человека в нем. Влияя на самооценку и атрибуции поведения окружающих, регламентация способна изменить отношение человека к планированию собственной жизни, ограничивая или искажая жизненные цели.

4.3. Недостатки взаимодействия в представлении преступников и правопослушных граждан

Представление личности о взаимодействии является одним из сложных вопросов, изучению которого посвящены исследования в социологии, лингвистике и психологии¹. Описанное в данном параграфе исследование базируется на гипотезе об эквивалентности лексической и оценочной репрезентант взаимодействия. Данная гипотеза имеет теоретическое обоснование, предложенное как в когнитивной лингвистике, так и социальной психологии. Предполагается, что когнитивные структуры и механизмы, участвующие в конструировании представления о социальном мире репрезентируют его в сознании личности в форме понятий и категорий.

Изучение представления предполагает использование методов, чувствительных как к понятийным, так и образно-оценочным репрезентациям. Традиционно их исследования носят монодисциплинарный характер, что сказывается на их концептуализации, применяемом инструментарии и мощности результатов. Современное состояние социально-когнитивного подхода и уровень развития его методологии позволяет сочетать методы когнитивной лингвистики и социальной психологии при проведении междисциплинарного исследования представления о взаимодействии.

Традиционным для социальной психологии методом исследования представлений о взаимодействии выступает самоотчет. Самоотчет — совокупность утверждений, обобщенных определенной темой и снабженных шкалой для оценки. Самоотчет может реализовываться в закрытой форме — из вопросов и ответов, предложенных исследователем, а может быть открытым, давая возможность респонденту самому формулировать свой ответ. Стандартизация предполагает строгое соответствие вопросов определенному теоретическому взгляду — концепции взаимодействия.

В социальной психологии применяется несколько подходов, измеряющих представление о взаимодействии под разными углами

---

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997. 239 с.

зрения. Например, через описание лиц, включенных в социальное окружение и построение социальной сети, оценку эмоциональных отношений между участниками группы, оценку свойств и качеств взаимодействия в группе.

Важно отметить, что большинство из них основывается на аффективно-оценочных, а не понятийных критериях, то есть в основе оценки взаимодействия лежит эмоциональное отношение, а не рациональное суждение.

Существенным психометрическим ограничением закрытых самоотчетов выступает их подчиненность теоретически определенному описанию явления — конструкту. Несмотря на то, что они более точны к конкретным характеристикам взаимодействия, но не в полной мере чувствительны к имплицитным представлениям человека. Как правило, опрашиваемому сложнее выразить свое мнение по предложенному ему суждению в опроснике, чем выразить его с помощью известных ему понятий. Поэтому оценка методом самоотчета может различаться с представлениями человека в том случае, если он не понимает, о чем именно его спрашивают. Однако в неформальном общении выразить свое мнение о взаимодействии с другими людьми не составляет труда. Ведь все характеризуемые понятия имеют языковые средства выражения, а точность их применения определяется по большей части семантической связью между понятием и словом¹.

Поэтому изучение недостатков взаимодействия может фокусироваться не на стандартизированных оценочных суждениях, а на лексике, отражающей ментальную репрезентацию взаимодействия в сознании личности.

Представления как предмет когнитивно-лингвистического исследования. Представление формируется посредством взаимодействия личности с окружающим миром, другими людьми, а его содержание отражает черты системы взаимодействия личности со своим окружением. Исходя из такой характеристики закономерно предполагать, что данное представление не только по форме, но и по содержанию имеет интерсубъектный характер. Представление основывается на взаимодействии личности, поскольку репрезентирует его в сознании, но оно развивается и уточняется благодаря этому взаимодействию. Как уже отмечалось, средством репрезентации представления

---

¹ Gärdenfors P. Some tenets of cognitive semantics // Cognitive semantics: Meaning and cognition. Amsterdam: John Benjamins, 1999. Pp. 19–36.

выступает язык, когнитивной составляющей которого является значение, присваиваемое словам.

В когнитивной лингвистике, предполагается, что значения слов, применяемых для описания одного предмета, какого-либо явления связаны друг с другом семантическими связями. Подобная совокупность слов и связей определяется как *концепт*.

Концепт — это мыслительный образ, предваряющий слова, иерархически надлежащий над ними. Вопрос о роли концептов в процессе мышления. Концепты участвуют в процессе мышления, выступая предметом суждений и обобщений.

В работе мы опираемся на определение концепта, предложенное В. И. Карасиком, описавшего его как «многомерное смысловое образование, имеющее ценностную, образную и понятийную стороны»¹. Рассматривая генез представления о взаимодействии, уместно относить его к референциально-условному отображению (в терминологии А. Paivio)², поскольку его формирование обусловлено когнитивной переработкой социальной информации, а не прямым отражением взаимодействия в сознании. Анализируя академические взгляды на процессы образования концепта, можно выделить несколько различных моделей. В частности, категоризации социальной информации³, соотнесения с уже имеющимися конструктами⁴ и построения ментальной модели⁵.

Репрезентация концепта осуществляется посредством вербализации, с присущими этому процессу когнитивными и речевыми закономерностями.

Кроме того, вербализация опосредована языковыми традициями, правилами словоупотребления и условиями коммуникации. Как отмечает О. А. Алимуратов, вербализация концепта предполагает его трансформацию, вплоть до изменения значения⁶. Поэтому, исследование

---

¹ Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. трудов. Волгоград, 2001. С. 3–16.

² Paivio A. Imagery, language and semantic memory // International Journal of Psycholinguistics, 1978. № 5(2). Pp. 31–47.

³ Bruner J. S. Acts of meaning. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1990. 179 p.

⁴ Henry A. Review of George Kelly: The psychology of personal constructs. Psychology Teaching Review, 2009. № 15 (1). Pp. 85–86.

⁵ Johnson-Laird, P. N. Mental Models and Probabilistic Thinking // Cognition, 1994. № 50. Pp. 189–209.

⁶ Алимуратов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2003.

вербальных репрезентант концепта требует применения методологии, определяющей с уровня готового текста подняться до концептуального уровня семантики (по Б. Потье)¹. В целом, мы разделяем положение теории «единой семантики», о том, что концепт отражает реальные отношения человека в той мере, в какой он соотносится с референциальной областью. Следовательно, выявление лексики присущей разным состояниям взаимодействия, ее описание и сопоставление позволяет раскрыть характеристики концепта. Эти аналитические задачи определяют применение количественных методов лингвистического исследования. Благодаря их использованию становится возможным оценить как универсальный, так и ситуативно обусловленный характер концепта, пусть даже через призму обобщенного (до уровня частот словоупотребления) совокупности лексических маркеров.

Применение количественных методов в изучении лексики, репрезентирующей недостатки социального взаимодействия, представляется полезным, поскольку дает возможность установить различия между представлениями о недостатках, присущих различным условиям социального взаимодействия, сопоставить лексические характеристики взаимодействия с другими методами его исследования.

Целью предпринятого эмпирического исследования выступило изучение лексики, применяемой преступниками и правопослушными гражданами для обозначения недостатков в социальном взаимодействии. Достижение цели определялось решением трех задач:

1. Обобщение лексики, описывающей недостатки социального взаимодействия. Решение задачи позволяет описать типовые концепты представления о недостатках.

2. Изучение характеристик социального взаимодействия методом субъективной оценки, позволяющее определить уровень недостатков, присущих взаимодействию с окружающими.

3. Соотношение лексики, маркирующей недостатки взаимодействия с субъективными оценками социального взаимодействия. Решение задачи позволяет связать репрезентации недостатков взаимодействия, показывая сопряжение субъективных оценок с концептами.

Выборка исследования. Участвовали 262 человека, сгруппированные в две группы (характеристика выборки представлена в табл. 22).

---

¹ Анисимова Н. П. Общая семантика Б.Потье как теоретическая база сопоставительного исследования // Вестник Тверского государственного университета, 2015. № 4. С. 7–11.

Таблица 22 — Характеристика выборки

	Группы	Описание	Численность	Возраст	Пол
1	Преступники, совершеннолетние (в регламентированных условиях)	Осужденные по решению суда и отбывающие наказание в исправительных учреждениях общего режима Свердловской области	131 человек	24,8 лет	80 % муж.
2	Правопослушные совершеннолетние (в нерегламентированных условиях)	Представители различных видов профессий за исключением военизированных, государственных служащие (Республика Башкортостан, Свердловская область)	131 человек	28,5 лет	72 % муж.

Исследование заключалось в ответах на вопросы созданного в исследовательских целях стандартизированного самоотчета. Использовались две эквивалентные формы — бумажная и электронная (разработанная в форме интернет-опросника). Участие осуществлялось на добровольной основе, индивидуально, без ограничения времени.

Метод исследования. Применялись два метода: контент-анализ лексики недостатков взаимодействия (количественный контент-анализ) и субъективной оценки взаимодействия (анкета, содержащая стандартизированные утверждения). Опишем методологию сбора и обработки исследовательского материала.

1. Контент-анализ лексики, маркирующей недостатки взаимодействия. Недостатки социального взаимодействия изучались открытым вопросом «Чего Вам не хватает во взаимодействии с окружающими Вас людьми?». Обследуемые писали ответ вручную либо впечатывали его в форму. Вопрос понятен и адекватно воспринимается выборкой — были получены 480 ответов из 503 собранных анкет, по смыслу релевантных ответов — 476 (94 %). Типичный ответ состоял из 2-3 слов, средним объемом 12 знаков.

Посредством контент-анализа были определены две группы ответов: описывающие различные виды недостатков социального взаимодействия и ответы, отрицающие такие недостатки. В целом, из 476 обследованных, 205 человек описали недостатки, а 176 написали об удовлетворенности. В группе с нерегламентированным взаимодействием

их соотношение составило 27,8 % и 25,1 %, в группе со средней регламентацией 21,5 % и 26,3 %. В группе лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, с сильно-регламентированными условиями 37,7 % — описали недостатки, а 16 % — указали на их отсутствие.

Процедура обработки высказываний. Нами применялась методология контент-анализа, базирующегося на статистическом анализе текста на основе частоты встречаемости слов и их ассоциируемости (связности) — text mining. Данная методология используется для выявления концептов, описания их содержания и применения в различных видах социальных отношений¹.

Ее ключевые этапами выступают:

а) подготовка массива слов, заключающаяся в исправлении ошибок в написании и вычленении информативных частей речи (существительных, наречий и прилагательных), исключении служебных частей речи (предлогов, союзов и пр.), регулярных выражений и нецензурных слов;

б) нормализация текста посредством стемминга и лемматизации, приводящая к определению основ слова;

в) выявлению частоты употребления слов;

г) концептуализация — группировка слов по степени частотности и связности в виде концептов. Решение данных задач в настоящее время компьютеризировано и может выполняться несколькими десятками программных продуктов. Нами использовался один из них, реализуемый в программе Statistica for Windows.

Собранный массив составил 428 слов общим объемом 8847 знаков. После очистки, стемминга и лемматизации, массив уменьшился до 305 слов, релевантных описанию недостатков в социальных отношениях. Далее, вместе с расчетом частоты встречаемости слов была выполнена операция сингулярного разложения (Singular Value Decomposition). Вследствие ее массив был уменьшен до 15 ключевых концептов (группировок слов) объясняющих 83,4 % объема первоначального массива. Усредненный собственный вес концептов = 4,91, MD = 4,36, макс. = 8,9, мин.=2,92. Полученные концепты достаточно полно передают информацию (потеря составляет 16,3 %), а дальнейшее их уменьшение вызовет существенные потери в уникальности значений. Поэтому, мы остановились на репрезентации данного массива в виде 15 концептов,

---

¹ Mautner G. Mining large corpora for social information: the case of elderly // Language in Society, 2007. № 36 (1). Pp. 51-72.

обобщающих собой сочетания 15 слов, используемых для описания недостатков взаимодействия.

Следующим этапом обработки выступала оценка значения понятий, исходя из связности (сопряженности) их употребления. Данная задача решалась посредством кластерного анализа методом k-means¹. Он проводился над матрицей сингулярного разложения (15 концептов x 15 слов), отражающей значение (вклад) каждого из слов в соответствующий концепт. В результате были получены два кластера, группирующие слова наиболее часто употребляемые совместно для описания недостатков.

2. Субъективное оценивание взаимодействия. Применялся метод самоотчета, реализованный в виде анкеты, включающей девять закрытых вопросов, снабженных семибальной шкалой интервалов (от -3 до +3), позволяющей оценить три характеристики взаимодействия. Опрошено 503 человека.

1. Свойства взаимодействия изучались через анализ отношения окружающих к субъекту. Оценивалась восприимчивость, поддержка и признание окружающими (3 утверждения: «Чувствительны ли окружающие Вас люди», «Поддерживают ли Вас окружающие люди», «Признают ли Вас окружающие люди?»). Оценка согласованности пунктов показала удовлетворительные результаты ($n = 503$, Кронбах $\alpha = ,89$, межпункт. корр. = $,77$), поэтому утверждения были обобщены в единый показатель «Свойства взаимодействия», отражающего восприятие личностью возможностей и ресурсов, предоставляемых взаимодействием с окружающими людьми. Параметры распределения рассчитаны с учетом стандартизации ($Mz = 0,61$, $SDz = 2,66$ распределение нормальное Shapiro-Wilk $p < 0,001$).

2. Самооценка себя во взаимоотношениях изучалась обращением к самооценке (3 утверждения: «Каким Вы ощущаете себя при взаимодействии с другими людьми?», «Какими Вы видите свои поступки?», «Каким Вы воспринимаете себя»).

Согласованность утверждений удовлетворительна ($n = 503$, Кронбах $\alpha = ,81$, межпункт. корр. = $,61$), что позволяет представить эти утверждения в виде единого показателя социальной самооценки, отражающего самооценку во взаимодействии. Параметры распределения рассчитаны с учетом стандартизации ($Mz = 0,68$, $SDz = 2,41$, распределение нормальное Shapiro-Wilk $p < 0,001$).

---

¹ Delen D. Practical Text Mining and Statistical Analysis for Non-structured Text Data Applications. Academic Press, Inc., USA. 2012. 1000 p.

3. Качества, выражаемые во взаимодействии, изучались через оценку отношения к окружающим (3 утверждения, интервальная шкала: «Ответственны ли Вы за взаимодействие с окружающими людьми?», «Честны ли Ваши отношения с окружающими людьми?», «Справедливы ли Ваши отношения с окружающими людьми?»). Согласованность утверждений удовлетворительна ($n = 503$, Кронбах $\alpha = ,72$, межпункт. корр. = $,55$), что позволяет рассматривать данные утверждения в виде единого показателя. Он характеризует моральный аспект отношений субъекта с окружающими людьми — их равенство и взаимность. Параметры обобщенного показателя также рассчитаны с учетом стандартизации ($Mz = 0,62$, $SDz = 1,41$, распределение нормальное Shapiro-Wilk $p < 0,001$).

Анализ показал, что в целом все утверждения обладают высокой степенью согласованности ($n = 503$, Кронбах $\alpha = 0,89$ и значимо коррелируют друг с другом, $p < 0,01$), что говорит об их внутренней связности и непротиворечивости, т. е. применимости к оценке субъективных представлений и относимости к области социального взаимодействия.

Дизайн сопоставления и метод статистической оценки. Сопряжению подвергались оценки социального пространства у лиц, использовавших для описания недостатков слова из первого кластера, второго кластера, с лицами, указавшими отсутствие недостатков взаимодействия. Методом статистической обработки выступал многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), а также его непараметрический аналог Н-критерий Краскела — Уоллиса, позволяющий сопоставлять данные переменные без учета характера их распределения. С их помощью определялось влияние зависимых переменных «Недостатки социального взаимодействия» и «Группа обследуемых» на независимые переменные «Свойства взаимодействия», «Самооценка», «Качества взаимодействия».

Переменная «Недостатки социального взаимодействия» имела три уровня: 1) отсутствие недостатков; 2) недостатки первого типа; 3) недостатки второго типа.

Переменная «Группа обследуемых» имела два уровня: преступники, правопослушные.

Независимые переменные представлены в шкале интервального типа и нормализованы z-преобразованием, для выравнивания параметров распределения для разных шкал.

Результаты исследования. Изложение проводится согласно поставленным задачам.

Решение задачи 1. Контент-анализ лексики, маркирующей недостатки социального взаимодействия. В таблице 1 представлены результаты обработки полученного в ходе опроса массива слов, их концептуализации и кластеризации.

Анализ частоты словоупотребления показывает, что при описании недостатков 476 обследованными в 58 % полученных высказываний используются пятнадцать понятий. Данные понятия применяются с разной степенью интенсивности (т. е. частотой применения для описания недостатков, варьируемой от 20 до 40 %).

Оценка их сочетаний в высказываниях позволяет выявить практику словоупотребления, раскрывая субъективное значение недостатков взаимодействия. Использование кластерного анализа позволяет распределить выявленные слова в группировки (кластеры), исходя из частоты их употребления (используется процедура k-means). Выбор количества кластеров основывался на критериях различимости и информативности.

Оптимальным на этом основании решением явилась группировка из двух кластеров, поскольку другие решения приводили к сочетанию групп слов (различимости словоупотребления). Данное решение и обсуждается в рамках нашей работы.

Кластерный анализ обнаруживает различия, по-видимому, лежащие в основе применения лексики для описания недостатков. Так, первый кластер образован сочетающимся употреблением слов «доброта», «искренность», «любовь», а второй — «время», «свобода», «честность». Психологически эти понятия характеризуют разное качество социальных отношений. Первый кластер описывает недостатки во взаимоотношениях — неформальных по регуляции и располагающихся в межличностной и интимной дистанции. Понятия о доброте, искренности и любви выступают его репрезентантами. Второй кластер, можно предположить, характеризует социальное взаимодействие — более формализованное по регуляции и располагающееся в социальной дистанции. О взаимодействии свидетельствуют отсылки респондентов к недостаткам организации — нехватке времени, малой возможности для самопроявления, спонтанности, выраженные термином «свобода».

Таблица 24 — Группировка вербальных описаний недостатков социального взаимодействия

1. Нормализация данных (305 слов)		2. Концептуализация (15 концептов)	3. Кластеризация концептов (2 кластера, метод k-means)				F-критерий Фишера, p
Стемм	Частота слов %	Вовлеченность слова в концепты, %	1 кластер		2 кластер		
			M	SD	M	SD	
«взаимопониман»	23 8 %	27 %	-0,08	1,05	-0,04	0,55	
«время»	49 16 %	20 %	0,28	0,70	1,83	1,07	7,62, p < 0,01
«доброт»	21 7 %	27 %	0,30	0,98	-0,96	0,43	1,97, p < 0,05
«довер»	24 8 %	40 %	0,23	1,04	-0,09	0,21	
«друг»	14 5 %	27 %	0,16	1,04	-0,13	0,41	
«искрен»	72 24 %	20 %	0,43	0,88	-1,10	1,12	4,98, p < 0,01
«любов»	11 4 %	33 %	0,34	0,97	0,09	0,77	
«общен»	19 6 %	20 %	-0,02	1,05	0,12	0,65	
«открыт»	18 6 %	40 %	-0,40	0,96	-0,42	0,04	
«пониман»	46 15 %	27 %	-0,17	1,04	-0,34	0,05	
«правд»	11 4 %	20 %	-0,29	0,98	0,16	0,86	
«свобод»	40 13 %	20 %	-0,28	0,77	1,70	0,88	11,6, p < 0,01
«справедлив»	12 4 %	33 %	-0,30	1,02	-0,05	0,54	
«уверен»	9 3 %	40 %	0,12	1,03	0,15	0,85	
«честност»	59 19 %	33 %	-0,22	0,88	-1,23	1,04	1,99, p < 0,05
58,3 % от общего числа высказываний содержит данные слова и словоформы		Представлена доля ненулевых значений нагрузок матрицы сингулярности по всем концептам	Двух кластерная классификация оптимальна по сравнению с трех- и четырех кластерной по дифференцирующей способности. Расстояния рассчитывались методом Евклидовой дистанции: между 1-2 кластерами — 0,73, между 2 и 1 кластерами — 0,85.				

Различия между кластерами определяются по коэффициентам частоты присутствия понятий «время», «свобода», «доброта», «искренность» и «честность» в извлеченных нами концептах. Они выполняют роль маркеров, обнаруживающих субъективный подтекст в высказываниях о недостатках социального взаимодействия.

Следует оговориться, что перечисленные концепты дословно воспроизводят высказывания обследуемых, что не позволяет считать их аналитическими категориями, показывающими точную связь между обозначающим и обозначаемым. Скорее наоборот, обследуемые стремятся указать несколько разных категорий, для того чтобы несколькими

понятиями передать значение. Поэтому, потребность в открытости и правдивости, справедливости и правдивости и понимании корректно рассматривать как рядоположенные понятия, указывающие на область проблем, чем описывающих конкретное затруднение во взаимодействии.

Решение задачи 2. Изучение характеристик взаимодействия методом субъективной оценки. Решение задачи осуществлялось путем статистической оценки характеристик взаимодействия, полученных из анкетных оценок обследуемых, находящихся в разных условиях регламентации взаимодействия. Результаты представлены в таблице 25.

Таблица 25 — Субъективные представления опрашиваемых о социальном взаимодействии

Описание группы	Объем выборки	Оценка социального взаимодействия					
		Восприятие социальной поддержки		Самооценка взаимодействия		Управление взаимодействием	
		М	SD	М	SD	М	SD
Правопослушные совершеннолетние (в нерегламентированных условиях)	131 чел.	1,31	1,43	1,21	1,11	1,21	1,32
Преступники, совершеннолетние (в регламентированных условиях)	131 чел.	0,0	1,41	0,0	1,12	0,0	1,47
Статистическая значимость (N _{крит} Краскела-Уоллиса)		N _{крит} = 39,8; p = 0,001		N _{крит} = 32,1; p = 0,001		N _{крит} = 39,8; p = 0,001	

Примечание: М — среднее значение, SD — стандартное отклонение, N_{крит} — критерий Краскела-Уоллиса приводится усредненным значением для всех групп.

Результаты статистической оценки показывают, что в обследованных группах субъективное восприятие взаимодействия значимо различаются.

Негативными оценками сопровождаются оценки взаимодействия преступниками. Окружающие люди воспринимаются ими мешающими и обременяющими, самооценка собственных действий очень низка, а отношение к окружающим выражается в безответственности и попустительстве.

Правопослушные граждане описывают свое взаимодействие чувствительным и поддерживающим, самооценка отношений с окружающими — высокая, как и готовность проявлять свои лучшие качества во взаимодействии.

В целом, результаты соответствуют ранее описанным нами на других выборках оценкам восприятия социального пространства. Их можно использовать для решения ключевой задачи исследования — сопоставления субъективных и лексических репрезентаций недостатков.

Решение задачи 3. Сопоставление лексических групп с оценками взаимодействия, полученными в выборках преступников и правопослушных граждан.

Решение задачи заключалось в измерении частоты применения лексики, отнесенной к первому (взаимоотношения) и второму (взаимодействие) лексических групп. Далее сопоставлялись частоты встречаемости этих высказываний у преступников и правопослушных граждан.

Оценка частоты высказываний проводилась с помощью непараметрического аналога дисперсионного анализа — H -критерия Краскала-Уоллиса. Им установлено, что различия в частоте статистически значимы для слов, маркирующих недостатки взаимоотношений (H крит = 15,1, $df = 4$, $p = 0,004$, $\varepsilon^2 = 0,01$), взаимодействия (H крит = 12,2, $df = 4$, $p = 0,001$, $\varepsilon^2 = 0,01$).

Результаты показывают, что группировки слов, маркирующие недостатки чаще всего используются преступниками. По сравнению с ними, правопослушные обследуемые реже высказываются о проблемах взаимоотношений и взаимодействия. Частота словоупотребления и качество оценок различаются у групп преступников и правопослушных граждан (статистическая оценка проводилась методом однофакторного дисперсионного анализа — One-way ANOVA $F_{(4, 944)} = 5,01$, $p < 0,001$, $\varepsilon^2 = 0,02$). У преступников они наиболее выражены, а для правопослушных — наименее. Ранее, в параграфе 4.2. мы уже отмечали эту особенность на выборках несовершеннолетних и совершеннолетних преступников. Примечательно то, что данное исследование анализирует лексический (т. е. вербальный материал), что показывает, что в представлении и преступников и правопослушных субъективные оценки соответствуют лексическим.

Изучая ментальную репрезентацию взаимодействия у преступников и правопослушных, мы описываем общие понятия, применяемые для характеристики недостатков. Обнаруженные нами 15 словоформ, маркирующие проблемы социального взаимодействия, типичны для всей выборки. Это позволяет сделать вывод об однородности лексики недостатков, используемой участниками обеих обследованных групп. Видя, что недостатки взаимодействия и взаимоотношений сопряжены, можно прийти к выводу о смежности данных концептов в представлении

обследуемых. Размышляя о других людях, респонденты воплощают свое видение проблем в терминах, относимых как к области взаимоотношений, так и области взаимодействия. По-видимому, на лексическом уровне, для обследуемых проблемы взаимодействия и взаимоотношения являются схожими.

В тоже время, статистическая оценка частоты употребления слов дала возможность обобщить их до двух группировок. Статистический анализ показал, что ряд слов в группировках применяется изолированно друг от друга (например, высказывание «*недостаточно свободного времени*» практически никогда не сочетается с высказыванием «*недостаточно доброты в людях*»). Это позволяет сделать вывод о том, что значения группировок слов различны, соответственно их использование целенаправленно выражает мнение обследуемого о проблемах взаимоотношений или взаимодействия.

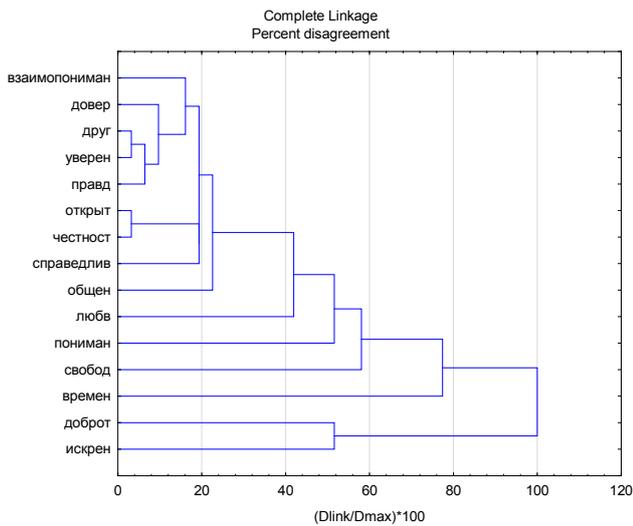
Нами был проведен анализ ассоциаций между группами лексики. Его цель — выявить особенности описания недостатков преступниками и правопослушными. Полученные с его помощью результаты показывают лексические различия в описании недостатков преступниками и правопослушными.

Ассоциации устанавливались с помощью кластерного анализа данных. Он выполнялся методом полной связи (complete linkage), позволяющим описать группировки лексики, упорядочив их в виде компактной структуры. Критерием оценки связи выступила частота рассогласования словоформ (percent disagreement), объединяющая наиболее часто ассоциированные словоформы в близкие кластеры¹. Предпочтение такого способа обусловлено еще и тем, что анализируемые данные представлены в дихотомическом виде.

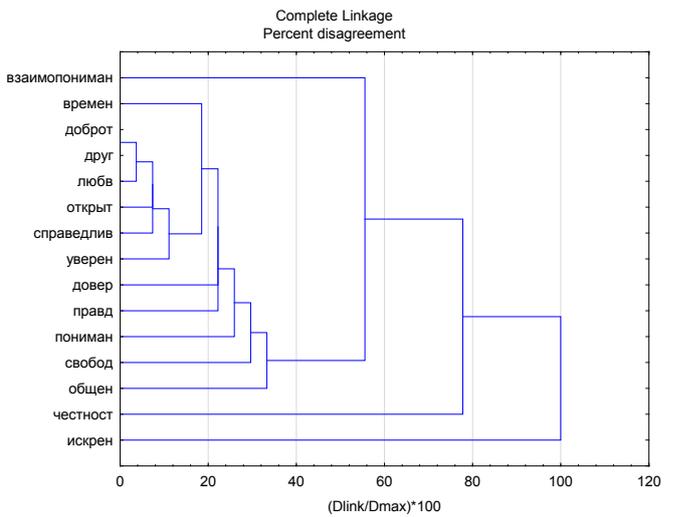
Полученные в результате кластеризации результаты представлены на рисунке 8. Основываясь на его результатах, можно видеть, что связи между группировками лексики у преступников и правопослушных различаются.

---

¹ Буреева Н. Н. Многомерный статистический анализ с использованием ППП “STATISTICA”. Н. Новгород: ННГУ, 2007. 112 с.

Представление преступников

Представление правопослушных

Рисунок 8. Недостатки взаимодействия в представлении преступников и правопослушных

Примечание: метод кластерного анализа, способ кластеризации — полной связи, критерий кластеризации — процент рассогласования.

Видно, что для преступников наиболее актуальными являются недостатки открытости и честности людей, неуверенность и недоверие по отношению к ним. Вероятно, что в их представлении социальное пространство является закрытым и лживым, предающим и несправедливым. Преступники говорят о трудностях, не позволяющих им установить взаимодействие с окружающими их людьми, они просят их быть открытыми, честными, хотят быть уверенными в других людях, ожидают от них правдивости. Можно предполагать, что эти недостатки описывают один из начальных этапов взаимодействия, посвященный планированию и координации совместных действий.

Правопослушные говорят о недостатках доброты и любви, открытости и справедливости, уверенности, доверии и правде. По-видимому, социальное пространство правопослушных наполнено интимными и межличностными проблемами. Их интересует дружба и любовь, они требуют от окружающих открытости и честности, хотят доверять и быть уверенными в человеке.

Анализируя результаты кластерного анализа, отметим, что проблемы взаимодействия преступников с окружающими людьми отличается от правопослушных. Преступники затрудняются образовать стабильные

и устойчивые связи с другими людьми, тогда как правопослушные не удовлетворены уровнем качества уже сформированных ими социальных отношений — проблемами взаимоотношений.

Описывая отношения между понятиями взаимодействия и взаимоотношения с позиции В. Л. Мясищева, можно говорить о том, что взаимодействие является первичным этапом построения связей с другими людьми, а взаимоотношение — вторичным, следующим за ним¹. Отсутствие у преступников возможности установить взаимодействие и достичь необходимого уровня открытости, правдивости и доверия, очевидно не дает возможности сформироваться межличностным отношениям. Частично данные выводы могут быть поддержаны выводами А. Б. Купрейченко об основополагающем значении доверия для установления взаимодействия², а также результатами исследований А. Н. Татарко, показавшего что доверие является основным условием построения социальных отношений³.

В целом, результаты кластеризации позволяют утверждать, что для преступников обследованной нами группы типичными проблемами взаимодействия выступает неуверенность в окружающих людях, сомнение в их открытости и честности. В выборке правопослушных ключевыми проблемами являются проблемы межличностных и интимно-личностных взаимоотношений, репрезентированные недостатком доброты и любви.

Выводы. Проведенное исследование выполнено под влиянием идей социального-когнитивного подхода и его реализации в социальной психологии и когнитивной лингвистики. Междисциплинарный характер исследования определяется положениями теории социального познания и когнитивной лингвистики, согласующихся в том, что представление личности о социальном взаимодействии имеет концептуальную (логико-понятийную) организацию.

Содержание представления личности формируется посредством осмысления взаимодействия и взаимоотношений с другими людьми. Содержание представления составляют суждения о сущности взаимодействия, его возможностях и ограничениях. Представление о недостатках сопровождает представление о взаимодействии, поскольку

---

¹ Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. С. 216.

² Купрейченко А. Б., Табхарова С. П. Критерии доверия и недоверия личности другим людям // Психологический журнал, 2007. Т. 28. № 2. С. 55–67.

³ Татарко А. Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития // Социальная психология и общество, 2014. Т. 5. № 3. С. 28–41.

является производным от него, раскрывает несоответствие между ожиданиями личности и получаемыми результатами. Поскольку недостатки являются предметом обсуждения между участниками взаимодействия, закономерно полагать что личностью они репрезентируются в аффективно-оценочном (эмоциональном) и понятийном видах.

Такой взгляд на представление о недостатках взаимодействия обосновывает необходимость использования двух методов его измерения — субъективного шкалирования и вербального описания. Поэтому в исследовании используются оба метода сбора информации о недостатках. Для сопряжения они применяются в виде контент-анализа частот применения лексики и субъективных оценок.

Методологическим результатом является соответствие вербальных описаний и шкальных оценок в оценке недостатков взаимодействия как преступниками, так и правопослушными участниками исследования. При том, что используемые нами шкалы не соответствуют лексике недостатков, они, тем не менее, согласованы с частотой применения лексики недостатков относительно конкретного вида регламентации. Поэтому, можно полагать, что вербальные описания и субъективное шкалирование эквивалентны друг другу в оценке недостатков взаимодействия.

Сопоставление вербальных описаний и шкальных оценок может быть полезным для верификации исследований, в которых анализ используемых слов сочетается с оценкой эмоциональности высказываний. Такая операция повысит надежность диагностики взаимодействия посредством различения лингвистических маркеров, обозначающих недостатки двух аспектов — взаимоотношений и координации действий. Она расширяет возможности оценки лексики высказываний, поскольку основывается не на измерении эмоциональной окрашенности высказываний (*sentimental analysis*), а на выявлении их субъективного значения. Конечно, применение количественного контент-анализа описывает лишь типовые высказывания, исключая нетипичную, оригинальную или метафорическую лексику. Вместе с тем, высокая степень типичности ответов (58 % из 305 слов) для всей выборки обследуемых позволяет сделать вывод о схожести лексики, маркирующей недостатки взаимодействия.

Прикладным результатом стало представление о репрезентации проблем преступниками. В их представлении, проблемы связаны с координацией взаимодействия с окружающими их людьми, выражающейся в нечестности и недоверии, закрытости и несправедливости других людей.

Выводы четвертой главы

Глава посвящена изучению субъективных представлений преступников о социальном пространстве. Представление рассматривалось как сложный, многомерный когнитивный конструкт, характеризующий систему взаимодействий, сформированных между личностью и социальным окружением. Целью главы было описание типичных характеристик социального пространства в представлении преступников.

Для достижения цели изучались интерактивные характеристики социального взаимодействия, описывались свойства социального взаимодействия, рассматривалась самооценка преступниками своих действий, анализировались их убеждения в способности оказывать влияние на окружающих. Исследование проводилось путем сопоставления представлений эквивалентных групп преступников и правопослушных.

Выводами исследования являются следующие тезисы:

1. Интерактивные характеристики взаимодействия преступников с социальным окружением существенно различается от правопослушных, по:

а) формальным характеристикам: меньший объем, большая гомогенность, высокая конфликтность, малая референтность;

б) стилю регуляции взаимодействия (непризнанием внешнего контроля, отрицанием социальной регламентации поведения).

2. Социальное взаимодействие представляется преступникам трудным, обременяющим и мешающим, другие люди оцениваются нечуткими и игнорирующими.

Самооценка действий низка — преступники видят себя менее эффективными, последовательными и умелыми во взаимодействии с окружающими, чем правопослушные.

Способность влиять на окружающих людей оценивается низко. Другие люди описываются неуправляемыми и неконтролируемыми, предающими и несправедливыми.

3. Социальное пространство в представлении преступников неоднородно и сегментировано. Неоднородность проявляется в маркировании (указании) людей и группы, способных помогать и поддерживать, а также группы, не предоставляющих такую помощь и поддержку.

4. Представление преступников о недостатках социального взаимодействия выражается посредством лексики, маркирующей нечестность и недоверие, закрытость и несправедливость окружающих людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное в работе исследование развивает и усиливает возможности психологических теорий социального взаимодействия.

Результатом решения исследовательских задач выступили:

— уточнение научных знаний о взаимодействии личности с социальным окружением, позволило определить его в виде системы взаимодействий, структурированной позиционными характеристиками — *социального пространства личности*. Ключевым фактором, образующим социальное пространство личности, является взаимодействие. Оно определяет его интерактивные (структурно-позиционные) и рефлексивные (репрезентативные) характеристики.

— изучение психологических и социально-психологических концепций социального пространства позволило сформировать новую модель представления личности о взаимодействии с социальным окружением, показав факторы, лежащие в его основе — социальную *поддержку*, социальную *оценку* и социальное *влияние*. Считая эти факторы атрибутами взаимодействия, нами была сформулирована гипотеза об их репрезентации в сознании человека.

— модель представления личности о социальном пространстве операционализована путем разработки опросника оценки личностью взаимодействия с социальным окружением. Апробация опросника показала удовлетворительную надежность и валидность. Применение этого опросника позволяет изучать уровень воспринимаемой поддержки, связанной с ней самооценки и вовлеченности человека в социальное взаимодействие.

Разработанная модель репрезентации социального пространства в представлении личности была эмпирически проверена на выборке преступников и правонарушителей. Изучая их представление о социальном взаимодействии, в частности, о помощи и поддержке окружающих, о самооценке и способности оказывать влияние, нами были получены факты, свидетельствующие об особенностях организации этого взаимодействия и характере отношений с социальным окружением. Верификация результатов проводилась сопоставлением с эквивалентной по социально-экономическим характеристикам выборкой правопослушных граждан. Возможное влияние социальных условий, например, условий отбывания наказания в местах лишения свободы, условий распорядка (режима) в исправительных учреждениях, корректировалось нами с помощью выборок, находящихся в схожих условиях социальной регламентации.

Полученные результаты показывают, что в представлении преступников *социальное пространство их взаимодействия*:

— *ограничено* малым количеством социальных связей, небольшим количеством референтных лиц, ценностно-мотивационной гомогенностью социального окружения, исключает внешний контроль над поведением;

— *сегментировано* коммуникативными и интерактивными барьерами, разделяющими социальное окружение на соучаствующих (помогающих и поддерживающих), влияющих (контролирующих, управляющих), а также избегаемых (лиц, с которыми взаимодействие не планируется и не организовывается). Сегментация имеет когнитивно-атрибутирующий характер: в представлении преступника используются понятия характеризующие принадлежность лиц к определенным сегментам социального окружения.

— *взаимодействие* внутри сформированного социального пространства представляется затрудненным и обременяющим, а его участники — нечувствительными и игнорирующими. Собственные действия рассматриваются ошибочными, спонтанными и низкоэффективными. Собственная возможность влиять или управлять действиями других людей оценивается низко. Преступники считают, что окружающие своевольны, непослушны, неподконтрольны.

Представление преступников о взаимодействии отличается от представления правопослушных участников нашего исследования по всем рассмотренным параметрам. Этот факт, по нашему мнению, позволяет ставить гипотезы:

1) о причинах образования подобного представления о взаимодействии;

2) о влиянии представления на отношение, взаимодействие с социальным окружением, формировании образа жизни, планирование будущего и пр.

Рассматривая эти гипотезы в качестве перспективных направлений исследования, следует заметить что они могут способствовать лучшему пониманию социально-психологических причин криминализации. Например, объяснить социально-психологические условия совершения преступлений, причины отказа от преступных действий.

Конечно, данные причины и условия не являются основополагающими, они сопряжены с индивидуально-психологическими, культурными, социально-экономическими факторами. Поэтому проведенное исследование не следует воспринимать как попытку объяснить

причины преступности изучением представлений людей об их социальном взаимодействии. Проведенное исследование выполняет скорее аналитико-методическую, чем гносеологическую функцию — описывая уже известную область социального взаимодействия преступников под новым углом зрения и предлагая инструментарий для ее изучения.

В целом, очерчивая перспективы использования его результатов, отметим пригодность разработанной концептуализации социального пространства для изучения нескольких предметов, находящихся в социально-психологическом поле:

- субъективного благополучия личности, обусловленного социальной эффективностью и взаимодействием с социальным окружением;
- социальных ресурсов (социального капитала) основанных на системе социальных связей личности;
- самооценке личности, обусловленной структурно-позиционными характеристиками взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Ю. Г. Психология среды: источники и направления развития // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 130–137.
2. Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — Т. 2. — № 4. — 2005. — С. 3–21.
3. Абульханова К. А. Субъект и субъектность: проблема определения качеств // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. — Часть 1. — Москва: Институт психологии РАН, 2012. — С. 49–62.
4. Абульханова К. А. Современная психология: состояние и перспективы исследований Ч.3. Социальные представления и мышление личности: Москва., Издательство «Институт психологии РАН» 2002. — с.88-103.
5. Абульханова К. А. Социально-философская и психологическая проблема субъекта // Мир психологии. 2013. № 2. С. 262-275.
6. Абульханова К. А. Социальные представления личности // Современная психология. Состояние и перспективы исследования. — Ч. 3. — Социальные представления и мышление личности. Москва: ИП РАН, 2002. — С. 88–103.
7. Агеичева О. И. Оценка обаяния телеведущего телезрителями с разными личностными качествами: автореферат дисс. кандидата психологических наук: 19.00.05. — Москва: Моск. гуманитар, ун-т, 2007. — 25 с.
8. Аксенова Ю. А. Символы мироустройства в сознании детей: диссертация... кандидата психологических наук. — Москва, 1997. — 212 с.
9. Алимуратов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность: монография. — Пятигорск: ПГЛУ, 2003.
10. Андреева Г. М. Психология социального познания. — Москва: Аспект Пресс, 1997. — 239 с.
11. Анисимова Н. П. Общая семантика Б. Потье как теоретическая база сопоставительного исследования // Вестник Тверского государственного университета. — 2015. — № 4. — С. 7–11.
12. Анохина С. А. Теоретические и эмпирические аспекты изучения социальной поддержки // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно-практической конференции, Самара, 15 декабря 2015 г.: в 3 ч. — Ч. 3. — Уфа, 2015. — С. 244–249.
13. Антонова О. А. Формирование активной жизненной позиции у будущего педагога-психолога в гуманитарном вузе: дис. ... канд. пед. наук. — Казань, 2009. — 305 с.
14. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева, А. Ш. Тхостов. — 2-е изд. — Москва: URSS ЛКИ, 2007. — 126 с.
15. Бакеев В. А. Исследование внушаемости в общей структуре личности // Вопросы внушающего воздействия в педагогике. — Пермь, 1972. — Т. 88. — С. 26–46.
16. Белинская Е. П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. — 2013. — № 6(30). — С. 11.

17. Бендас Т. В. Гендерные исследования лидерства // Вопросы психологии. — 2000. — № 1. — С. 87–95.
18. Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя. — Москва: Апрель-пресс; Эксмо-пресс, 2001. — С. 308–332.
19. Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. — Москва, 2010. — 322 с.
20. Богардус Э. С. Социальная дистанция в городе // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: реферативный сборник / отв. ред. Л. В. Гирко. Москва: 2003. — 196 с.
21. Бодалев А. А. Личность и общение. — Москва: Международная педагогическая академия, 1995. — С. 201.
22. Бодалев А. А. Общее и особенное в субъективном пространстве мира и факторы, которые их определяют // Мир психологии, 1999. — № 4. — С. 26–29.
23. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 23–34.
24. Болотникова О. П. Психотерапия и психологическое консультирование: учеб.-метод. пособие. — Тольятти : ТГУ, 2011. — С. 18.
25. Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. — Москва: МГУ, 2008.
26. Бородавко Л. Т. Профессиональное воспитание сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД России: дисс... док-ра пед. наук. — Санкт-Петербург, 2005.
27. Бороздина Л. В. Что такое самооценка? // Психологический журнал. — 1992. — Т.13. — № 4. — С. 99–101.
28. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. — 2000. — №3 — С. 29-42.
29. Брушлинский А. В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. — Москва: PerSe, 2002. — С. 9–33.
30. Бурдые П. Социология политики. Москва., 1993. — С. 37.
31. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. — Т. 1. — № 2. — С. 44–59.
32. Буреева Н. Н. Многомерный статистический анализ с использованием ППП “STATISTICA” . — Нижний Новгород: ННГУ, 2007. — 112 с.
33. Бучнев О. С. Применение метода максимального правдоподобия для поиска скрытых нелинейных зависимостей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и Технические Науки. — 2020. — № 3. — С. 89–94.
34. Валицкас Г. К. Гиппенрейтер Ю. Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. — 1989. — № 1. — С. 45–54.

35. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 200 с.
36. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). Москва: Издательство Московского университета, 1984. — С. 41.
37. Василюк Ф. Е. Психология переживания. — Москва: МГУ, 1984. — С. 35–39.
38. Волков Е. Н. Стратегии и технологии социального воздействия в превенции девиантного поведения // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, 28-29 октября 2010. 2 т. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. — Т. 1. — С. 5–9.
39. Воронин В. Н. Ицкович М. М. Понимание и ценности (норма и патология): монография. — Екатеринбург: Ажур, 2018. — С. 117.
40. Выготский Л. С., Сахаров Л. С. Исследование образования понятий: методика двойной стимуляции // Хрестоматия по общей психологии. Выпуск III. Субъект познания. — Москва: Изд.-во «МГУ». — 1998. — С. 9–11.
41. Горбатенко А. С., Горбатенко Т. М. Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. — 1984. — № 4. — С. 112–118.
42. Горяинова Е. Р., Шалимова Ю. А. Снижение размерности многомерных показателей с нелинейно зависимыми компонентами // Бизнес-информатика. — 2015. — № 3 (33). — С. 24-33.
43. Григорьев А. А. Знаки и образы в географическом страноведении. — СПб.: Тесса. 2010. — 342 с.
44. Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. — 2018. — № 8 (2). — С. 126–138.
45. Гуд М. Б. Педагогическая коррекция правовой интолерантности условно осужденных несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. пед. наук — Москва, 2019. — 23 с.
46. Гудков Л., Дубин Б. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения. — 2002. — №3 (59). — С. 28–29.
47. Доронина Т. В. Индивидуально-типологические особенности восприятия пространственно-предметных сред [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). — 2012. — № 3 (23). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n323/674-doronina23.html> (дата обращения: 21.01.2020)
48. Дорфман Л. Я. Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 1. Общие представления о психологическом пространстве и пространстве Я-концепции // Мир психологии. — 2017. — № 2 (90). — С. 124–134.
49. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — Москва: Юрайт, 2000. — 344 с.

50. Доценко Е. Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. — Тюмень: ТОГИРРО, 1998. — С.20.
51. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология — Санкт-Петербург: Питер, 2000. — С. 31.
52. Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. — 2014. — № 7(36). — С. 7.
53. Еремеев Г. С. Правосознание и особенности формирования делинквентного поведения подростка // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2014. — № 2 (57). — С. 46–48.
54. Ермаков Ю. А. Социально-политические манипуляции личностью: сущность, технологии, результаты: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.10. — Екатеринбург, 1995. — 252 с.
55. Ершова Р. В. «Повинуемость» как предмет социально-психологического исследования (повторение эксперимента А. Поскоцила в России) // Современная экспериментальная психология / под ред. В. А. Барабанщикова. — Москва: ИП РАН, 2011. — Т. 2. — С. 417–427.
56. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Некоторые виды социально-психологических пространств самоопределяющегося субъекта // Психология образования: Культурно-исторические и социально-правовые аспекты: Материалы III Национальной научно-практической конференции. — Т. 1. — Москва, 2006. — С. 180–181.
57. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С. 10–18.
58. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. Москва: Институт психологии РАН, 2012 — С. 25.
59. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестник практической психологии образования. — 2007. — № 2. — С. 7–13.
60. Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. — Москва.: ИПРАН, 2007. — С. 15–32.
61. Земцова Е. М. Адаптация курсантов к обучению в военном вузе средствами пропедевтического курса физики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Челябинск, 2004. — 21 с.
62. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 448 с.
63. Зимбардо Ф., Ляйппе, М. Социальное влияние / пер. с англ. Н. Мальгиной, А. Федорова; под ред. А. Свенцицкого. — Санкт-Петербург: Питер, 2011. — 448 с.
64. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. — 2002. — № 3. — С. 34–37
65. Злоказов К. В. Представление о себе в контексте социального присутствия // Вестник Удмуртского университета. — Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2018. — № 1. — С. 70–86

66. Злоказов К. В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 5. — С. 71–81.
67. Злоказов К. В. Психодиагностика: учебник / К. В. Злоказов; МВД России, Санкт-Петербургский университет. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России; Р-Копи, 2018. — 359 с.
68. Знаков В. В. Самопонимание субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2 ч. / под ред. А. А. Бодалева, Г. А. Вайзер, Н. А. Карповой, В. Э. Чудновского. — Часть 1. — Москва: Смысл, 2004. — С. 42–47.
69. Иванова Е. Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 5. — С. 42–50
70. Ивашко Н. Н. Адаптация курсантов к образовательной среде вуза ФСИН России: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. — Новокузнецк, 2009. — 20 с.
71. Каменская М. В. Феномен социальной несправедливости: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. — Москва: 2009. — 193 с.
72. Камышев А. А. Современные проблемы адаптации курсантов к обучению в высшем военном учебном заведении [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5709 (дата обращения: 21.09.2020).
73. Кант И. Сочинения. — Москва: Мысль, 1968. — Т. 2. — С. 407–408.
74. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. трудов. — Волгоград, 2001. — С. 3–16.
75. Кидинов А. В. Психология внутригрупповых отношений: социально — динамический подход: диссертация ... д. психол. н.: 19.00.05 / ГОУВМО Московский государственный областной университет], 2016.
76. Климов И. А. Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2000. — № 1/2. — С. 121–149.
77. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). — Томск: Изд-во Томского университета, 2005. — 189 с.
78. Ковалев В. И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. Москва, 1995. — С. 179–185.
79. Коваль В. М. Картина мира как концептуальная основа деятельности и сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2008. — № 3. — С. 412–417.
80. Козер Л. Враждебность и напряженность в конфликтных отношениях // Психология деловых конфликтов. — Самара, 2007. — С. 367–382.
81. Кондратова Н. А. Психологическая структура жизненного пространства личности // Вестник НовГУ. Серия «Педагогика. Психология». — 2008. — № 48. — С. 70–72.
82. Короткова М. С. Социальный статус московского студенчества: векторы изменений // 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и про-

цессы. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. — Москва, 2016. — 279 с.

83. Крюкова Т. Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтык // Журнал практического психолога. — 2007. — № 3. — С. 93–112.

84. Кузнецов В. А., Пушкарев Г. С., Ярославская Е. И. Надежность и валидность русскоязычной версии многомерной шкалы восприятия социальной поддержки (MSPSS) // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8. — № 41. — С. 10.

85. Кулик А. А. Картина мира лиц, переживших землетрясение: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. — Хабаровск, 2008. — 21 с.

86. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение: учебник для вузов. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 544 с.

87. Купрейченко А. Б., Табхарова С. П. Критерии доверия и недоверия личности другим людям // Психологический журнал, 2007. — Т. 28. — № 2. — С. 55–67.

88. Купченко В. Е., Ратанина О. В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением // Вестник Омского университета. — Серия «Психология». — 2016. — № 2. — С. 36–41.

89. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. — 1995. — № 4. — С. 147.

90. Ларина Т. Н., Волков А. А. Психологическая деформация смысловой сферы юношей, находящихся в условиях следственного изолятора (СИЗО) // Российский психологический журнал. — 2008. — Т. 5. — № 1. — С. 60–67.

91. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. — Москва: Педагогика, 1983. — С. 261.

92. Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. — 1992. — №13 (2). — С. 107–120.

93. Леонтьев Д. А. Психология смысла. — Москва: Смысл, 1999. — С. 113.

94. Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Силантьева Т. А. Место и функции социальной поддержки в структуре личностных ресурсов лиц с ограниченными возможностями здоровья // Культурно историческая психология. — 2015. — Т. 11. — № 3. — С. 120–134.

95. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: в 2 т. — Т. 2. — Москва, 1983. — 452 с.

96. Лефевр В. А. Ментализм и бихевиоризм: слияние? // Психологический журнал. — 2004. — Том 25. — № 2. — С. 116–127.

97. Либин А. В., Либина А. В. Логика изучения природных основ психической реальности: теория ментальной иерархии Л. М. Веккера // Методология и история психологии. — 2008. — № 4. — С. 101–108.

98. Максимова Ж. С. Цели воспитания в современной России: социальное содержание в социальном контексте // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). — 2014. Вып. 5. — С. 18–24.

99. Марцинковская Т. Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8. — № 42. — С. 1.
100. Медведев Д. А. Психологическая концепция вербального отражения действительности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2006. — № 7(17). — С. 102-113.
101. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. Санкт-Петербург: Ювента Колизей, 1999. — 211 с.
102. Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль [Текст] / С. Милгрэм; пер. с англ. Г. Ястребов. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 282 с.
103. Московченко В. В. Эмпирическое исследование факторов принятия решений у делинквентных подростков // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. — 2016. — № 2. — С. 140–153.
104. Мухина В. С. Человек под прессингом малой группы: конформизм, негативизм, самостоятельность // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. А. В. Петровского 26–26 октября 2011. — Мгосква: МГППУ, 2011. — С. 4–11.
105. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1960. — С. 216.
106. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. — Москва: Прогресс, 1981. — 230 с.
107. Нартова-Бочавер С. К. Понятие “психологическое пространство личности” и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. — 2002. — № 1. — С. 35–42.
108. Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. — 2003. — Том 24. — № 6. — С. 37–48.
109. Немов Р.С. Социальная психология / Алтунина И. Р., Немов Р. С; под ред. Р. С. Немова. — Москва: Юрайт, 2015. — 427 с.
110. Николаева И. А. «Я и другие». Процедура исследования субъективных характеристик социализации личности: учебно-методическое пособие. — Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та, 2004. — 80 с.
111. Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений. — Киев: Наука, 2006. — 191 с.
112. Ощепков А. А. Особенности ценностной структуры микрогрупп подростков с девиантной ориентацией // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2010. — № 4. — С. 181–186.
113. Панов В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В. И. Панов. — М.: Наука, 2004. — 197 с.
114. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. — Москва: 1996. — С. 494–526.
115. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. — Москва: Изд-во МГУ, 1988. — 207 с.
116. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. — Москва: Новый хронограф, 2009. — 440 с.

117. Петровский, А.В. Психологическая теория коллектива]: монография. — Москва: Педагогика, 1979. — 240 с.
118. Плешица С. Г. Основы конфликтологии. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. — 229 с.
119. Плотникова А.Л., Родионова О.Г. Особенности социального интеллекта несовершеннолетних правонарушителей, употребляющих курительные смеси // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 11 (55). — С. 518–528.
120. Погольша В. М. Социально-психологический потенциал личного влияния: Дис. ... канд. психол. наук. — Санкт-Петербург, 1998.
121. Позняков В. П. Концепция психологических отношений человека: пространственный и временной аспекты // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 3. — С. 228–238.
122. Пономарев Р. Е. Образовательное пространство: монография. — Москва: МАКС Пресс, 2014. — 100 с.
123. Практикум по экспериментальной и практической психологии: учеб. пособие / Л. И. Вансовская, В. К. Гайда, В. К. Гербачевский и др.; под ред. А. А. Крылова. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб гос. ун-та, 1997. — 312 с.
124. Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. — Томск: Водолей, 1999. — 96 с.
125. Прядеин В. П., Воротникова Н. В., Дорфман Л. Я., Лядов В. Н. Определение и измерение дисциплинированности: теоретические предпосылки, психометрические и эмпирические свидетельства // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. — 2015. — № 1. — С. 126–144.
126. Распопин Е. В. Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2020. — № 7. — С. 90–94.
127. Реан А. А. Характерологические особенности подростков-делинквентов // Вопросы психологии. — 1991. — № 4. — С. 139–144.
128. Рогач В. Г. Психология переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы на разных этапах отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2014. — № 4 (28). — С. 70–75.
129. Роговин М. С., Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. — Томск: ТГУ. — 1988. — 288 с.
130. Рубинштейн С. Л. Человек и мир (отрывки из неопубликованной рукописи) [Электронный ресурс] // Вопросы философии. — 1969. — № 8. — URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content &task=view&id=497&Itemid=66 (дата обращения 10.10.2020).
131. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. — Москва: Наука, 1997. — 191 с.
132. Руслина А. О. Возрастные, половые и профессиональные различия в понимании манипуляции: автореф. дисс. ... к. психол. н. — Москва, МГОУ. 2008. — 24 с.

133. Рябова М. Г., Отраднова А. С. Индивидуально-психологические особенности курсантов в процессе адаптации к образовательной среде вуза МВД России // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 6. — С. 206–210.
134. Сараева Н. М. О психологическом статусе человека в условиях взаимодействия с экологически неблагоприятной средой // Вестник бурятского университета. Сер. 10. Психология. — Вып. I. Улан-Удэ, 2005. — С. 276–283
135. Свенцицкий А. Л. Социальная психология. — Москва: Проспект, 2004. — 336 с.
136. Сергеев А. А. Влияние половозрастных, гендерных и профессиональных различий на склонность к манипулятивному поведению // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология. — 2012. — № 4 (109). — С. 113–118.
137. Сергиенко Е. А. Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе // Ментальная репрезентация: динамика и структура / под ред. А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. — Москва: ИП РАН, 1998. — С. 133–162.
138. Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. — 2012. — Т. 33. — № 4. — С. 78–90.
139. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Монография. — Магадан: Изд-во Северного международного ун-та, 2005. — 232 с.
140. Серкин В. П. Психосемантика — Москва: Юрайт, 2017. — 317 с.
141. Сидоренко Е. В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию / Психологические проблемы самореализации личности. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1997. — С. 125.
142. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. — Санкт-Петербург: Речь. — 256 с.
143. Сидоренков А. В. Микрогрупповая концепция // Российский психологический журнал. — 2006. — № 1. — С. 21–40.
144. Сидоренков А. В., Сидоренкова И. И., Ульянова Н. Ю. Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации: монография. — Ростов н/Д: Мини Тайп, 2014. — С. 181–182.
145. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского ун-та. Сер.14: Психология. — 1981. — № 2. — С. 15–29.
146. Снеговая О. А. Глобализация как социокультурный процесс: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Дону: ФГО УВПО южный федеральный университет, 2011.
147. Собчик Л. Н. СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. — Санкт-Петербург; Речь, 2009. — 224 с.
148. Социальный портрет преступности: портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 03.02.2021).
149. Столин В. В., Наминач А. П. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления // Вопросы психологии. — 1988. — № 4. — С. 34–46.
150. Столяренко Л. М. Прикладная юридическая психология / под ред. проф. А. М. Столяренко. — Москва, 2001. — С. 76.

151. Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. — Москва: Институт психологии РАН, 2009. — 619 с.
152. Татарко А. Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития // Социальная психология и общество. — 2014. — Т. 5. — № 3. — С. 28–41.
153. Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе: автореф. дисс. доктора психол. н. — Москва: Институт психологии РАН, 2014. — 42 с.
154. Телеуова Э. Социальная структура и социальная стратификация традиционного общества // Вестник КазНУ. Серия историческая. — 2018. — № 90(3). — С. 47–55.
155. Ткаченко Д. П. Новый вектор в траектории социализации современных подростков в контексте социально-экономического кризиса российского общества // Психологические исследования. — 2017. — Т. 10. — № 55. — С. 10.
156. Токарева М. Ю., Донцов А. И. Меньшинство как источник социального влияния // Вопросы психологии. — 1996. — №1. — С. 50–61.
157. Тхостов А. Ш. Топология субъекта: опыт феноменологического исследования // Веста. МГУ. Сер 7: Психология. — Москва, 1994. — № 2. — С. 3–13.
158. Тюгаева Н. А. Адаптация личности осужденных к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении как психолого-педагогическая проблема // Вестник института: преступление, наказание, исправление, 2016. — С. 91–94
159. Ушатилов, А. И. Прикладная криминальная психология: учеб. пособие / А. И. Ушатилов, О. Г. Ковалев, Г. К. Корнеева. — Рязань: Академия ФСИН России, 2012. — 595 с.
160. Филиппов А. Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. — Т. 8. — № 3. — 2009. — С. 3.
161. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем. — Москва: Прогресс, 1990. — С. 73.
162. Хазова С. А. Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Основной выпуск. — 2013. — Т. 19, № 5. — С. 188–190.
163. Цит. по Залевский Г.В. Объяснение и понимание как методы наук о психике // Вестник ТГУ. — 2005. — № 286. — С. 3–14.
164. Чернякевич Е. Ю. Приверженность организации как ценностно-нравственная установка личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / РГБ. Москва, 2010.
165. Чеснокова О. Б., Субботский Е. В. Социальный интеллект в условиях сложных социальных систем // Национальный психологический журнал. — 2010. — № 2, Т. 4. — С. 22–29.
166. Чирков А. М. Пенитенциарный стресс // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2009. — № 4 (8). — С. 47–55.

167. Чудновский В. Э. О некоторых исследованиях конформизма в зарубежной психологии // Вопросы психологии. — 1971. — № 4. — С. 164–173.
168. Чупров В. И. Социальный статус / Социологическая энциклопедия в 2-х томах / под. ред. В. Н. Иванова, Г. Ю. Семигина. — Москва, 2003. — Т. 2. — С. 590.
169. Шахназарян Н. В. Социально–психологические и личностные характеристики лидеров студенческих групп: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. — Ленинград: ЛГУ, 1984. — 21 с.
170. Шаранов Ю. А., Гайворонская И. Б., Галкина Н.В. Несовершеннолетний правонарушитель как субъект восстановительной юстиции // Психология и право. — 2019. — Том 9. — № 3. — С. 320–337.
171. Шкаратан О. И. Сергеев Н. В. Реальные группы, концептуализация и эмпирический расчет // Общественные науки и современность. — 2000. — № 5. — С. 22–38.
172. Шопенко А. Д. Социальные риски транзитивного общества: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.03. С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. — Санкт-Петербург, 2011. — 420 с.
173. Шюц А. Возвращающийся домой // Социс. — 1995. — № 2. — С. 139–142.
174. Шюц А. О множественных реальностях / пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: Мир светящийся смыслом. — Москва: РОССПЭН, 2004. — С. 401–455.
175. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — Москва: РОССПЭН, 2004. С. 7–50.
176. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. — 1971. — № 4. — С. 6–20
177. Ярославская Л. И., Ярославская М. А. Исследования роли социальной поддержки в адаптации к болезни у пациентов, страдающих хроническими неспецифическими заболеваниями легких [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. — 2014. — № 1 (3). — URL: http://www.medpsy.ru/climp/2014_1_3/article11.php (дата обращения: 10.02.2021).
178. Abric J. C. (1993) Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representation. // Papers on Social Representations. 1993. — № 2. — Pp. 75–78.
179. Afzaal H. S., Mohd N. Abd. R. Testing Bass & Avolio Model of Leadership in Understanding ERP Implementation among Bruneian SMEs // Journal of Organizational Management Studies. — 2014 (2014). — DOI: 10.5171/2014. 869927
180. Ahmadi A., Kiani F. Barriers and Facilitating Factors of Communication in Iranian Educational Health Care Centers: A Systematic Review. // Strides in Development of Medical Education. — 2019. — № 16(1). — Pp. 1–12.
181. Akcora C. G., Ferrari E. Discovering trust patterns in ego networks. // Advances in Social Networks Analysis and Mining IEEE/ACM International Conference. — New York, NY: IEEE. — 2014. — Pp. 224–229.

182. Andersen S. M., Chen S. The relational self: An interpersonal social-cognitive theory // *Psychological Review*. — 2002. — № 109. — Pp. 619–645.
183. Artigiani R. Social information: the person is the message // *Biosystems*. — 1998. — № 46. — Pp. 137–144.
184. Asch S. E. Forming impressions of personality // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1946. — № 41. — Pp. 258–290.
185. Asencio E. K. Self-Esteem, Reflected Appraisals, and Self-Views: Examining Criminal and Worker Identities // *Social Psychology Quarterly*. — 2013. — № 76(4). — Pp. 291–313.
186. Austin D. E. Incorporating cognitive theory into environmental policymaking // *The Environmental Professional*. — 1994. — №16. — Pp. 262–274.
187. Autobiography, narrative, and the Freudian conception of the history // *Philosophy, Psychiatry, Psychology*. — №4. — Pp. 175–199.
188. Axelrod R. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition // *The American Political Science Review*. — 1973. — № 4 (67). — Pp. 1248–1266.
189. Aylwin S. Cognitive structure in thought and personality // *Cognitive and neuropsychological approaches to mental imagery*. — Dordrecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff. — 1988. — Pp. 317–325.
190. Bakhtin M. M. *The dialogic imagination: Four essays by M. M. Bakhtin* (M. Holquist, Ed.; C. Emerson & M. Holquist, Trans.). Austin: University of Texas Press. 1981.
191. Bandura A. Self-efficacy mechanisms in human agency // *American Psychologist*. — 1982. — № 37. — Pp. 122–147.
192. Bandura A. *Behavioral modification through modeling practices // Research in behavior modification*. — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1965. — Pp. — 310–340.
193. Bargal D. Personal and intellectual influences leading to Lewin's paradigm of action research // *Action Research*. — 2006. — № 4. — Pp. 367–388.
194. Baron-Cohen S. Precursors to a theory of mind: Understanding attention in others // *Natural theories of mind: Evolution, development and simulation of everyday mindreading*. — Oxford: Basil Blackwell, 1991. — Pp. 233–251.
195. Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries // Ethnicity*. Ed.: J. Hutchinson, A. D. Smith. Oxford, 1996. — Pp. 75–82
196. Baumeister R. F., Leary M. R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*. — 1995. — № 17(3). — Pp. 497–529.
197. Baxter L. A., Simon E. Relationship maintenance strategies and dialectical contradictions in personal relationships // *Journal of Social and Personal Relationships*. — 1993. — № 10. — Pp. 225–242.
198. Baxter L. A., Braithwaite D. *Relational dialectics theory applied*. — 2010. — Doi: 10.4135/9781483349619.n3.
199. Bergamaschi A. Attitudes et représentations sociales // *Revue Européenne des Sciences Sociales*. — 2011. — № 49(2). — Pp. 93–122.

200. Berlusconi G., Calderoni F., Parolini N., Verani M., Piccardi C. (2016) Link Prediction in Criminal Networks: A Tool for Criminal Intelligence Analysis // PLoS One. № 11(4). Pp. e0154244. DOI: 10.1371/journal.pone.0154244.
201. Bichler G., Malm A., Coope T. Drug Supply Networks: A Systematic Review of the Organizational Structure of Illicit Drug Trade. // Crime Science, 2017. — № 6(2). — Pp. 1–23. DOI: 10.1186/s40163-017-0063-3.
202. Bolden C.L. (2014) Gangs and Social Networks. //Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. Springer, New York, NY.
203. Bourdieu P. Social space and symbolic power // P. Bourdieu in other words: Essays towards a Reflexive sociology. Stanford (Cal.): Stanford univpress, 1990. — P. 123.
204. Bourdieu P. The social space and the genesis of groups // Theory and society. — Amsterdam, 1985. — № 6. — Pp. 723–743
205. Bourdieu, P., Wacquant, L.J.D. (1992). An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press.
206. Boyd, D. M., Ellison N.B. Social network sites: Definition, history, and scholarship // Journal of Computer–Mediated Communication. 2008. — № 13. — Pp. 210–230.
207. Breakwell G. M. Mental models and social representations of hazards: the significance of identity processes. // Journal of Risk Research. — 2001. — № 4. — Pp. 341–351.
208. Breakwell G. M., Canter D. V. Empirical Approach to Social Representations. Oxford: Clarendon Press, 1979.
209. Breakwell G. M. Social representational constraints upon identity processes // Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions, Oxford: Blackwell, 2001.
210. Bringmann B., Berlingerio M., Bonchi F. Gionis A. Learning and predicting the evolution of social networks. // IEEE Intelligent Systems. — 2010. — № 25. — Pp. 26–35.
211. Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. The Guilford Press: New York, London, 2006.
212. Bruner J.S. Acts of meaning. — Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1990. — 179 p.
213. Bruner J., Tagiuri R. The perception of people // The Handbook of social psychology. — Cambridge, MA, 1954. — Pp. 634–654.
214. Burke P. J. Identity Processes and Social Stress //American Sociological Review. — 1991. — № 56. — Pp. 836–849.
215. Cacioppo J. T., Visser P. S. Pickett C. L. Social Neuroscience: People thinking about thinking people. — Cambridge, MA: MIT Press, 2006.
216. Cantor N. From thought to behavior: "Having" and "Doing" in the study of personality and cognition // American Psychologist. — 1990. № 45. — Pp. 735–737.
217. Carbon C.–C., Albrecht S. Bartlett’s schema theory: The unreplicated “portrait d’homme” series from 1932 // The Quarterly Journal of Experimental Psychology A: Human Experimental Psychology. — 2012. — № 65. — Pp. 2258 –2270.

218. Carley K., Palmquist M. Extracting, representing, and analyzing mental models // *Social Forces*. — 1992. — № 70(3). — Pp. 601–636.
219. Carli L. Gender, Interpersonal Power, and Social Influence // *Journal of Social Issues*. — 2002. — № 55. — Pp. 81–99.
220. Carter D. Dechurch L., Braun M., Contractor N. Social Network Approaches to Leadership: An Integrative Conceptual Review // *The Journal of applied psychology*. — 2015. — № 100(3). — Pp. 597–622.
221. Chayko M. The first web theorist? The legacy of Georg Simmel and “the web of group–affiliations.” // *Information, Communication & Society*. — 2015. — №18 (12). — Pp. 1419–1422.
222. Chiao J. Y. Neural basis of social status hierarchy across species // *Current Opinion in Neurobiology*. — 2010. — № 20. — Pp. 803–809
223. Clark J. L., Algee S. B., Green M. C. Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection // *Current Directions in Psychological Science*. — 2018. — № 27. — Pp. 32–37.
224. Cohen S., Gottlieb B. H., Underwood L. G. Social relationships and health // *Social Support Measurement and Intervention: A Guide for Health and Social Scientists* (Oxford University Press). — 2000. — Pp. 1–25.
225. Cooley C. H. *Life and the Student: Roadside Notes on Human Nature, Society, and Letters* // New York: Alfred A. Knopf. — 1927. — P. 20.
226. Couch C. J. Toward a formal theory of social processes // *Social Interaction*. — 1992. — № 15. — Pp. 117–134.
227. Craik K. J. W. *The nature of explanation*. — Cambridge University Press, Cambridge, UK. 1943.
228. Craik K. H. *Reputation: a Network Interpretation*. New York: Oxford University Press, 2009.
229. Cronbach L. J., Shavelson, R. J. My Current Thoughts on Coefficient Alpha and Successor Procedures // *Educational and Psychological Measurement*. — 2004. — № 64(3). — Pp. 391–418.
230. Dasgupta, K., Singh, R., Viswanathan, B., Chakraborty, D., Mukherjea, S., Nanavati, A. A., Joshi, A. Social ties and their relevance to churn in mobile telecom networks // *Proceedings of the 11th international conference on Extending database technology: Advances in database technology*, New York, NY: ACM. — 2008. — Pp. 668–677.
231. de Vries S., Hoeve M., Asscher J. J., Stams G. The Long–Term Effects of the Youth Crime Prevention Program “New Perspectives” on Delinquency and Recidivism. *International journal of offender therapy and comparative criminology*. — 2018. — № 62(12). — Pp. 3639–3661.
232. Deaux K., Martin D. Interpersonal Networks and Social Categories: Specifying Levels of Context in Identity Processes. // *Social Psychology Quarterly*. — 2003. — № 66. — Pp. 101–117.
233. Delen D. *Practical Text Mining and Statistical Analysis for Non–structured Text Data Applications*. Academic Press, Inc., USA. — 2012. — 1000 p.
234. Dennett D. C. Beliefs about beliefs // *Behavioral and Brain Sciences*. — 1978. — № 4. — Pp. 568–570.

235. Dennis M., Simic N., Bigler E. D., Abildskov T., Agostino A., Taylor H. G., Yeates K. O. Cognitive, affective, and conative theory of mind (ToM) in children with traumatic brain injury // *Developmental Cognitive Neuroscience*. — 2013. — № 5. — Pp. 25–39.
236. DeSoto C. B. Learning a social structure // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. — 1960. — №60. — Pp. 417–421.
237. Downs R. M. Stea D. *Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior*, Aldine Press, Chicago, 1965. — Pp. 8–26.
238. Downs R. M., Stea D. Cognitive maps and spatial behavior: Process and products // *Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior*. — USA, Taylor and Francis. 2017. — Pp. 8–26.
239. Ellemers N., Spears R., Doosje B. Self and Social Identity // *Annual Review of Psychology*. — 2002. — № 53. — Pp. 161–186.
240. Epasto A., Lattanzi S., Mirrokn V., Sebe I. O., Tai A. Verma S. Ego-net community mining applied to friend suggestion // *Proceedings of the VLDB Endowment*. — 2015. — № 9. — Pp. 324–335
241. Freeman L. C. Centrality in social networks conceptual clarification // *Social Networks*. — 1979. — № 1(3). — Pp. 215–239.
242. Gaertner L., Sedikides C., Luke M., O'Mara E. M., Iuzzini J., Jackson L. E., Wu Q. A motivational hierarchy within: Primacy of the individual self, relational self, or collective self? // *Journal of Experimental Social Psychology*. — 2012. — № 4. — Pp. 997–1013.
243. Gallese V. Embodied simulation: From neurons to phenomenal experience // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. — 2005. — № (4). — Pp. 23–48.
244. Gambetta D. Can We Trust Trust? In Gambetta, Diego (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*, electronic edition. Department of Sociology, University of Oxford, chapter 13, 213–237
245. Gärdenfors P. Some tenets of cognitive semantics // *Cognitive semantics: Meaning and cognition*. — Amsterdam: John Benjamins, 1999. — Pp. 19–36.
246. Gecas V. The Self-Concept: Social Product and Social Force // *Social Psychology: Sociological Perspectives*. New York: Basic Books, 1990. — Pp. 562–592.
247. Gosselin É. *Studies in Social Power* // Research Center for Group Dynamics, Institute for Social Research. — The University of Michigan, Ann Arbor, 1959. — P. 355.
248. Gurwitsch A. *The collected works of Aron Gurwitsch (1901–1973)*.
249. Harter S. Development Processes in the Construction of the Self // *Integrative Processes in Socialization: Early to Middle Childhood* / T. D. Yawkey, J. E. Johnson (eds). Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
250. Haslam N. Mental representation of social relationships: Dimensions, laws, or categories? // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. — № 67. — Pp. 575–577.
251. Haslam S. A., Reicher S. 50 Years of «Obedience to Authority»: from blind conformity to engaged followership // *Annual Review of Law and Social Science*. — 2017. — №13. — P. 59–78.

252. Hein G., Singer T. (2008) I feel how you feel but not always: the empathic brain and its modulation // *Current Opinion in Neurobiology*. — №18. — Pp. 153–158.
253. Heller K., Lakey B. (1985) Perceived Support and Social Interaction Among Friends and Confidants // *Social Support: Theory, Research and Applications*. — Springer, Dordrecht. — Pp. 287–289.
254. Henry A. Review of George Kelly: The psychology of personal constructs // *Psychology Teaching Review*, 2009. — №15 (1). — Pp. 85–86.
255. Hinkley K., Andersen S. M. The working self-concept in transference: Significant-other activation and self-change // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1996. — № 71(6). — Pp. 1279–1295.
256. Hobfoll S. E., Lerman M. Predicting Receipt of Social Support: A Longitudinal Study of Parents' Reactions to Their Child's Illness // *Health Psychology*. — 1989— № 8 (1). — Pp. 61–77.
257. Hoelter J. W. The Effects of Role Evaluation and Commitment on Identity Salience // *Social Psychology Quarterly*. 1983. — № 46. — Pp. 140–147.
258. Hogg M., Terry D. Social Identity and Self-Categorization Processes in Organizational Contexts // *The Academy of Management Review*. 2000. — № 25. — Pp. 121–140.
259. Hogg M. A., Reid S. A. Social identity, self-categorization, and the communication of group norms // *Communication Theory*. — 2006. — №16. — Pp. 7–30.
260. Hu C., Yue C., He H., Yang D. Relationship among self-appraisals, others' actual appraisals and reflected appraisals on the teachers' teaching ability of normal college students. // *Psychology of Educational Development*. — 2014. — № 30. — Pp. 520–526.
261. Huitt W. Conation as an important factor of mind // *Educational Psychology Interactive*. Valdosta, GA: Valdosta State University, 1999. — URL: <http://chiron.valdosta.edu/whuitt/col/regsys/conation.html> (дата обращения 10.10.2020).
262. Hummel J. E., Holyoak K. J. A symbolic-connectionist theory of relational inference and generalization // *Psychological Review*. — 2003. — № 10. — Pp. 220–264.
263. James W. *The Self and Its Selves/Social Theory: The Multicultural Readings* / ed. C. Lemert. — Philadelphia: Westview Press, 2010. — Pp. 161–166.
264. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: coping processes and outcomes // *Coping: The psychology of what works* / Ed. C. R. Snyder. — NY: Oxford University Press, 1998.
265. Jaret C., Reitzes D.C., Shapkin A. N. Reflected Appraisals and Self-Esteem // *Sociological Perspectives*. — 2005. — № 48(3). — Pp. 403–419.
266. Johnson-Laird P. N. *Mental models*. — Cambridge University Press, Cambridge, UK. 1983.
267. Johnson-Laird P. N. *Mental Models and Probabilistic Thinking* // *Cognition*, 1994. — #50. — Pp. 189–209
268. Johnson-Laird P. N., Girotto V., Legrenzi P. *Mental models: a gentle guide for outsiders* // *Sistemi Intelligenti*. — 1998. — № 9 (68). — P. 33.

269. Kadushin C. Understanding social networks: Theories, concepts, and findings. — Oxford University Press, 2012. — 264 p.
270. Kearney A. R., Kaplan S. Toward a methodology for the measurement of knowledge structures of ordinary people: the conceptual content cognitive map (3CM). // *Environment and Behavior*. 1997. — № 29. — Pp. 579–617.
271. Kenny D. A., Albright L. Accuracy in interpersonal perception: A social relations analysis // *Psychological Bulletin*. — 1987. — № 10. — Pp. 390–402.
272. Kihlstrom J. F., Cantor N. Mental Representations of the Self // *Advances in Experimental Social Psychology*. — 1984. — № 17. — Pp. 1–47.
273. Kitchin R. M. Cognitive maps: what are they and why study them? // *Journal of Environmental Psychology*. — 1994. — № 14 (1). — Pp. 1–19.
274. Klein S. B. “What is the Self?": Approaches to a Very Elusive Question // *Social Cognition*. — 2012. — № 30. — Pp. 363–366.
275. Klein S. B., Chan R. L., Loftus J. Independence of Episodic and Semantic Self-Knowledge: The Case from Autism // *Social Cognition*. — 1999. — № 4. — Pp. 413–436.
276. Kreager D. A., Schaefer D. R., Bouchard M., Haynie D. L., Wakefield S., Young J., Zajac G. Toward a criminology of inmate networks // *Justice Quarterly*. — 2016. — № 33(6). — Pp. 1000–1028.
277. Kruglanski A. W. Social cognition, social representations and the dilemmas of social theory construction // *Representations of the Social*. — Oxford: Blackwell, 2001. — Pp. 242–248.
278. Lahlou S. Abric J.-C. What are the “elements” of a representation? // *Papers on social representations*. — 2011. — № 20. — Pp. 20.1–20.10.
279. Liben L. S. The road to understanding maps // *Current Directions in Psychological Science*. — 2009. — № 18. — Pp. 310–315.
280. Lieberman M. D., Jarcho J. M., Satpute A. B. Evidence-Based and Intuition-Based Self-Knowledge: An fMRI Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2004. — № 87(4) — Pp. 421–435.
281. Llobera J. Halbwachs, Nora and "history" versus "collective memory": A research note [Electronic Resource] // *Durkheimian Studies*. 1995. — URL: www.jstor.org/stable/44708512 (дата обращения 01.12.2020).
282. Markus H. Self-schemata and processing information about the self // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1977. — № 35 (2). — Pp. 63–78.
283. Martin J. L. What is field theory? // *American Journal of Sociology*. — 2003. — № 109(1). — Pp. 1–49.
284. Mautner G. Mining large corpora for social information: the case of elderly // *Language in Society*. — 2007. — № 36 (1). — Pp. 51–72.
285. McCarty C., Killworth P. D., Bernard H. R. Comparing Two Methods for Estimating Network Size // *Human Organization*. — 2001. — #60(1). — Pp. 28–39.
286. McConnell A. R. The Multiple Self-Aspects Framework: Self-Concept Representation and Its Implications // *Personality and Social Psychology Review*. — 2011. — № 15. — Pp. 3–27.

287. McCormick T. H., Salganik M. J., Zheng T. How many people do you know? : Efficiently estimating personal network size // *Journal of the American Statistical Association*. — 2010. — № 10. — P. 59–70.
288. Middleton D., Edwards D. Conversational remembering: A social psychological approach. // *Collective remembering*. — London: Sage. 1990. — Pp. 23–45.
289. Montgomery B. M., Baxter L. A. Dialectical approaches to studying personal relationships. — Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1998.
290. Moscovici S. Notes towards a description of Social Representations // *European Journal of Social Psychology*. — 1988. — № 18. — Pp. 211–250.
291. Moscovici S.). On Social Representations. // *Social Cognition: perspectives on everyday understanding*. — New York, Academic Press, 1981. — Pp. 181–210.
292. Moscovici S., Markova I.. Ideas and their development: a dialogue between Serge Moscovici and Ivana Markova / G. Duveen, editor // *Social representations: explorations in social psychology*. — Polity Press, London. 2000. — Pp. 224–286.
293. Muscatell K. A., Morelli S. A., Falk E. B., et al. Social status modulates neural activity in the mentalizing network. // *NeuroImage*. — 2012. — № 60(3). — Pp. 1771–1777.
294. Nelson K. The psychological and social origins of autobiographical memory // *Psychological Science*. 1993. — № 4. — Pp. 1–8.
295. Nuttbrock L., Freudiger P. Identity Salience and Motherhood: A Test of Stryker's Theory // *Social Psychology Quarterly*. — 1991. — № 54. — Pp. 146–57.
296. Ozesmi U., Ozesmi S. L. Ecological models based on people's knowledge: a multi-step fuzzy cognition mapping approach // *Ecological Modelling*. — 2004. — № 17(6). — Pp. 43–64.
297. Paivio A. Imagery, language and semantic memory // *International Journal of Psycholinguistics*, 1978. — № 5(2). — Pp. 31–47.
298. Paivio A. Imagery and verbal processes. New York: Holt, Rhinehart, & Winston. 1971.
299. Papachristos A. V. The network structure of crime // *Sociology Compass*. — 2014. — № 8(4). — Pp. 347–357. DOI: 10.1111/soc4.12147.
300. Papachristos A. V. Social network analysis and gang research: theory and method // *Studying youth gangs*. — AltaMira Press, Lanham, 2006. — Pp. 99–116.
301. Parkinson C., Kleinbaum A. M., Wheatley T. Spontaneous neural encoding of social network position // *Nature Human Behaviour*. — 2017. — № 1(5).
302. Parsons T. Order as a social problem // *The concept of order* / Ed. P. G. Kuntz. Seattle: University of Washington Press, 1968. — Pp. 373–384.
303. Perrin K. M., McDermott R. J. Instruments to measure social support and related constructs in pregnant adolescents: a review [Electronic resource] // *Adolescence*. — 1997. — № 32 (127). — Pp. 533–557. — URL: <http://psycnet.apa.org/psycinfo/19976437386004> (дата обращения: 15.12.2020).
304. Ramarajan L. Past, present and future research on multiple identities: toward an intrapersonal network approach // *The Academy of Management Annals*. — 2014. — № 8(1). — Pp. 589–659.
305. Raven B. The Bases of Power/Interaction Model of Interpersonal Influence. // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. — 2008. — № 8. — Pp. 1–22.

306. Raven B. H. A power / interaction model of interpersonal influence: French and Raven thirty years later // *Journal of Social Behavior & Personality*. — 1992. — № 7(2). — Pp. 217–244.
307. Reddy V. On being the object of attention: implications for self–other consciousness // *Trends in Cognitive Sciences*. — 2003. — № 7. — Pp. 397–402.
308. Robbins J. M., Krueger J. I. Social projection to in–groups and out–groups: A review and meta–analysis // *Personality and Social Psychology Review*. — 2005. — № 9. — Pp.32–47.
309. Roman C. G., Cahill M., Lachman P., Lowry S., Orosco C., McCarty C. Social Networks, Delinquency, and Gang Membership: Using a Neighborhood Framework to Examine the Influence of Network Composition and Structure in a Latino Community. 2012. — *PsycEXTRA Dataset*. DOI: 10.1037/e552162012–001.
310. Rosenzweig S. Investigating and appraising personality // *Methods of Psychology*. — New York: Wiley, 1964. — Pp. 539–568.
311. Rumelhart D. E. Schemata and the cognitive system // *Handbook of social cognition* — R. S. Wyer, T. K. Srull. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1984. — Pp. 161–188.
312. Ryan R. M., Deci E. L. Self–determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. — 2000. — № 55. — Pp. 68–78.
313. Sagrestano L. M. Power strategies in interpersonal relationships. The Effects of Expertise and Gender // *Psychology of Women Quarterly*. — 1992. — № 16. — Pp. 481–495.
314. Samadifard H. R., Sadri D. E. The relationship between perception of social interaction, perceived social support and social acceptance with aggression among adolescents // *Journal Research Health*. — 2018. — № 8 (1). — Pp. 38–46.
315. Sarbin T. R. (Ed.). *Narrative psychology: The stories nature of human conduct*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1986.
316. Schapiro A. C., Turk-Browne N. B., Norman K. A., Botvinick M. M. Statistical learning of temporal community structure in the hippocampus. // *Hippocampus*. — 2016. — № 26. — Pp.3–8.
317. Serpe R. T. Stability and change in self: A structural symbolic interactionist explanation // *Social Psychology Quarterly*. — 1987. — № 50. — Pp. 44–55.
318. Shaw M. L. G., Gaines B. R. 'Kelly's 'geometry of psychological space' and its significance for cognitive modeling' // *The New Psychologist*. — 1992. — Pp. 23–31.
319. Sierra-Arévalo M., Papachristos A. V. Social Networks and Gang Violence Reduction // *Annual Review of Law and Social Science*, 2017. — №13 (1). — Pp. 373–393.
320. Slors M. Symbiotic cognition as an alternative for socially extended cognition // *Philosophical Psychology*. Advance online publication. 2019. <https://doi.org/10.1080/09515089.2019.1679591>.
321. Soja E. W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso. 1989.
322. Stepkin Y. P. Social psychology of the phenomenon of personal authority // *Psychology in Education*. — 2019. — № 1. — Pp. 249–257.

323. Stone-Jovicich S. S., Lynam T., Leitch A., Jones N. A. Using Consensus Analysis to Assess Mental Models about Water Use and Management in the Crocodile River Catchment // *Ecology and Society*. — 2011. — № 16(1). — P. 45.
324. Strauss C., Quinn N. *A Cognitive/Cultural Anthropology. Assessing Cultural Anthropology // A Cognitive Theory of Cultural Meaning*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1993.
325. Tabassum S., Pereira F. S. F., Fernandes S., Gama J. Social network analysis: An overview // *WIRES Data Mining and Knowledge Discovery*, 2018. — № 8(5).
326. Tajfel H. Turner J. C. *The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations*, Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. — Pp. 7–24.
327. *The Self-Concept: Social Product and Social Force // Social Psychology: Sociological Perspectives*. — New York: Basic Books. — Pp. 562–592.
328. Thoits P. A. On Merging Identity Theory and Stress Research // *Social Psychology Quarterly*. — 1991. — № 54. — Pp. 101–112.
329. Thompson L., Fine G. A. Socially shared cognition, affect, and behavior: A review and integration // *Personality and Social Psychology Review*. — 1999. — № 3(4). — Pp. 278–302.
330. Tomasello M., Kruger A., Ratner H.H. Cultural learning // *Behavioral and Brain Sciences*. — 1993. — № 16. — Pp. 495–552.
331. Tompson S. H., Kahn A. E., Falk E. B., Vettel J. M., Bassett D. S. Functional brain network architecture supporting the learning of social networks in humans // *NeuroImage*. — 2019. — № 210. — Pp. 116–498. doi:10.1016/j.neuroimage.2019.1164920208.
332. Tskhay K. O., Rule N. O. Accuracy in Categorizing Perceptually Ambiguous Groups // *Personality and Social Psychology Review*. — 2013. — № 17. — Pp. 72–86.
333. Tversky A., Krantz D. H. The dimensional representation and the metric structure of similarity data // *Journal of Mathematical Psychology*, 1970. — № 7. — Pp. 572–596.
334. Uchino B.N. Understanding the Links Between Social Support and Physical Health: A Life-Span Perspective With Emphasis on the Separability of Perceived and Received Support // *Perspective Psychology Science*. — 2009. — № 4(3). — Pp. 236–255.
335. Valente T. W. *Ego- and personal-networks effect // Social networks and health: models, methods, and applications*. — Oxford University Press, New York, 2010. — Pp. 61–80.
336. Van der Poel, M. G. Delineating personal support networks // *Social Networks*. — 1993. — № 15(1). — Pp. 49–70.
337. Van Vugt M. Evolutionary Origins of Leadership and Followership. *Personality and Social Psychology Review*. — 2006. — № 10(4). — Pp. 354–371.
338. Vanwindekens F. M., Stilmant D. P. Baret V. Development of a broadened cognitive mapping approach for analysing systems of practices in social-ecological systems // *Ecological Modelling*. — 2013. — № 2 (50). — Pp. 352–362.
339. Wasserman S, Faust K (1994) *Social network analysis: methods and applications*. Cambridge University Press, New York.

340. Whittington R. Giddens, structuration theory and strategy as practice. — Cambridge Handbook of Strategy as Practice. — 2015. — Pp. 109–126.
341. Wiley M. G. Gender, Work, and Stress: The Potential Impact of Role-Identity Salience and Commitment // Sociological Quarterly. — 1991. — № 32. — Pp. 495–510.
342. Wills T. A., Ainette M. C. Social networks and social support. // Handbook of health psychology. — Manchester. Psychology Press. 2012. — Pp. 465–492.
343. Woolcock M. The place of social capital in understanding social and economic outcomes // Canadian Journal of Policy Research, 2001. — № 2. — Pp. 11–17.
344. Wright E. O. Approaches to Class Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — Pp. 4–31.
345. Wright K. () Social Networks, Interpersonal Social Support, and Health Outcomes: A Health Communication Perspective // Frontier Communication. — 2016. — № 1. — p. 10.
346. Zajonc R. B., Sherman S. J. Structural balance and the induction of relations // Journal of Personality. — 1967. — № 35. — Pp. 635–650.
347. Zinbarg R. E., Revelle W., Yovel I., Li. W. Cronbach's Alpha, Revelle's Beta, McDonald's Omega: Their relations with each and two alternative conceptualizations of reliability // Psychometrika. — 2005. — № 70. — Pp. 123–133.
348. Zlokazov K. V., Tagiltseva Y. R. Youth Notion About Social Space: Interactive, Reflective, and Receptive Components. Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). DOI:10.2991/assehr.k.200509.111.
349. Zwickler N. A., Harrison, A. J., Welty, L. J., Teplin, L. A., Abram, K. M. Social Support Networks among Delinquent Youth: An 8-Year Follow-up Study // Journal of offender rehabilitation. — 2018. — № 57(7). — Pp. 459–480.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бланк анкеты «Представление о социальном взаимодействии»

1. Обычно, в течении одного дня Вы находитесь (общаетесь, взаимодействуете)...			
☐ В одиночестве	☐ С несколькими людьми	☐ С одной группой людей	☐ Со многими людьми
2. Если все Ваши знакомые соберутся вместе, то по своим взглядам на жизнь, они...			
☐ Все будут очень схожи	☐ Будут похожи, кроме отдельных людей	☐ Все будут немного различаться	☐ Все будут сильно различаться
3. Есть ли люди, с которыми Вы не стали бы общаться (ни при каких условиях)?			
☐ Таких нет, я общаюсь со всеми	☐ Да, есть пара-тройка человек недостойных моего общения	☐ Да, существует десяток человек, с кем я бы точно не стал общаться	☐ Да, существуют некоторые группы людей с которыми я не смогу общаться
6. Сколько людей руководят Вашими действиями в течении дня?			
☐ Таких нет. Я сам руковожу собой утром, днем и вечером	☐ Таких нет, но я веду себя также, как и другие люди	☐ Есть несколько человек, которые руководят мной в разные периоды дня	☐ Утром, днем и вечером мной руководят много разных людей
8. Отметьте, пожалуйста, за последние полгода приходилось ли Вам... (можно выбрать несколько вариантов либо оставить без ответа)			
☐ ... быть обманутым людьми?	☐ ... испытать предательство друга?	☐ ... разочароваться в себе?	☐ ... ощущать жестокость?
☐ ... пережить горе утраты?			
12. Чувствительны ли к Вам окружающие Вас люди? (Для ответа обведите цифру, приближенную к одному из двух вариантов)			
Бесчувственны ко мне	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Внимательны ко мне	
13. Поддерживают ли Вас окружающие люди?			
Мешают	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Поддерживают	
14. Порядочны ли по отношению к Вам окружающие люди?			
Лживы	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Честны	
15. Как относятся к Вам окружающие Вас люди?			
Жестоки	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Добры	
16. Как влияют на Ваше состояние окружающие люди			
Разочаровывают	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Вдохновляют	
17. Каким Вы видите себя в отношениях с окружающими людьми? (Для ответа обведите цифру, приближенную к одному из двух вариантов)			
Неуверенным	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Уверенным	
18. Какими Вы видите свои поступки по отношению к другим людям:			
Ошибочными	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Правильными	
19. Какими Вы воспринимаете свои действия в отношениях с другими людьми:			
Запутанными	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Точными	
20. Каким Вы видите себя в отношениях с другими людьми?			
Похожим на других, безликим	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Особенным, уникальным	
21. Какими Вы оцениваете свои решения, сделанные в присутствии других людей?			
Ненужными	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Важными	
23. Нужно ли менять мнение о Вас у людей, которые Вас знают?			
☐ Да, у семьи и близких	☐ Да, у друзей	☐ Да, у коллег, знакомых	☐ Да, у всех, кто меня знает
24. Можете ли Вы изменить сложившиеся отношения с другими людьми (Для ответа обведите цифру, приближенную к одному из двух вариантов)			
Нет, это сложно	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Да, я могу изменить	
25. Перестраиваете ли Вы свои отношения с другими людьми?			
Отношения не зависят от меня	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Да, я перестраиваю их как считаю нужным	
26. Влияете ли Вы на свои отношения с другими людьми?			
Нет, отношения не зависят от меня	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Да, я влияю на отношения и изменяю их	
27. Пересматриваете ли Вы свое отношение к окружающим людям?			
Отношение к людям не меняется	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Да, со временем пересматриваю отношение	
28. Размышляете ли Вы об изменении отношений с окружающими Вас людьми?			
Нет, не думаю об этом	3..... 2..... 1..... 0..... 1..... 2..... 3	Да, я размышляю об этом	

Научное издание

Злоказов Кирилл Витальевич,
кандидат психологических наук, доцент

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕСТУПНИКА**

Монография

Печатается в авторской редакции

Корректор *Фролова А. В.*
Компьютерная вёрстка *Фролова А. В.*
Дизайн обложки *Савиных А. И.*

ISBN 978-5-91837-457-3

Подписано в печать 19.11.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать цифровая. Объем 16,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 51/21

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1